

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

У ИСТОКОВ
ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
в эпоху перехода
от феодализма к капитализму
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Редакционный совет серии:

Д. Ф. МАРКОВ (председатель),

В. Н. ВИНОГРАДОВ, А. С. МЫЛЬНИКОВ (заместители председателя),

Л. А. ОБУШЕНКОВА (ответственный секретарь),

Г. Л. АРШ, В. А. ДЬЯКОВ, В. И. ЗЛЫДНЕВ,

Т. М. ИСЛАМОВ, Б. Н. ПУТИЛОВ, Л. Н. СМИРНОВ,

Б. Ф. СТАХЕЕВ, В. И. ФРЕЙДЗОН

У ИСТОКОВ
ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ

Общественно-культурное развитие
и генезис
национального самосознания

Ответственный редактор
А. С. МЫЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1984

Сборник посвящен исследованию генезиса наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Рассматриваются общие проблемы этносоциального развития, перехода от феодальных народностей к нациям буржуазного типа у славянских и балканских народов (социально-экономические предпосылки, роль городов в этнической консолидации и интеграции, влияние роста рыночных связей на этнокультурное развитие и др.), особенности формирования национального самосознания у отдельных народов региона.

Редакционная коллегия:

П. А. ДМИТРИЕВ, Т. М. ИСЛАМОВ, А. С. МЫЛЬНИКОВ,
Л. А. ОБУШЕНКОВА, В. И. ФРЕЙДЗОН, В. А. ЯКУБСКИЙ

Рецензенты:

И. С. ДОСТЯН, С. М. СТЕЦКЕВИЧ

У $\frac{0506000000-277}{042(02)-84}$ 48-III-84

© Издательство «Наука»,
1984 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Проблемы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе привлекают к себе все большее внимание советских исследователей, занимающихся вопросами истории и культуры славянских и балканских народов. Достаточно, например, сослаться на вышедшие в рамках настоящей серии коллективные труды «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977), «Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков» (М., 1978), «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты» (М., 1981), «Литература эпохи формирования наций. Просвещение. Национальное Возрождение» (М., 1982), на двухтомный коллективный труд сравнительно-исторического характера «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980—1981), в котором формированию наций в монархии Габсбургов уделено значительное место, наконец, на ряд индивидуальных монографий и тематических сборников.

Эти труды получили со стороны научной общественности положительную оценку. Так, акад. Б. Б. Пиотровский и В. А. Тишков отметили, что за прошедшее пятилетие «произошел существенный сдвиг в изучении сложных процессов формирования наций и национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе, особенно в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Исследованы история освободительных движений народов Австрийской империи, процессы национального возрождения и формирования славянских литературных языков и национальных культур. Эта научная задача решается в новейших работах средствами разных наук, и такой комплексный, системный анализ способствует многоаспектному освещению сложных исторических явлений»¹. В результате становится возможным осмыслить как общие закономерности, так и черты регионального и этнического своеобразия развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако проблемы процесса складывания наций, его предьстории, истоков, самого механизма перехода в Центральной и Юго-Восточной Европе от народностей феодального типа к нациям формировавшегося буржуазного общества наименее разработаны. К ним, в частности, относится вопрос о сопряженности раннего периода становления наций в Центральной и Юго-Восточной Европе (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) с периодом европейского Ренессанса XVI—начала XVII вв., наложившим отпечаток на историю восточной части континента.

Другим существенным аспектом является изучение многообразных — социально-экономических, военно-политических, конфессиональных и культурных связей народов ареала между собой и с другими народами Европы.

Названная проблематика отличается крайней сложностью и недостаточной разработанностью. В силу этого по ряду вопросов между исследователями существуют отдельные расхождения. Далеко не во всем согласны друг с другом и авторы предлагаемого сборника, которые не претендуют на всестороннее освещение темы. Более или менее полную картину становления наций и национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы станет возможным получить в результате длительного и коллективного исследования. С учетом сказанного в настоящей книге рассматриваются некоторые проблемы завершающего этапа развития феодальных народностей и раннего этапа формирования наций, в особенности периода, предшествовавшего подъему национальных движений. Работы, представленные здесь, посвящены как проблемам общего характера, так и отдельным конкретным вопросам, таким, как распространение этнонима, формирование литературного языка, деятельность просветителей, отражавшая и вместе с тем стимулировавшая становление общественного сознания, межнациональные культурные контакты, вносящие важные компоненты в национальное сознание, и др.

Собранные в книге исследования являются результатом работы секции «Проблемы формирования наций» Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и его Ленинградского отделения (подробнее см. статью Н. К. Жаковой, с. 219—226). Наряду с сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР авторами статей являются представители учреждений, активно сотрудничающих в рамках Научного совета — Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Ленинградского университета и др. Авторы надеются, что их работы будут способствовать повышению внимания к комплексному изучению исходных рубежей и раннего этапа генезиса наций и национального самосознания, стимулируя тем самым дальнейшие исследования.

¹ *Пиотровский Б. Б., Тишков В. А.* Итоги исследований советских историков в десятой пятилетке. — ВИ, 1981, № 2, с. 16—17.

І. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ К НАЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

В. И. Фрейдзон

Рубежи исторического процесса складывания буржуазных наций определяются формированием буржуазного уклада в недрах феодальной формации. Как известно, «капиталистическая эра» в истории человечества началась в XVI в.¹ Хотя ранние буржуазные отношения имели место в Италии уже в XIV в., именно в XVI в. зародился капитализм (мануфактурное производство) как уклад в нескольких странах Западной Европы — Нидерландах, Англии, Франции. Это была эпоха разложения феодализма и формирования капитализма.

Сплочение населения в нации первоначально протекало в условиях существования феодальных народностей — этносоциальных общностей, соответствовавших феодальным производственным отношениям. В ряде случаев формирование нации означало в сущности перерастание народности в качественно новую общность — нацию. Феодальная народность в территориальном, политическом и языково-культурном отношениях служила непосредственной основой зарождавшейся нации. Таким, например, было развитие английской и русской наций. В обоих случаях феодальная народность имела полную социальную структуру (наличие собственного господствующего класса) и собственную национальную государственность. К тому же типу относились этносоциальные процессы в Чехии и Польше во времена их самостоятельности, до ликвидации чешского класса феодалов и политического единства польской территории. Но, в отличие от чехов, поляки сохранили собственную государственность в ранний период формирования нации, что способствовало этносоциальному процессу. Кроме австрийских немцев, все народы ареала востока Центральной и Юго-Восточной Европы в разное время утратили самостоятельность. Все же по социальному типу этнический процесс у венгров (как до, так и после утери независимости) был более близким к охарактеризованному выше. В рамках Австрийской монархии сохранилось особое Венгерское королевство, венгры имели свой класс феодалов и феодально-словную автономию. Но, конечно, чуженациональное господство

(отсутствие суверенных прав) стало одним из решающих моментов, сказавшихся на процессе формирования венгерской нации.

Иное дело, когда уже раннефеодалная независимая государственность была утеряна и длительная политическая раздробленность и различная социальная структура и разные диалекты населения разных областей (а в особенности эти обстоятельства вместе) привели к ослаблению общего этнического самосознания, причем в такой степени, что можно говорить о крайнем ослаблении единства и, быть может, даже об исчезновении единой феодальной народности, о господстве локального, провинциального самосознания. Например, у хорватов в XVII—XVIII в. общее этническое сознание вне пределов «Королевства Хорватии» (входившего с XII в. в состав Венгрии на началах скромной автономии, а к позднему средневековью потерявшего большую часть бывшей территории) было при- сущее лишь небольшому числу образованных людей. Здесь нация в основном начала формироваться на базе ряда локальных общностей феодального типа (далматинцы, славонцы и др.) и процесс ее развития в XVIII—XIX в. включал в себя распространение сознания общей этнической принадлежности.

На основе ряда локальных общностей (крайинцы, штирийцы и др.) формировалась и словенская нация в составе Австрийской монархии, при этом у словенцев (в отличие, например, от чехов) не было традиций общей государственности и (в отличие от венгров, поляков и частично хорватов) не было своего господствующего класса феодалов и своих автономных сословных учреждений. Это еще более осложняло развитие их национального самосознания, в особенности на раннем этапе.

При феодализме — до эпохи формирования буржуазного уклада — экономические связи в пределах данного этноса или родственных этнических групп осуществлялись, естественно, только на основе феодального способа производства (торговля продуктами сельского хозяйства, сельских и городских промыслов, т. е. изделиями простого товарного производства)*. Торговые связи до возникновения хотя бы примитивных форм капиталистических отношений стимулировали этносоциальные процессы развития, укрепления внутренних экономических и культурных связей (консолидацию) феодальной народности**. Зарождение же качественно нового исторического процесса формирования наций было связано с генезисом капиталистических отношений, в дальнейшем — со степенью интенсивности их развития. Этот период характеризуется

* Кроме того, у народностей, имевших собственный господствующий феодальный класс, процесс культурного и политического сплочения стимулировался общеклассовым социально-политическим интересом феодальных землевладельцев. Ко времени начала формирования нации господствующий класс, например в Венгрии, осознавал свой общеклассовый интерес и обладал общим, охватывающим весь класс, этносоциальным самосознанием феодального общества (народностным самосознанием).

** Этот период, непосредственно предшествовавший разложению феодальных отношений и формированию капиталистических, мы называем поздним феодализмом.

наличием двух типов социально-экономических связей — феодальных и буржуазных, при этом буржуазные связи определяли сущность этносоциального процесса.

Таким образом, период до возникновения буржуазного уклада можно рассматривать как часть «истории нации» только в широком значении понятия «история», непосредственно же «история нации» начинается вместе с формированием буржуазного уклада и, особенно, с возникновением самосознания нации.

До возникновения капиталистического уклада уровень и характер этнического сознания соответствовали феодальным отношениям, при которых товарно-денежные связи лишь дополняли в основе своей натуральное (по характеру отношений в производстве) хозяйство. В формировании этого сознания роль государственного, административно-политического, а также идеологического, в особенности религиозного, факторов очень велика².

При феодализме крестьянин понимал свое этническое отличие от соседних народов, в особенности если соприкасался с ними (отличие по языку и вере), но его этническому самосознанию были свойственны традиционность и локальная ограниченность, соответствовавшие хозяйственному быту сельской массы. Лишь крупные политические события (войны, особенно отражение внешней агрессии, крестьянские восстания) нарушали эту ограниченность. Значительные элементы системы этнических представлений, присущих феодальному крестьянству, нередко сохранялись вплоть до периода, когда деревня оказывалась широко вовлеченной в социально-экономические связи капиталистического общества³.

Весьма ограниченными при феодальном строе были этнические представления и господствующего класса. В Польше, Венгрии и Хорватии, например, под «народом» (*natio*) в средние века феодалы понимали только свой класс, господствующий на определенной территории, причем независимо от этнического происхождения. Все большее внимание языку и быту массы населения стало уделяться идеологами феодального класса в период консолидации феодальных народностей, но главным образом в период разложения феодализма и складывания нации. Это было вызвано формированием рынка и связанным с ростом товарно-денежных отношений, резким обострением социальных противоречий, что побуждало господствующий класс воспринимать «национальные идеи» и ставить их на службу своим интересам.

До этого этническое самосознание господствующего класса в значительной степени определялось административно-политической структурой государства: так, в XVII—XVIII в. дворянство земель Чешской короны, обычно двуязычное, т. е. говорившее по-немецки и по-чешски, осознавало себя «богемцами» и «мораванами» (нередко — «немецкоязычными богемцами» и т. д.), но не немцами или чехами вообще, а, например, дворяне Крайны, основной словенской провинции Австрии, как правило говорившие по-немецки и по-словенски, по крайней мере до середины XVIII в. считали себя «краинцами», но не немцами или словенцами⁴.

Отрицательное воздействие политической раздробленности и утери национального господствующего класса и национальной государственности на этническое сознание в феодальную эпоху подчас частично нейтрализовалось благодаря такому сплывающему идеологическому фактору, как религиозная принадлежность к институту национальной церкви. Так было у сербов Австрийской монархии и Османской империи, где в условиях инонациональных и иноверных феодальных государств немалую роль в сохранении самосознания этнической принадлежности народных масс вплоть до буржуазной эпохи играли православная религия и церковь как общественная организация. И здесь этническому самосознанию народа были присущи специфические представления феодальной эпохи: называя себя сербом, крестьянин прежде всего имел в виду принадлежность к православию; в некоторых районах у сербоязычного православного населения отсутствовал и этноним «серб». В то же время у сербского народа сохранялось и характерное народное самосознание: жили воспоминания о средневековом государстве, уничтоженном в результате османского нашествия в XV в., масса населения в своих эпических песнях выражала традиции героической борьбы с османами.

Особенно трудным было начало формирования наций у народов, не располагавших никакими особыми «национальными» правами (обычно это было связано с отсутствием собственного класса феодалов, как, например, у словаков, словенцев или — в Османской империи — у болгар).

Проблема перерастания феодальной народности в нацию является органической частью комплекса вопросов перехода от феодализма к капитализму. Ввиду этого напомним важную мысль С. Д. Сказкина о том, что возникновение национального рынка нередко происходило в рамках феодальной формации. Национальный рынок в целом ряде стран сложился до капитализма⁵. Внутренний рынок на основе разделения труда и торговых связей формировался там, где существовало товарное обращение. Понятие «национальный рынок» в данном случае означает экономические связи, охватывающие основную территорию народа в эпоху феодализма*.

Соответственно и в интересующем нас ареале, поскольку торговые связи еще не являлись связями, присущими капиталистическому укладу, они не были основой процесса формирования нации. Этносоциальным процессом той эпохи была консолидация феодальной народности или сплочение двух (или более) народностей или локальных общностей; в этническом отношении (усиление «плотности» внутренних связей этноса, его однородности) это была историческая подготовка процесса формирования нации.

В многонациональных государствах, из которых состоял ареал Юго-Восточной и востока Центральной Европы в XVIII—XIX вв., для складывания той или иной нации существенное значение, в осо-

* Понятие «национальный» многозначно и применяется не только для буржуазной и социалистической, но и для феодальной формаций.

бенности на раннем этапе, имело паличие или отсутствие (к началу процесса складывания нации) национального класса феодалов. Это сказывалось на формировании и составе национальной буржуазии и интеллигенции, на самосознании крестьянства; во многом предопределяло положение той или иной феодальной народности вообще. Другим важным обстоятельством был национальный состав буржуазии данной области, а также место ионациональной буржуазии в экономике (т. е. вопрос о том, кто осуществлял буржуазные торговые связи на территории данного этноса). Например, в Чешских землях в промышленном предпринимательстве в XVIII—первой половине XIX в. господствовала немецкая буржуазия; о чешском промышленном предпринимательстве в более заметном масштабе можно говорить лишь со второй четверти XIX в. Венгерское, хорватское или сербское промышленное предпринимательство получило более или менее значительное развитие еще позднее.

Длительное время буржуазия неполноправных наций в основном состояла из торговцев, а национальная промышленность была незначительной. Это следует учитывать при датировке и характеристике темпа формирования наций. Мы привели чешский пример потому, что из всех неполноправных народов Центральной Европы буржуазная социальная структура у чехов создавалась наиболее рано. При рассмотрении данного процесса следует учитывать также интенсивность темпов формирования буржуазной структуры в аграрной сфере, в различных областях Центральной и Юго-Восточной Европы (прежде всего в Чехии).

Кроме того, рассматривая социально-экономические предпосылки складывания нации в многонациональных государствах, необходимо держать в поле зрения не только внутринациональные социально-экономические связи (формирование капиталистического способа производства и национального капиталистического рынка), но и связи в рамках всего государства, подчас приобретающие решающее значение для хода всего процесса.

Та или иная национальная буржуазия в последние десятилетия XVIII—первой половине XIX в. могла быть связана с феодальным дворянством (например, сербская и хорватская буржуазия в Австрийской империи в основном торговала хлебом и другими товарами, поставлявшимися имениями помещиков южной Венгрии и Хорватии-Славонии), но могла уже обслуживать и рынок ионациональной капиталистической промышленности (так, чешские торговцы долгое время поставляли в чешскую деревню изделия, в основном произведенные на предприятиях, принадлежавших немецким капиталистам). В первом случае торговая буржуазия по преимуществу оставалась в пределах феодальных отношений (наемный труд при перевозке хлеба сам по себе не свидетельствует о капитализме), во втором — в значительной мере функционировала в рамках капиталистического уклада. По-видимому, в первом случае буржуазия в основном еще способствовала упрочению внутренних связей феодальной народности, а ее место в процессе формирования нации по преимуществу еще ограничивалось той ролью, какую вообще тор-

говый капитал играл в деле разложения феодального способа производства и подготовки капиталистического. Во втором случае буржуазия неполноправной народности уже в большей степени включалась в процесс складывания нации, в процесс развития социальных связей на капиталистической основе, хотя и здесь еще надо с осторожностью говорить о формировании национального рынка, поскольку это в основном был рынок инациональной промышленности. Если продолжить рассмотрение чешского примера, то складывание нации здесь резко ускорилось тогда, когда чешская буржуазия организовала переработку в широких масштабах сельскохозяйственного сырья и производство инвентаря и других товаров для чешской деревни (во второй—третьей четверти XIX в.).

Далее, для выяснения социальной природы национальной буржуазии в многонациональном государстве (а тем самым и ее места в формировании структуры нации) немаловажно то, что уже в XVIII и все более в XIX в. буржуазные торговые верхи (правда, немногочисленные) связываются с крупным торговым, банковским и в какой-то мере даже с промышленным капиталом господствующей нации, с транспортными компаниями (например, владельцами морских и речных судов) и строительными обществами, с железнодорожными компаниями (в габсбургской монархии во второй четверти XIX в.). Тем самым они становились частью многонационального класса капиталистов-предпринимателей.

Понятна сложность проблемы исследования социальной структуры той или иной этносоциальной общности и процесса перехода от феодальной народности к нации. Существенное воздействие на основные черты, особенности и интенсивность этого процесса оказывал общий уровень социально-экономического развития региона, данного многонационального государства, составлявшего особую развивающуюся систему (социальный организм). Взаимосвязи в пределах этой системы и должны быть предметом рассмотрения. В этом отношении между габсбургской империей и османским государством имелись весьма важные различия.

Итак, только наличие капиталистического уклада в многонациональном государстве в целом служит объективной основой процесса складывания наций. По-видимому, данный процесс начинался даже при незначительности этого уклада в структуре какой-либо феодальной народности. Условием этого было вступление многонационального государственного комплекса в целом (и прежде всего господствующей нации), на путь развития капитализма, но особенно наличие капиталистического уклада на данной территории, хотя бы носителем «буржуазных связей» (в смысле промышленного производства) в основном являлись инациональные капиталисты. В этом последнем случае в среде неполноправного народа формирование рабочего класса, одного из основных классов буржуазного общества (буржуазной нации), обгоняло развитие национальной промышленной буржуазии. В подобных условиях переход от феодальной народности к нации осуществлялся несколько замедленно,

так как тормозилось создание этносоциальной структуры буржуазного общества.

Наконец, генезис «национальных» идей стимулировался, во-первых, воздействием национальных политических и культурных традиций, в особенности воспоминаний о былом национальном государстве, о славной борьбе против захватчиков, о времени подъема отечественной культуры, и во-вторых, прогрессивным воздействием со стороны других народов и исторических событий, таких, как войны России с Османской империей, Отечественная война 1812 г., Великая французская революция.

Уже в рамках позднего периода развития феодального общества* (в Центральной Европе — XVI—XVII или начало XVIII в., в Юго-Восточной Европе — конец XVI—большая часть XVIII или начало XIX в.) разделение труда, рост городов и разного рода промыслов, развитие торговли и торговой буржуазии, связанное с этим усиление феодальной эксплуатации и обострение классовой борьбы, сопровождались оживлением пропаганды национальных идей, развитием и распространением вширь «национального» (народностного) самосознания.

Если обратиться к Чешским землям, то здесь централизованные мануфактуры спорадически появились уже в конце XVII в., и число их возрастало в XVIII в., в связи с чем есть основания говорить о складывании предпосылок для формирования чешской нации примерно с этого времени, хотя начало «национального пробуждения» относится только ко второй половине XVIII в.⁶ Вместе с тем в XVII в., вопреки трагическим событиям чешской истории, продолжалась консолидация чешской феодальной народности, развитие «национального» (народностного) самосознания. Об этом свидетельствует, например, национально-патриотическая деятельность Б. Бальбина и его кружка, собиравшегося в 1660—1680-х годах. Членами кружка «были представители патриотически настроенного духовенства, связанные происхождением или деятельностью с мещанской средой»⁷. Бальбин создал трактат «Защита славянского, в частности, чешского языка» (1673 г.). Развитие чешской феодальной народности — процесс, являвшийся исторической (этнической и социальной) предпосылкой начала формирования нации. Сходные процессы и явления имели место в истории разных народов ареала⁸.

Эти многообразные явления, как в сфере экономической и социальной, так и политической, культурной и идеологической, свидетельствуют, что в рамках феодализма, уже в период, непосредственно предшествующий разложению этой формации, накапливаются значительные изменения, послужившие основой либо для развития единого народностного самосознания, либо самосознания нескольких народностей и территориальных этносоциальных групп, проявлявших тенденцию к сближению, к слиянию в единую народ-

* Как говорилось, под «поздним» периодом развития феодализма здесь имеется в виду период, непосредственно предшествующий формированию капиталистического уклада.

ность; в ряде случаев это слияние происходило уже в ходе процесса формирования нации. Национально-патриотическая деятельность в период позднего феодализма отражала ситуацию, в которой находилась феодальная народность, а затем, в период разложения феодализма, сомкнулась с «национальным пробуждением» в прямом значении термина (т. е. в значении компонента процесса формирования буржуазной нации) *.

Конечно, внутренние связи феодальных народностей, не имевших своего государства, были относительно невелики; интенсивность их быстро возрастала в процессе формирования наций.

Уже на поздней стадии феодализма (и соответственно — консолидации феодальной народности) начинает исчезать застойность представлений, распространяются идеи изменения мира и в связи с этим — необходимости обеспечения позиций своего этноса среди народов Европы. Вывод об усилении интереса к этническим проблемам в это время находит подтверждение, в частности, в факте распространения представлений о славянской общности именно в период позднего феодализма, — в связи с развитием разнообразных контактов между народами. Первоначально этот «славизм» еще оставался в пределах феодального (сословного, нередко религиозного) мировоззрения (XVII—первая половина XVIII в.). Писатели этого времени, внимание которых привлекали вопросы происхождения, родства, языка, истории славян, являлись предшественниками идеологов национального пробуждения XVIII—XIX вв.

В среде народов, не имевших национального класса феодалов, уже в народностном сознании и народно-освободительной идеологии позднефеодального периода имелись антифеодальные черты, поскольку эта идеология была направлена против инационального господствующего класса. По крайней мере часть торговой буржуазии, представительницы непривилегированного сословия, в период позднего феодализма и в период разложения феодализма в монархии Габсбургов проникается антифеодальными настроениями. Еще более явственно это сказывается в османских владениях на Балканах, поскольку условия хозяйствования национальной буржуазии здесь были наиболее неблагоприятными. Мощные антифеодальные устремления массы крестьянства и городских низов все более сказываются в идеологических концепциях эпохи.

Синхронное сравнение этносоциальных процессов в Западной Европе, с одной стороны, в восточной части Центральной и Юго-Восточной Европе, с другой, показывает, что начальный этап формирования наций на Западе приходится на значительно более раннее время. Разложение феодализма в странах «восточнее Эльбы» и тем более на Балканах наступило относительно поздно. Складыва-

* Не столь важно, применяется ли для этого этапа термин «национальное пробуждение», или «национальное Возрождение». Польша и Венгрия, например, не переживали в этот период упадка культуры, языка и общественной жизни, связанного с пноземным игом, поэтому польская и венгерская историография названного понятия не применяет.

ние наций сопровождало процесс вовлечения широких слоев народа в экономические связи. Во Франции, например, в XVI—XVIII в. основным поставщиком растущей массы товаров на внутренний рынок все в большей мере являлись обуржуазивающееся крестьянство и городская буржуазия, они выступали как контрагенты в процессе разделения труда и развития обмена между растущим городом и деревней. Создавался слой капиталистических фермеров и слой батраков. В деревне распространялась рассеянная и централизованная мануфактура. Вызревание капиталистического уклада затронуло все стороны жизни общества. Усилилась социальная и территориальная мобильность крестьянства. Этой ситуации соответствовал и уровень социально-классового и вместе с тем этнического самосознания крестьян⁹. В регионе восточнее Эльбы с его «вторичным закрепощением» крестьянства основным поставщиком товара на внутренний (и тем более на внешний) рынок становилось феодальное поместье, хозяйственная инициатива и самостоятельность крестьянина вплоть до периода кризиса феодализма все более ограничивалась, крестьянин оттеснялся от рынка, причем степень этого оттеснения находилась в прямой связи со степенью его закрепощения. Города в странах на востоке Центральной Европы и в Восточной Европе развивались медленно, внутренний рынок был относительно узким¹⁰.

В восточной части Центральной Европы процесс складывания наций резко ускорился в условиях кризиса феодального строя, в особенности после освобождения крестьян от личной зависимости (в Чехии и Моравии — с 80-х годов XVIII в.), тем более, что само это освобождение явилось следствием потребностей капитализма, наиболее интенсивно развивавшегося в некоторых австрийских и чешских областях. Начавшись позднее, социально-экономические изменения в восточной части Центральной Европы и в Юго-Восточной Европе проходили в более быстром темпе, чем на Западе, и, соответственно, интенсивнее разворачивались и этносоциальные процессы.

Повсеместное распространение сознания национальной принадлежности и общего этнонима, свидетельствующего о наличии такого сознания, иногда принимается за доказательство завершения процесса складывания буржуазной нации. Но при этом, по-видимому, упускается из виду, что нация — не просто этническая общность буржуазной эпохи, но общность этносоциальная (этносоциальный организм). Как мы отмечали, широкое распространение общего этнического самосознания возможно на стадии феодальной народности (хотя здесь этническое сознание отягощено разного рода субэтническими, локальными, сословными, религиозными и иными представлениями), нередко же этот процесс сопровождал формирование нации, т. е. возникал позднее, чем в первом случае, но, как правило, опережал завершение складывания нации (например, у словенцев сознание принадлежности к словенскому народу шло на смену самосознанию провинциальному в конце XVIII—первой половине XIX в., т. е. уже в период интенсивного формирования

нации). Завершение процесса складывания нации, по нашему мнению, следует увязывать главным образом с определенным уровнем социальной структуры капиталистического общества¹¹ (мы здесь опускаем важный вопрос о единой государственности). Поэтому, например, вряд ли можно считать, что французская нация вполне сложилась ко времени Великой французской революции XVIII в. Нация уже возникла, но оформления классов буржуазии и пролетариата еще не произошло. Еще в большей мере данное соображение относится к английской нации эпохи Английской буржуазной революции XVII в. Буржуазная революция, открывая простор становлению капиталистической социальной структуры, создает возможность завершения процесса складывания наций.

Итак, в XVI—XIX вв. в этносоциальном развитии народов Центральной и Юго-Восточной Европы можно выделить два этапа, первый из которых характеризуется новыми явлениями во внутриэтнических связях в рамках феодализма, а второй — одновременным воздействием связей, присущих феодальному и буржуазному обществу. Последний этап совпадает в общем и целом с эпохой разложения феодализма и перехода от феодализма к капитализму, эпохой, включающей период генезиса и развития буржуазного уклада в рамках феодальной формации и период победы и утверждения капитализма. В восточной части Центральной Европы и в Восточной Европе утверждение капитализма заняло несколько десятилетий и этот процесс также являлся компонентом переходной эпохи. В Балканских странах, освободившихся от османского господства, последний этап был различным по продолжительности в зависимости от социальных условий и времени возникновения национальных государств.

Национально-патриотическая деятельность, вызванная развитием феодальной народности, имела место уже на первом из двух указанных выше этапов; она подготавливала «национальное пробуждение», строго говоря, относящееся ко второму этапу (как проявление процесса складывания нации). Грань между этими этапами в каждом отдельном случае подчас определить трудно, поскольку данные явления нередко имели место в период формирования капиталистического уклада в регионе в целом, более того, они развивались в эпоху разложения феодализма и перехода к капитализму в масштабе всей Европы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 728. См. также: Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.

² См., например: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 278.

³ См. статью Л. А. Обушенковой в данной книге.

⁴ См. статью И. В. Чуркиной в данной книге.

⁵ Сказкин С. Д. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959, М., 1961, с. 28.

⁶ См. статью А. С. Мыльникова в данной книге.

⁷ Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. М., 1977, с. 15.

- ⁸ Подробнее вопрос рассмотрен в статье: *Фрейдзон В. И.* К проблеме перехода от феодальной народности к нации в Центральной и Юго-Восточной Европе. — Новая и новейшая история, 1983, № 4.
- ⁹ *Люблинская А. Д.* К проблеме социальной психологии французского крестьянства XVI—XVIII вв. — ВИ, 1981, № 10; Она же. Французские крестьяне XVI—XVIII вв. Л., 1972.
- ¹⁰ См.: *Чистозвонов А. Н.* Общее и особенное в процессе генезиса капитализма в странах Центральной и Восточной Европы: (постановка вопроса). — В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.
- ¹¹ Подробнее см.: Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981, гл. VII, § 11.

О РОЛИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (XVIII—XIX вв.)

Н. В. Юхнёва

Научная значимость и важность сравнительно-типологических исследований в истории бесспорна. В настоящем сборнике, как и в предыдущих изданиях серии, анализируются закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако представляет интерес также выход за пределы региона, сопоставление его этнического развития с этническим развитием народов остальной Европы. В этой связи заслуживает внимания исследование, проделанное М. Грохом (ЧССР)¹. Сопоставив чешское и словацкое Возрождение с судьбами тех европейских народов, которые он называет «малыми» (подразумевая под этим народы с неполной социальной структурой и отсутствием собственной государственности), М. Грох считает возможным говорить о национальном Возрождении также эстонцев, латышей, литовцев, белорусов, финнов, норвежцев, фламандцев, ирландцев, валлийцев, бретонцев, басков. Его исследования, вместе с работами советских этнографов², способствуют преодолению представлений о том, будто национальный вопрос и национальные движения сосредоточены только «к востоку от Эльбы».

В настоящей статье делается попытка сопоставления некоторых моментов этнической истории народов Австрии (Австро-Венгрии) и России. При всем различии между ними, все же в XVIII—XIX вв. это были две крупнейшие многонациональные империи в Европе и совершенно необходимо их сравнительное изучение. Возможно, что в ходе последующих основательных изысканий выявится больше различий, чем сходства, но в этой статье основное внимание уделено аналогиям, так как их наличие только и позволяет утверждать возможность и необходимость параллельных исследований.

Один из аспектов таких исследований — сопоставление многонациональных городов Австрии и России. Этническая пестрота насе-

ления и интенсивность протекания этнических процессов — характерная черта крупных городских центров вообще; в городах многонациональных государств это, естественно, проявляется особенно ярко. Сравнение между собой как столиц Австрии и России, так и национальных столиц живших в их границах народов, представляет большой научный интерес. Начав с анализа этнического состава населения, мы в этой статье главное внимание уделим характеристике роли многонациональных городов в интеграционных этнических процессах и развитии национального самосознания.

Каждый город, центр и столица того или иного народа, прежде всего участвует в становлении национальной культуры именно этого народа. Таким городом была Вена для австрийцев, Петербург и Москва для русских, Варшава для поляков, Прага для чехов и т. д. Это совершенно особая тема. Материал настоящей статьи ограничится к пей лишь косвенно. Дело в том, что собственно этноконсолидационные процессы не связаны непосредственно с самим фактом многонациональности городов. Некоторое отношение к этой теме имеет лишь показ постепенной коренизации населения Праги, Будапешта, Риги, Таллина, поскольку национальное Возрождение связано с преодолением инонациональных влияний. Этноинтеграционная роль многонациональных городов Австрии и России именно как городов с многонациональным населением выразилась прежде всего в том, что многие из них имели определенное значение для национального развития и культурного возрождения народов, не принадлежавших к этническому большинству, к коренному населению этих городов, а также служили источником развития национального самосознания.

Возникновение национально-организующих центров вне основной этнической территории народа было связано, как правило, с отсутствием там национальных городов (либо вообще городов). Так было у словаков, словенцев, белорусов. В этом случае центром национального движения хотя бы на время так или иначе предстояло стать городу инонациональному, и не было большой разницы, находится он на собственной территории или вне ее. Играло свою роль и то, что национальный гнет почти всегда наиболее тяжел был именно в границах расселения народа, а не вне их. В результате, например, эстонцы и латыши стремились в Петербурге спастись от ассимиляторства прибалтийских немцев, словаки искали возможностей национального развития в Праге. Отдаленное от основной этнической территории расположение национального центра было возможно только на первом этапе национального движения, когда главной действующей силой его были группы интеллигенции, занятые разработкой национального языка и изданием литературы на этом языке. При переходе ко второму, массовому этапу национального движения центры его сосредотачиваются на национальной территории (у сербов, словаков, латышей, эстонцев) ³.

Этнический состав населения. Выяснение этнического состава населения городов, казалось бы, не должно вызывать трудностей,

во всяком случае начиная с того времени, когда в них стали проводиться регулярные и достаточно полные переписи. Однако это не так: серьезные проблемы ставят перед исследователем недостатки тогдашней статистики. Основным недостатком было то, что в качестве этноопределителя использовалась не этническая принадлежность, а родной язык. Однако и понимание «родного языка» не было четко определено. В России родной язык трактовался по большей части как язык материнский, но полного единогласия не было. Во время первой всероссийской переписи 1897 г. понятие «родной язык» было максимально приближено к понятию этнической принадлежности, при петербургских городских переписях оно понималось скорее как разговорный. В Австрии родной язык практически полностью приравнивался к основному разговорному. Определение национальности по языковому показателю в регионах со смешанным населением и интенсивной языковой ассимиляцией приводит к серьезным погрешностям; это относится и к многонациональным городам, где этническая и языковая принадлежность часто не совпадают. В результате в Вене (особенно), в Праге и Будапеште (в меньшей степени) была преувеличена доля немцев. в Будапеште — мадьяр, в Петербурге — русских, в Риге и Таллине — немцев.

К искажениям приводило также неправильное употребление некоторых этнонимов. В России большая путаница наблюдалась в разграничении русских, белорусов и украинцев (этноним «русские» употребляли в двух смыслах — как синоним «великорусов» и как обобщенное наименование трех восточнославянских народов). Встречались и другие ошибки: в России белорусов, как и литовцев, иногда называли поляками, в Венгрии украинцев — русскими и т. п. Иногда национальная принадлежность искажалась сознательно (самими жителями — из престижных соображений или прямой дискриминации, организаторами переписей — в целях преувеличения успехов ассимиляторской политики). Особенно это относится к Австрии. Еще в 1875 г. в вышедшем в Петербурге «Славянском сборнике» можно было прочитать о том, что данные австрийской статистики «нужно всегда принимать с большим скептицизмом, потому что люди, заправляющие ходом переписей, заинтересованы в результатах и более всего в области этнографической»⁴.

В конце XIX в. были сделаны первые попытки уточнить численность славян (чехов) в Вене: по данным чешской статистики, их было около 8%, в то время как по данным венской — около 5%⁵. Исследовательница из ФРГ М. Глеттлер утверждает, что чехов и словаков было в это время в Вене 10%. Проанализировав петербургские переписи 1869—1910 гг., я уточнила численность некоторых этнических групп. При этом пришлось фактически реконструировать численность белорусов и украинцев, статистические сведения о которых недостоверны. Так, перепись 1869 г. совсем не фиксирует в Петербурге ни белорусов, ни украинцев, согласно же реконструкции первых было около 5 тыс., вторых — около 0,7 тыс.; по данным переписи 1900 г. в Петербурге проживало 1,5 тыс.

украинцев и 0,8 тыс. белорусов, а в действительности около 9 тыс. украинцев и 42 тыс. белорусов⁷. Рижские переписи населения были прокорректированы Р. Брамбе⁸.

Корректировка статистических данных проведена далеко не по всем городам. Это надо иметь в виду при оценке нижеприведенных характеристик многонациональных городов и сравнение этнического состава населения делать с большой осторожностью, только обобщенно.

Центры многонациональных империй — *Вена и Петербург* — в XIX в. мало отличались друг от друга по соотношению коренного и инонационального населения (примерно 4:1). В более ранний период, в XVIII в. доля немцев в Вене была несколько выше, чем русских в Петербурге. Основная же разница заключалась в степени мозаичности инонациональной части населения, которая в Петербурге была значительно выше, чем в Вене.

Население *Вены* на протяжении всего периода феодализма в подавляющем большинстве состояло из немцев; единственным значительным по численности меньшинством были евреи. Во второй половине XIX в. началась миграция в Вену чехов; в короткое время численность евреев и чехов сравнялась. В 1900 г., согласно переписи, 94% населения австрийской столицы говорило по-немецки, этнический же состав (при учете дополнительных данных) выглядел примерно так: 82% австронемцев, 9% чехов, 9% евреев. Евреи, жившие в Вене в течение столетий, по культуре примыкали к немцам, будучи в большинстве своем сильно ассимилированы как в языковом (все — немецкоязычные), так и в культурном отношении⁹.

В конце XIX в. чехи в Вене, среди которых было много временных мигрантов, в большинстве случаев сохраняли родной язык и связь с родиной. Но часть их ассимилировалась. Кроме упомянутых 9% собственно чехов в Вене было, по утверждению М. Глеттлер, еще 10—15% венцев чешского происхождения¹⁰. В Вене жили и другие национальные меньшинства из числа народов империи (поляки, словенцы, венгры и т. д.), каждая группа составляла десятые доли процента¹¹.

Петербург на всем протяжении своей истории был русским городом как по национальной принадлежности подавляющей части населения, так и по господствующей роли русской культуры в нем. В XVIII в. русские составляли 80—90% всех жителей Петербурга, в конце XIX—начале XX в. — 82%¹². Как видим, доля русских оставалась более или менее стабильной. Кроме русских, первыми поселенцами были также финны, немцы. Латыши, эстонцы, поляки как более или менее заметные группы появились в начале XIX в., но до последней трети XIX в. состав нерусской части населения Петербурга был по преимуществу немецко-шведско-финским (при преобладании немцев). В пореформенное время начали мигрировать в Петербург белорусы, евреи, литовцы. Национальных групп, по доле в населении превышавших 1%, в 1869 г. было четыре (немцы, финны, поляки, евреи); в 1900 г. — шесть (поляки, немцы, финны, евреи, эстонцы, белорусы). Но ни одна из групп не была

столь многочисленна, как чехи и евреи в Вене, за исключением немцев (в середине XIX в. — 8%), но их доля в населении уменьшалась и к 1900 г. упала до 3%.

Иной характер носил этнический состав городов, являвшихся национальными центрами народов, не имевших собственной государственности, находившихся в национальной зависимости. Причем следует различать неодинаковую степень отсутствия государственности, а также время ее утраты.

Венгры, хотя и находились под властью Австрии, всегда сохраняли элементы автономии. Тем не менее, *Будапешт* (особенно Пешт) в XVIII—начале XIX в. был в значительной мере немецким городом. В 1750 г. его население на 55% состояло из немцев, 22% было мадьяр, 6,5% — словаков. К концу XIX в., в период дуализма, положение сильно изменилось. Будапешт стал мадьярским. По переписи 1880 г. в Будапеште было учтено 58% мадьяр, в дальнейшем доля их все повышалась, достигнув к 1900 г. 80%. Второй по численности группой в Будапеште были немцы (1880 — 34%, 1900 г. — 14%). Третье место занимали словаки. Доля их в населении с 1750 по 1880 г. не изменилась (6,5% и 6,2%), а потом начала, согласно данным переписи, резко падать (к 1900 г. — до 2,6%)¹³. Эти данные, безусловно, требуют корректировки. Так, по косвенным сведениям, в 1858 г. словаков в Будапеште было не 6, а 15%¹⁴. Кроме того, в переписях не учтена, как отдельная этническая группа, евреи. Попробуем представить себе более точно состав населения Будапешта, скажем, в 1906 г., когда в нем было 85% мадьяроязычных, 9,3% немецкоязычных и 2,6% говоривших по-словацки. Евреи (по религии) составляли 24%; если считать, что по крайней мере 20% из них было мадьяроязычных, а также учитывать мадьяризацию немцев и словаков, можно думать, что доля собственно мадьяр не превышала 60%.

После 1620 г. началось онемечивание *Праги*, достигшее максимума в XVIII в. Однако и в этот период в Праге большую часть населения составляли чехи, мещанство и протонародье пользовались чешским языком¹⁵. В первой половине XIX в. доля чехов быстро увеличивалась, и они стали составлять большинство населения. В конце XIX в. в Праге имелись три этнические группы. Самыми многочисленными были чехи. Кроме них, большие группы составляли немцы и евреи¹⁶. Во время переписи 1890 г. чешский язык записали 84%, немецкий — 16%, в 1900 г. чешский язык — 91%, немецкий — только 8,6%. Евреев в Праге было в 1890 г. 9,7%, в 1900 г. — 8,6%¹⁷; часть их пользовалась немецким, часть — чешским языком. Учитывая это, можно сказать, что к началу XX в. немцев было уже не более 5%; в дальнейшем их доля еще уменьшалась. Возрастание доли коренного населения в Праге шло главным образом за счет сельской иммиграции, а не ассимиляции иноязычного населения, как в Будапеште. В конце XIX—начале XX в. население Праги пополнялось исключительно чехами, в то время как в Будапешт мигрировало, наряду с мадьярами, много словаков.

В *Риге* и *Таллине* со времен средневековья господствовали немецкий язык и пемецкая культура. Однако уже тогда наряду с преобладающим немецким (или онемеченным) населением в Риге жило немало латышей, а в Таллине — эстонцев; в небольшом числе имелись и русские. После присоединения в начале XVIII в. Прибалтики к России долго сохранялось преобладание немцев. В начале XIX в. немцы составляли чуть меньше половины всего населения (43—46%), русских было в Таллине 18%, в Риге — 26%. Процент эстонцев в Таллине был несколько выше, чем латышей в Риге (соответственно 36 и 15%). Возрастание доли коренного населения в Риге и Таллине быстрыми темпами пошло во второй половине XIX в., когда массовые размеры приобрела миграция крестьян в города. Особенно интенсивно шла эстонизация Таллина: в 1881 г. в нем было уже 57% эстонцев. В Риге тот же процесс протекал медленнее: в 1881 г. латыши в ней составляли всего 33%. Доля немцев снижалась (в 1881 г. до 28% в Таллине и до 31% в Риге). Уменьшилась и доля русских, в Таллине — до 11%, в Риге — до 18%)¹⁸.

Итак, можно наблюдать некоторое сходство в этническом развитии Праги, Риги, Таллина. В этих городах в XIX в. шел процесс коренизации населения. Наиболее преуспела в этом Прага, второе место занимает Таллин; Рига вплоть до возникновения латышского государства оставалась многонациональной, латышей было меньше половины населения. Рост коренного населения во всех этих трех городах происходил в основном за счет иммиграции крестьян, частично за счет дегерманизации (восстановления своей национальности онемеченными чехами, латышами, эстонцами). Тот же процесс шел в Будапеште. Однако он был осложнен тем, что в последней трети XIX в. мадьяры превратились в господствующую национальность с сильными ассимиляторскими устремлениями.

Варшава отличалась от Будапешта, Праги, Риги, Таллина тем, что в ней на протяжении всей ее истории господствовали польский язык и польская культура. В этом смысле Варшава, пожалуй, более сопоставима с Петербургом и Веной, центрами русской и австро-немецкой культуры. Но это не значит, что население Варшавы состояло только из поляков. В XVIII—XIX вв. в Варшаве было около 60% поляков. 35% было евреев, которые в отличие от евреев Праги, Будапешта и особенно Вены сильно отличались от основного населения по языку и культуре. Во второй половине XIX в. 7% составляли вместе русские и немцы (примерно поровну)¹⁹.

Этнокультурные процессы. Как уже говорилось, мы остановимся только на одном из аспектов данного вопроса. Речь будет идти о роли многонациональных городов в интеграционных этнических процессах, в культурном возрождении народов, не принадлежавших к этническому большинству, к коренному населению этих городов.

Вена сыграла определенную роль в культурном развитии большинства народов империи (главным образом населявших собственно Австрию и Чехию).

В Венском университете получали образование многие чехи. Поскольку вплоть до последней четверти XIX в. в Пражском университете преподавание велось только на немецком языке, было практически безразлично, учиться ли в Праге или в Вене. В Вене кафедры чешского языка и литературы были созданы на два десятилетия раньше, чем в Праге, именно: в 1772 г. — в Военной академии, в 1775 г. — в университете. Возглавляли эти кафедры чехи. При их активном участии в 1811—1818 гг. в Вене издавались на чешском языке газета «Виденьские новости» и литературное приложение к ней²⁰. В 1863 г. в Вене возникло чешское театральное общество «Покрок», осуществлявшее постановки на чешском языке для многочисленных венских жителей чешской национальности²¹. Во второй половине XIX в. в Праге национальная жизнь и национальная культура достигли высокого развития. Именно на это время падает расцвет деятельности Национального музея, создание чешского национального театра, открытие чешского университета. На рубеже 60—70-х годов XIX в. возникают новые, массовые формы национальной борьбы (таборы). В это же время обостряются чешско-немецкие противоречия. В этих условиях роль Вены в культурном и национальном развитии чешского народа падает. Однако неизменным фактом остается многочисленное чешское население Вены; более того, к концу века оно сильно возрастает за счет средних и низших социальных слоев. Теперь культурная деятельность чехов в Вене направлена уже не столько на развитие общечешской культуры, сколько на сохранение венских чехов от ассимиляции. В Вене создаются чешские школы, библиотеки-читальни, выходят газеты. Венское чешское культурное движение рассматривается как передовая оборона славянского мира против германизации²².

Вена была также одним из центров словенского национального движения, наряду с Любляной и Грацем. В этих городах возникли в середине XIX в. словенские политические организации: «Словенское общество» — в Любляне, «Словения» — в Вене и Граце. В Вене выходила газета на словенском языке²³. Много словенцев училось в венских учебных заведениях.

Нельзя не отметить роль Вены на первых этапах и венгерского культурно-национального движения. В конце XVIII в. венгры общались здесь к идеям Просвещения, неизвестным еще у них на родине. В Вене имела венгерская лейбгвардия, некоторые венгры учились в Венской военной академии. Из числа венгров, побывавших в связи с военной службой в Вене, вышло много венгерских просветителей. В Вене первоначально возник кружок венгерского просветителя Д. Бешенеи, выходила газета на венгерском языке. В дальнейшем роль Вены для Венгрии падает, но все же и в середине XIX в. из нее в Венгрию идут некоторые передовые веяния, так как заметный гнет в Вене был не таким суровым, как в землях короны святого Иштвана²⁴.

Прага уже к 30—40-м годам XIX в. представляла собой общепризнанный славянский культурный центр. Она была местом воз-

никновения, развития и укрепления идей славянской общности, здесь сходились нити славянских национально-освободительных движений. Особенно велика была роль Праги в становлении словацкой культуры. Еще в средневековье в Пражском университете учились словацкие студенты, некоторые оставались в нем преподавать. Это продолжалось и в XVIII в. и в начале XIX в. В то время словацкий литературный язык еще окончательно не сформировался, часть словацкой интеллигенции пользовалась старочешским языком и связывала с ним будущее культурное развитие своего народа. Понятна поэтому особая тяга словацких просветителей к Чехии и к Праге. Связь процессов в культурной жизни чехов и словаков проявилась и в том, что многие деятели чешского национального Возрождения были одновременно и деятелями словацкого Возрождения (например П. Й. Шафарик).

Во второй половине XIX в. Прага снова приобрела большое значение для словаков, хотя уже на новой основе. К этому времени сформировался словацкий язык, шел процесс консолидации словацкой нации. Однако положение словаков как нации было очень тяжелым. Получившая в 1867 г. равноправие в рамках Австро-Венгерской монархии Венгрия по отношению к словакам придерживалась жесткой политики мадьяризации: в период дуализма на территории Словакии были закрыты все гимназии со словацким языком обучения. В Чехии же этот период ознаменовался большим подъемом национальной борьбы. Естественно, что словаки тянулись к Чехии, к Праге. Словацкая молодежь в большом числе (а не единицами, как ранее) приезжала учиться в чешских гимназиях и в университете.

Особую роль играла Прага для лужицких сербов. Народ этот с большим трудом противостоял ассимиляторской политике Саксонии и Пруссии, а потом Германской империи. Лужицких сербов связывало с Прагой и представление о ней как общеславянском центре, и конфессиональная общность, и сила традиций (в течение трех веков — с середины XIV в. по 1635 г. — Лужицы принадлежали Чешской короне). В Праге с 1706 г. существовал так называемый Вендский семинар, который готовил для Лужиц католических священников и учителей²⁵. Он, впрочем, не был единственной формой связи между Прагой и лужицкими сербами.

Будапешт с конца XVIII в. становится центром культурной жизни многих славянских народов. Основанная в 1777 г. при Пештском университете типография печатала книги как латинским шрифтом, так и кириллицей. За сто лет, т. е. до 1877 г., она выпустила 803 книги на венгерском языке и 750 книг на других языках, в том числе 283 — на сербском, 87 — на румынском, 46 — на словацком, 10 — на хорватском, 9 — на словенском²⁶.

В первой половине XIX в. средоточием сербской культурной жизни наряду с Нови-Садом и Сремски-Карловцами был Пешт. Здесь в 1825 г. начал выходить первый сербский журнал «Сербский летопис», а в 1826 г. была основана Сербская матица. В 1838 г. при ней создается библиотека, в 1842 г. — музей. Возникновение серб-

ского театра связано с Будапештом: И. Вуич организовал во многих городах сербские любительские группы, в том числе в Буде и Пеште²⁷. После того, как центр сербского национального движения переместился в Воеводину (внешним выражением этого был перевод в 1864 г. Сербской магии из Пешта в Нови-Сад), значение Будапешта для сербского национального движения уменьшилось, но не утратилось вовсе, — многие сербские деятели были выпускниками Будапештского университета.

Немалое значение имел Будапешт и для словаков. На рубеже XVIII—XIX вв. здесь сосредоточилась словацкая евангелическая интеллигенция во главе с проповедником Ю. Рибай. Предместье Пешта — Цинкота — становится в 80—90-е годы XVIII в. одним из очагов распространения чешской просветительной литературы в Словакии²⁸. В 1825—1827 годах в типографии Пештского университета был издан шеститомный труд А. Берволака «Лексикон славяну». Для распространения и утверждения словацкого литературного языка в 1834 г. создается в Будапеште «Общество любителей словацкой речи и литературы», которое издавало литературный альманах «Зора».

В *Братиславе (Пожони)* в конце XVIII в. выходила первая газета на мадьярском языке «Венгерский вестник»; венгерские газеты в Вене и Буде появились позже²⁹. Сыграла свою роль Братислава и для сербов, многие из которых здесь учились. С усилением мадьяризации в конце XIX в., когда было ликвидировано образование на словацком языке, роль Братиславы для славян упала.

Аналогичные процессы имели место и в России. *Петербург* сыграл большую роль как источник развития национального самосознания ряда народов как Российской империи, так и зарубежных. Здесь в учебных заведениях готовились национальные культурные кадры, подолгу работали многие деятели культуры украинского, белорусского, эстонского, латышского и других народов. Для некоторых народов, подвергавшихся у себя на родине национальному гнету, Петербург стал центром (или одним из центров) национально-культурного движения. Такую роль он сыграл для эстонцев, латышей, армян, некоторых южнославянских народов. В условиях немецкого гнета в Прибалтике национальное Возрождение эстонцев и латышей оказалось возможным лишь в союзе с передовой русской культурой. В 60—70-е годы XIX в. в Петербурге возникает кружок патриотически настроенной эстонской интеллигенции, поддерживавшей связи с родиной. В 70-е годы здесь состоялись первые театральные представления на эстонском языке, к концу века Петербург стал одним из главных центров эстонского театрального искусства³⁰. Здесь же в 1860-е годы выходила первая демократическая латышская газета³¹. Будучи центром российского революционного движения, Петербург оказывал влияние на формирование революционных традиций народов России; русские революционеры, от народников до социал-демократов, поддерживали интенсивные связи с Украиной, Белоруссией, Прибалтикой, Польшей.

Rīga также сыграла определенную роль на ранних этапах становления эстонской национальной культуры. В XVII в. в Риге развилось книгопечатание, наряду с немецкими книгами стали издаваться также не только латышские, но и эстонские (переводы церковной литературы). Последние печатались как на южноэстонском, так и на североэстонском диалекте. В XVIII в., правда, роль Риги в этом смысле падает, переводная литература (на североэстонском диалекте) печатается уже только в Таллине³².

Город *Tartu (Дерпт)* был одним из центров культурной жизни как эстонцев, на этнической территории которых он был расположен, так и латышей. В Дерптском университете получали образование (на немецком языке) деятели эстонского и латышского национального Возрождения. Студенты создавали здесь национальные кружки. В середине XIX в. в Тарту выходила первая газета на латышском языке «Маяс Виес».

Расположение центров национальных движений на территории многонациональных городов имело ряд существенных последствий для этнических интеграционных процессов. Оно способствовало сближению представителей разных народов, в частности, содействовало межславянскому сотрудничеству. Так, в 1860-е годы чехи и словенцы в Вене совместно организовали певческое общество, в Граце — студенческое общество «Славянская беседа»³³. В Петербурге в это же время (и позднее) создавались общества, объединявшие поляков, литовцев и белорусов Западного края. Другой формой сотрудничества было участие в деятельности национальных организаций представителей другой национальности. Например, чехи участвовали в создании Словенской матицы в Вене, сербы — в словацком «Литературном обществе» Д. Штура в Братиславе³⁴. Другим весьма важным результатом был взаимный культурный обмен между основным населением многонациональных городов и малыми этническими группами. Чехи в Вене приобщались к богатствам немецкой культуры и, вместе с тем, оказывали сильное воздействие на культуру австрийцев. Немцы в Праге, несмотря на свое господствующее положение там, принадлежность к социальной и культурной элите, подвергались воздействию чешской культуры. Аналогичные процессы шли во всех многонациональных городах Центральной и Восточной Европы.

¹ *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den Kleinen Völkern Europas. Pr., 1960; *Idem.* K otázce uzemní skladby narodního hnutí. — Československý časopis historický, 1971, N 1, s. 513—536; *Idem.* Obrození malých evropských národů: Severní a východní Evropa. Pr., 1971.

² См.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1971; Современные этнические процессы в странах Западной Европы. М., 1981.

³ Вопрос о размещении центров национально-освободительных движений некоторых народов анализировал М. Грох (см. примеч. 1). Он картографировал четыре группы сведений: 1) места рождения деятелей национальных движений; 2) места, где они получили образование; 3) места расположения национальных организаций (издательства, редакции газет, общества и т. д.) и 4) области, где действия национальных организаций имели наибольший отклик.

- ⁴ Будилович А. С. Несколько данных и замечаний из области общественной и экономической статистики Чехии, Моравии и Австрийской Силезии за последние годы. — В кн.: Славянский сборник. СПб., 1875, т. 1, с. 220. В том же сборнике см. также статью «Словаки и русские в статистике Венгрии» (с. 621—625).
- ⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 14, стб. 220—221.
- ⁶ Glettler M. Die wiener Tschechen um 1900: Strukturanalyse einer nationalen Mindheit in der Großstadt. München; Wien, 1972, S. 268.
- ⁷ Юхнева Н. В. Беларусь ў Пецярбурзе ў канцы XIX—начатку XX ст. (Аналіз статыстычных даных). — Весцы АН БССР, серыя грамадскіх наук. Мінск, 1983, № 2, с. 85—92.
- ⁸ Brambe R. Rigās iedzīvotāji Feodālisma Perioda Beigās: 18. gs. beigās — 19 gs. pirma puse. Rīga, 1982.
- ⁹ Wolf G. Geschichte der Juden in Wien (1156—1876). Wien, 1876; Quellen und Forschungen zur Geschichte der Juden in Deutschösterreich: Urkunden und Akten zur Geschichte der Juden in Wien. Erste Abteilung. 1526—1847 / Herausgegeben und eingeleitet von A. F. Pribram. Bd. II. Wien; Leipzig, 1918.
- ¹⁰ Glettler M. Die wiener Tschechen..., s. 268.
- ¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 14, стб. 621; Энциклопедический словарь «Гранат», т. 12, стб. 145; Meje s Groes Konversations Lexikon. Leipzig; Wien, 1909, Bd. 20, S. 604.
- ¹² Данные о национальном составе Петербурга см.: Юхнева Н. В. Петербург — многонациональная столица. — В кн.: Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982, с. 7—51.
- ¹³ Данные по Будапешту см.: Энциклопедический словарь «Гранат», т. 7, стб. 55. Mejers Groes Konversations—Lexikon, 1905, Bd. 3, S. 559; Budapest: Die Geschichte einer Hauptstadt. Corvina Verlag, 1974, s. 166; Huska M. Liptovski murári: Vliv liptoských murárov na socialne a kultúrne obrodenie Ľudu Liptova. 1968. Mikulási, s. 70.
- ¹⁴ Huska M. Liptovski murári..., s. 70.
- ¹⁵ Мьяльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях: Идеология, национальное самоосознание, культура. М., 1977, с. 17.
- ¹⁶ О чешском населении Праги см. многочисленные статьи в серийном издании: Etnografie dělnictva. Pr., sv. 1—9, 1974—1977, а также: Stará dělnická Praha. Pr., 1981. О пражских евреях имеются статьи в периодическом издании Государственного музея в Праге «Judaica Bohemia». О немцах Праги см.: Cohen G. The Prague germans. 1861—1914: The problems of ethnic survival. Cary Bennet, 1975.
- ¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 48, стб. 931; Meiers Groer Konversation—Lexikon, Bd. 16, 1909, S. 253.
- ¹⁸ Brambe R. Rigās iedzīvotāji..., s. 128—132; Pullat R. Tallinnast ja tallinnlastest. Tallinn, 1966, lk. 42.
- ¹⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 10, стб. 555; Энциклопедический словарь «Гранат», т. 7, стб. 622.
- ²⁰ Освободительные движения народов Австрийской империи: Зарождение и развитие; конец XVIII—1849 г. М., 1980, с. 273.
- ²¹ См. об этом: Machat A. Naši v Vidni. Pr., s. 181, 268—440.
- ²² См. об этом: Glettler M. Die wiener Tschechen..., S. 268—440.
- ²³ Освободительные движения народов Австрийской империи: Зарождение и развитие..., с. 403—405.
- ²⁴ Там же, с. 126.
- ²⁵ Там же, с. 271—272.
- ²⁶ Там же, с. 275; Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981, с. 297.
- ²⁷ История Югославии. М., 1963, т. 1, с. 456; Освободительные движения народов Австрийской империи: Зарождение и развитие..., с. 217.
- ²⁸ Титова Л. Н. Из наследия словацкого просветителя Ю. Рибай. — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 161.
- ²⁹ Освободительные движения народов Австрийской империи: Зарождение и развитие..., с. 126.

- ³⁰ Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873—1917). — В кн.: Старый Петербург..., с. 80—97.
- ³¹ История Латвийской ССР. Рига, 1954, т. 2, с. 211.
- ³² История Латвийской ССР. Рига, 1952, т. 1, с. 468.
- ³³ Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма, с. 307.
- ³⁴ История Чехословакии. М., 1956, т. 1, с. 350.

СЛАВЯНСКАЯ ТОРГОВАЯ ЛЕКСИКА И СКЛАДЫВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РЫНКА

Р. Х. Тугушева

Наряду с данными археологических и исторических разысканий большую роль в объективном познании действительности играют факты языка. «Производство идей, представлений, сознания, — указывает основоположник научного материализма, — первоначально непосредственно влетело в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹. В экономическом развитии славянских стран важное значение имеет период складывания их национальных рынков. Сложный процесс формирования предпосылок возникновения национального рынка, среди которых «первенствующая роль, бесспорно, принадлежит товарному производству, общественному и географическому разделению труда»², нашел отражение в лексике славянских языков.

Одной из наиболее древних форм торговли считается ярмарочный торг, т. е. более редкая в периодическом отношении купля-продажа продуктов сельскохозяйственного и ремесленного производства. Ярмарочную форму торговли, как отмечает академик Б. А. Рыбаков, с незапамятных времен знали погосты, мелкие городки, села, монастыри³. Ярмарки проходили обычно по берегам рек у прибывших судов⁴ или на открытом пространстве на подступах к древнему городу. Однако, несмотря на то, что ярмарки устраивались непосредственно в пределах древнейших городов, они имели большое значение для их развития, так как «город немислим без той или иной порождающей его округи; он рождается как своего рода «узел прочности» этой округи»⁵.

К сожалению, как неоднократно констатировали исследователи-историки, «до нас дошло мало известий о ярмарках, собиравшихся около того или иного города в определенное время года»⁶. Вероятно, не в последнюю очередь это связано с тем, что в некоторых славянских языках, например, в русском, до XVI в. понятия публичной купли-продажи в определенное время и в определенном месте вообще и ежегодной купли-продажи не различались, и для выражения как первого, так и второго использовалось одно и то же слово *торг*. В отдельных случаях в древнейших памятниках русского языка встречаются выражения *торг большой* или *торг сильной*, которые,

по-видимому, и употреблялись для обозначения ярмарки в отличие от обычного базара. Появление в памятниках славянских языков двух основных самостоятельных слов для выражения понятий ярмарки и обычного базара, что свидетельствует об оформившейся дифференциации публичной купли-продажи вообще и ежегодного базара, было связано с периодом нового «хозяйственного подъема, который характеризуется ростом производительных сил, внутренней колонизацией, распространением сельскохозяйственных культур, промыслов, ремесла, растущим территориальным разделением труда, увеличением товарного производства, возникновением новых городов, укреплением областных рынков и эконолических связей»⁷. В этот период, а именно в XVI в., в русский язык из польского через посредство белорусского проникает слово *ярмарка*. Польский, чешский и словацкий языки восприняли это слово раньше в связи с политикой правителей этих земель, которые с целью увеличения своих доходов с древнейших пор приглашали на новые или даже уже освоенные земли немецких колонистов⁸. То же самое немецкое заимствование утвердилось и в верхнелужицком языке в форме слова *hermark* — «ярмарка». В языки южных славян, в которых первоначально понятия периодической купли-продажи вообще и ежегодного базара также не различались и выражались общеславянским словом **trg*, в период складывания национального рынка попадают слова господствующих народностей: *вашар* — в Боевину из венгерского языка, *дернек* — в Черногорию и Герцеговину из турецкого и *пазар* — в болгарский и сербскохорватский языки из того же турецкого языка.

Ярмарочная форма торговли, как известно, помимо главной составной части — обмена, купли-продажи, включает элемент веселья, забавы, развлечения, праздника. Однако, если в настоящее время понятия об отдельных составных частях такого сложного явления, как ярмарка, строго дифференцированы и имеют свои словесные выражения, то в древний период они были теснейшим образом связаны. Примером более тесной связи представлений о торговле и о празднике в прошлом по сравнению с современностью может служить производное от *торг* древнерусское слово *торжество*, которое в словаре И. И. Срезневского засвидетельствовано в двух значениях: 1. «Торг» и 2. «Праздник»⁹. Наряду со словом *торжество* памятники древнерусского языка в значении «праздник» зафиксировали также слово *панигурь*. Это слово греческого происхождения, по всей вероятности, попало в древнерусский язык из духовного книжного языка переводов с греческого. Из двух синонимов — *торжество* и *панигурь* на русской почве привилось слово *торжество*. Однако у южных славян, болгар, сербов, хорватов и других народов Балканского полуострова, для которых греческий язык в территориальном отношении был ближе и имел более широкое распространение не только в письменной, но и в устной форме в силу постоянных и очень близких торговых сношений южных славян с греками¹⁰, то же самое греческое слово, которое обозначает «торжественный сбор», утвердилось в системах их языков и в форме *панађур* в со-

временном сербскохорватском и македонском языках и *панайр* в болгарском употребляется и до настоящего времени в значении «ярмарка».

Средневековая торговля была тесно связана также с культом. Исследователи отмечают, что время проведения ярмарок приурочивалось к праздникам святого календаря, так что их открытие всегда приходилось на день какого-нибудь святого. Торговля, т. е. сам процесс обмена, начиналась всегда со службы в церкви, которая, как правило, находилась тут же, на торговой площади: в ее притворах кушцы и торговые люди обычно хранили свои товары¹¹. Отражением этой связи в языке явилось функционирование, например, в чешском и польском языках древнейшего периода слова *kirmaš*. Это слово было заимствовано чешским и польским языками из немецкого *kirchmesse*¹², которое означает «богослужение», а в чешском и польском языках употреблялось в значении «ярмарка». Из польского языка слово *kiermasz* в значении «ярмарка» проникло в белорусский язык, где оно живет и поныне, выступая специфическим элементом синонимического ряда слов, объединенных общим значением «периодическая купля-продажа». Сходное происхождение, вероятно, имеет и диалектное сербскохорватское слово *жермес*, которое также служит в настоящее время обозначением ярмарки¹³.

Отличительным признаком ярмарочной торговли является также сбор, съезд, сходжение в одном месте огромного количества народа. Этот признак нашел отражение в таких обозначениях ярмарки, как, например, архаичные для современного болгарского языка слова *сбор* — «ярмарка» и *сѣбор* «сельская ярмарка», сербскохорватское *сајам* «ярмарка» и словенское *sejet* «ярмарка», по форме соответствующее слову «сейм», которое в настоящее время служит обозначением парламента в некоторых языках. В словаре болгарского языка Н. Герова в значении «ярмарка» выступают также слова *весград* и *купцы*, которые обозначают народ, массу, публику¹⁴. Признак народа, массы, публики отразило употребление общеславянского слова «торг» в составе таких фразеологически связанных сочетаний, как русское *кликати в торгу*, чешское *volati trhem*, словацкое *volati trhom*, польское *wołać targem*, которые в древнеславянской юридической терминологии обозначали «объявлять что-либо публично», т. е., не были непосредственно связаны с обозначением обмена. С признаком народа, массы, публики связано употребление в административно-юридической терминологии также прилагательного *торговый* в сочетании *торговая баня* как «общественная баня»¹⁵.

Таким образом, средневековая торговля была еще очень тесно связана с другими сторонами общественной и духовной жизни славян. Вместе с тем все усиливавшийся процесс разделения общественного труда, специализации производства и образования прочных рыночных связей между отдельными районами внутри славянских стран все более способствовал дифференциации различных понятий, связанных с торговлей, примером чему служит размежевание обозначений ярмарок и городских базаров.

Еженедельная периодическая торговля, как отмечается в исследованиях М. Н. Тихомирова, З. Винтера, С. Н. Лишева и других историков славянских стран, в средние века осуществлялась главным образом по городам. Местом обмена служила преимущественно городская площадь, которая в отличие от других частей средневекового города позволяла собрать большее количество народа. На городских площадях происходили в прошлом и другие важные события в жизни славян: правосудие, обмен или купля-продажа недвижимого имущества, народные собрания и т. д., однако именно о торговом назначении площади средневекового города свидетельствуют, например, употребление слова *торг* и его производных — *торговище* и *торжище*, обозначающих торговое место, в значении «площадь» и, наоборот, слов, связанных с понятием площади, т. е. широкого свободного незастроенного пространства, окруженного домами, в значении «торговое место». В словаре И. И. Срезневского древнее обозначение площади *плова* выступает в значении «торг, площадь»; точно так же заимствованное в XII в. чешское слово *gynk*¹⁶, словацкое *ginek*¹⁷ и польское *gynek*¹⁸, восходящие к немецкому *Ring* — «круг», обозначали раньше торговое место. Отражением тесного взаимодействия в прошлом понятий площади и обмена как одной из особенно важных связанных с этим местом функций является функционирование в современном литературном сербскохорватском языке слова *торг*, которое в настоящее время обозначает площадь, например, *Црвени трг* — «Красная площадь». Об этом же свидетельствует и заимствованное из турецкого языка слово *чаршия*, которое в современном болгарском языке имеет значение «торговая улица или площадь», но по своему происхождению «означает перекресток или площадь с подходом с четырех сторон»¹⁹.

Более четкой дифференциации понятий купли-продажи вообще и ежегодного торгового рынка именно в XV—XVII вв. способствовал, наряду с другими, и тот факт, что именно в это время происходит интенсивное формирование третьей разновидности периодического публичного обмена — сельских торжков и рядков, т. е. торгово-ремесленных сел, которые постепенно перерастали в города²⁰. В связи с тем, что эти поселения возникали не только как просто торгово-ремесленные центры, но и как административные пункты нового типа — поселки городского характера — в языках происходит очень тесное взаимодействие слов, обозначающих обмен, куплю-продажу или место торговли, например, *торг* и его производных *торжок*, *торговище*, *торжище* или *ряд*, *рядок* и др. со словами, обозначающими социально-административные объекты (*город*, *село* и т. д.). Это взаимодействие имело две формы: 1. Слова, обозначающие обмен, куплю-продажу, приобретали значения, выражающие понятие населенных пунктов, и 2. Слова, обозначающие населенные пункты, развивали значения, связанные с понятием обмена, купли-продажи. Примером первой формы взаимодействия слов в языке, отражающего процесс складывания местных рынков, может служить русское слово *торжок*, которое, наряду со своими синонимами *рядок* и *ряд*, в средние века обозначало не только сельскую еженедельную торговлю, но и торго-

вый поселок, а иногда и поселок вообще. О дальнейшей судьбе подобных торгово-ремесленных сел свидетельствует факт существования русского города Торжок, который возник на месте такого торгового поселка городского типа. Русскому *торжок* в чешском языке в этот период соответствует слово *městečko*, которое представляет собой пример второй формы взаимодействия слов в языке, характерного для данной эпохи: название населенного пункта приобретало значение, связанное с понятием обмена. Слово *městečko* обозначало не только маленький периферийный городок, но городок непременно торгового назначения²¹. Подобные тенденции действуют и в южнославянских языках, в результате чего в словарях современных южнославянских языков на периферии смысловых структур слов, обозначающих, например, торговлю или торговое место, можно найти значения, связанные с понятием социально-административного объекта: например, сербскохорватское *trgovište* — «торговый городок, местечко»²² или словенское *trg* — «заштатный периферийный городок»²³.

Славянские языки довольно отчетливо отразили связь рынка с производством²⁴. С тем обстоятельством, что ремесленник в период развитого товарного производства выступает одновременно и как торговец, связан тот факт, что слова, обозначающие торговое помещение, например, русское *лавка*, чешское, польское и словацкое *krám*, болгарское *дюкян*, сербскохорватское *дућан*, употребляются также и в значении «мастерская», так как «мастерская ремесленника одновременно служила торговой лавкой»²⁵. Особенно ярко связь производства с торговлей отразило сербскохорватское слово *радња*, которое по своей внутренней форме означает мастерскую, так как *рад* — это «труд», но по содержанию в современном сербскохорватском литературном языке соотносится с обозначением магазина.

В XV—XVII вв. в период развитого товарного производства широкие круги населения втягиваются в рыночные отношения, производя продукцию специально для продажи и самостоятельно обменивая ее на деньги или на другой товар. При этом выделяется социальный слой, занятый исключительно коммерцией. В связи с этим уже перестают удовлетворять потребностям активного общения такие обозначения торговой деятельности, как чешское *kuřectví*, словацкое *kuřectvo*, польское *kuřiectwo*, русское *купля*, которые раньше обозначали торговую деятельность, но по форме соотносились только с одной стороной обмена, с приобретением, в результате чего наблюдается отход этих слов на периферию словарного запаса и вытеснение их новыми словами, которые соответствовали повому пониманию этого вида человеческой деятельности. Так, в русском языке XV—XVII вв. вместо древнерусских слов *гостьба*, *гостешьба*, *купля* в значении «деятельность по обмену, купле-продаже» утверждается слово *торговля*, которое по сравнению с древнерусским периодом расширило свое значение в смысле «делка» — «торговое дело». Становлению в русском языке слова *торговля* в значении «торговое дело» способствовало и то обстоятельство, что здесь издавна существовал глагол *торговать* — «заниматься обменом». Таким образом, слово

торговля имело поддержку в системе языка. Такой поддержки не было у чешского слова *trh*, которое в древнечешском языке также обозначало сделку, но не имело соответствующего глагола. Глагол в значении «заниматься обменом», соответствующий русскому глаголу *торговать*, в чешском языке был связан не со словом *trh*, а со словом *kupectví* — «торговля». Это был глагол *kuřítí* — «торговать». Поэтому в чешском языке образование нового термина для обозначения торговой деятельности пошло другим путем. Этим новым термином в чешском языке стало слово *obchod*, которое по своему происхождению обозначает «обхождение», т. е. связано с ходьбой. Чешский этимолог В. Махек предполагает, что слово *obchod* в древности обозначало бродячую торговлю, корабейничество, когда торговец действительно обходил поселения, предлагая свой товар²⁶. Затем слово *obchod* расширяет свое значение. В памятниках чешской письменности XIV—XV вв. оно выступает в значении «занятие, обеспечивающее существование», подобно русскому слову *промысел* в этот же период. В XV—XVII вв. чешское слово *obchod* обозначает преимущественно деятельность ремесленников, которые и производили продукцию, и продавали ее, т. е. смысловое содержание слова *obchod* включало в свой состав как признак производства, так и признак обмена. Позднее слово *obchod*, которое сначала обозначало и производство, и обмен вместе, сужает семантику и употребляется уже только для обозначения обмена, т. е. торговли, что является прямым отражением изменений, происходивших в этот период в экономике Чехии и главным образом активного отделения торговли от производства и превращения ее в самостоятельный вид деятельности. Окончательное утверждение слова *obchod* в значении «торговля» в системе чешского языка происходит в период чешского национального Возрождения, т. е. на рубеже XVIII—XIX вв. До этого времени наряду со старым обозначением торговли — чешским словом *kupectví* и словацким *kupectvo* в этих языках употреблялось немецкое по происхождению слово *handl*, основу которого исторически составляет корень *hand* — «рука». Слово *handl* в значении «торговое дело» имело особенно широкое распространение в чешском и словацком просторечии, откуда оно могло легко проникнуть и в литературный язык, как это случилось, например, в польском языке. Однако сильные пуристические тенденции этого периода способствовали тому, что в качестве основного слова для обозначения торгового дела в этих языках утверждается туземное слово *obchod*, в то время как в польском остается *handel*. Из польского языка слово *handel* вошло в лексику украинского и белорусского языков. В южнославянских языках в период турецкого владычества для обозначения торговли употреблялся османизм *пазар*, а также производные от него. После освобождения этих стран от иноземного ига слово *пазар* также постепенно вытесняется исконно славянскими обозначениями, близкими русскому слову *торговля*: в болгарском — словом *търговия*, в сербскохорватском — *трговина*.

Анализ некоторых явлений в славянских языках, связанных с развитием торговли в славянских странах, показывает, что язык —

непосредственный продукт материальной человеческой деятельности. Он отражает все наиболее существенные изменения, происходящие в реальной действительности. Складывание национального рынка в своей основе протекало во всех славянских землях сходными путями. Различия же в лексическом выражении сходных понятий в славянских языках связаны с различиями в общественной практике и культурно-историческом опыте каждого славянского народа в отдельности. Анализ фактов языка, отразивших состояние торговли в славянских странах в XV—XVII вв., дает возможность полнее представить ее особенности в период складывания там национальных рынков и выявить тенденции ее развития.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 24.

² Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981, с. 7.

³ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры древней Руси». М.—Л., 1951, с. 364.

⁴ Половников А. П. Торговля в старой России. М., 1958, с. 3.

⁵ Рыбаков Б. А. Город Кия. — ВИ, 1980, 5, с. 34.

⁶ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 80.

⁷ Черепнин Л. В., Пашуго В. Т. Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVII вв.). — ВИ, 1978, 2, с. 42.

⁸ Tadra F. Kulturní styky Čech s cizinou (az do válek husitských). Pr., 1897, s. 310.

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912, т. III, с. 1055.

¹⁰ Лишев Н. С. Българският средновековен град. С., 1970, с. 36.

¹¹ Половников А. П. Торговля. . . , с. 5.

¹² Słownik języka polskiego / Pod. red. T. Lehr-Splawińskiego. Warszawa, 1939, t. 2, s. 352.

¹³ Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. 3-е изд. М., 1970, с. 206.

¹⁴ Геров Н. Ръченикъ на български языкъ с тлкъвание ръчити на български и на руски. Пловдив, 1904, т. V, с. 125.

¹⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук. СПб., 1847, т. IV, с. 288.

¹⁶ Havránek V. Die sprachlichen Beziehungen zwischen dem Tschechischen und Deutschen. — In: Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur. Berlin, 1965, Bd. I, S. 16.

¹⁷ Bernolák A. Slowár slowenský, česko-latinsko-ňemecko-uherský. Budae, 1826, t. 4, s. 2723.

¹⁸ Linde S. B. Słownik języka polskiego. Lwów, 1859, t. 5, s. 177.

¹⁹ Кумбараджу-Богоевич Л. Очерк по исследованию торговых рядов г. Скопье. — В кн.: Македония и македонцы в прошлом. Скопье, 1970, с. 495.

²⁰ Бахрушин С. В. Сельские торжки и ярмарки. — В кн.: Научные труды. М., 1952, т. 1, с. 192.

²¹ Dějiny Československa (1437—1781). Brno, 1965, s. 98.

²² Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь, с. 594.

²³ Хостник М. Словинско-русский словарь. Горица, 1901, с. 310.

²⁴ Мавродин В. В. Экономические предпосылки складывания русской нации. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. 1961, с. 7.

²⁵ Winter Z. Dějiny řemesel a obchodu v Čechách v XIX a XX století. Pr., 1906, s. 97.

²⁶ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968, s. 405.

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ „НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ“ В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. И. Фрейдзон

Известно, что процесс «национального пробуждения» (или возрождения) был вызван историческими социально-экономическими сдвигами, формированием в недрах феодализма буржуазного уклада, становлением классов буржуазного общества. В каждом конкретном случае глубина и интенсивность социально-экономического развития, обуславливавшего генезис и распространение национальных идей, были различными и зависели от множества обстоятельств (остроты и социального содержания национального угнетения, международных условий, политических событий и др.) Однако можно выделить ряд сходных типологических черт, присущих этносоциальной эволюции части народов, входивших в состав Австрийской империи. В эпоху позднего феодализма и в особенности в период кризиса феодальных отношений социальные сдвиги захватили прежде всего с наибольшей интенсивностью господствующую народность австрийских немцев. Процесс складывания социальной структуры буржуазного общества в недрах господствующей феодальной народности обгонял соответствующий процесс в среде оттесненных, угнетенных народов, и в *ранний период* кризиса феодализма (в Австрийской империи — в середине XVIII в.) это опережение было особенно значительным. В связи с этим, а также под воздействием такого мощного стимулирующего фактора, как собственная государственность, развитие общественно-политической жизни и культуры господствующей национальности резко обгоняло соответствующий процесс в среде народностей угнетенных. Особенно разительной на этом этапе формирования буржуазного уклада была разница в уровне и темпе становления новой социальной структуры и национальной культуры (прежде всего научной и художественной литературы на родном языке) между господствующей национальностью и народами, не имевшими собственного класса феодалов-землевладельцев (дворянства).

К последней четверти XVIII в. в габсбургской монархии уже имелась крупная австронемецкая банковская и торговая буржуазия, а также владельцы сотен предприятий, производство в которых было организовано по принципу капиталистической кооперации и мануфактуры, вполне определились и обуржуазивающиеся слои других классов — дворянства и крестьянства. Интересам буржуазии и обуржуазивающихся слоев служила реформа — освобождение крестьян от личной зависимости в 1781 г., открывшая широкие возможности для найма рабочей силы — формирования пролетариата. Государство Габсбургов, внедрявшее делопроизводство на немецком языке, стимулировало развитие немецкоязычной, хотя и разной по националь-

ному происхождению, интеллигенции и интенсивный процесс ее германизации. Поддерживаемая государством крупная австронемецкая буржуазия стал завоевывать имперский рынок, причем в областях с австронемецким и немецкославянским населением ее позиции были особенно прочными. Немецкие имущие слои занимали ведущее положение в городах Чехии, Моравии, Сплезии, Штирии, Каринтии, Крайны, — как в районах с немецкой сельской округой, так и славянской (чешской и словенской).

Очень важным обстоятельством, предопределившим большое различие между социальными структурами господствующей и подчиненных национальностей, было то, что как по уровню, так и по темпу развития экономики и буржуазных отношений некоторые районы Австрии с немецким населением во второй половине XVIII в. обгоняли этнически чешские и словенские районы.

Для условий развития наций в районах со смешанным (полиэтническим) населением — особенно на ранней стадии этого процесса — существенное значение имел не столько абсолютный уровень складывания основных классов буржуазного общества (буржуазии и пролетариата), сколько соотношение уровней, которых достигли в этом смысле разные народы. Поэтому то обстоятельство, что австрийские немцы во второй половине XVIII в. в отношении социальной структуры вырвались вперед, стимулировало развитие процесса ассимиляции (германизации) части чешских и словенских обуржуазивающихся слоев, на первых порах особенно значительной. Ассимиляция захватила круги, связанные с новыми социальными структурами, формирующимся имперским рынком капитала, товаров и труда, со сферой услуг и т. д. В Словении имела место не только германизация, но и итальянизация буржуазных слоев и рабочих более крупных портово-промышленных центров Приморья. Итальянизация словенцев особенно интенсивно происходила в Триесте, находившемся на рубеже словенских земель.

Итак, важной особенностью социально-этнической обстановки XVIII в. было то, что большой разрыв между социальными структурами господствующей и угнетенными народностями, характерный для эпохи феодализма вообще, в период кризиса феодализма и развития капиталистического уклада еще более углубился.

Все это имело важные последствия. Никогда в дальнейшем немецкий язык и немецкая литература в Австрии не занимали в такой мере господствующего положения как в это время, т. е. накануне и в начале национального Возрождения славянских народов. (Распространение немецкого языка в многонациональном буржуазном обществе империи продолжалось, охватив и восточную часть государства, но тем не менее, он в дальнейшем не господствовал *в такой мере* в сфере культуры). Чешский и словенский языки (существование последнего было официально признано только в начале XIX в. после исследований Е. Копитара) являлись языками «простонародья» — крестьян, части ремесленной бедноты и мелких торговцев, предпролетариата. Литературная традиция угнетенных народов эпохи реформации была либо очень серьезно ослаблена (у чехов)

либо вообще прервалась (у словенцев). Это положение вызывало тревогу у тех немногочисленных интеллигентов, которым были дороги история, язык, устное творчество, обычаи своего народа, которые были знакомы с памятниками его материальной и духовной культуры. Действительно, национальная культура некоторых народов находилась на столь низком уровне, что, как казалось, возник вопрос о самом их существовании как самобытных этносов. В то же время в среде имущих классов господствующей национальности данная ситуация способствовала распространению идей об исторической обреченности «некультурных» народов, неизбежности их ассимиляции, подобно тому, как это произошло с некоторыми этническими общностями во Франции. В свою очередь, эти представления не остались без влияния на идейную атмосферу в среде подчиненных народов, стимулируя процесс денационализации их интеллигенции. Никогда перспектива этнического развития угнетенных народов не казалась столь мрачной современникам, как накануне и в начале национального Возрождения этих народов.

При всем своеобразии развития социальной структуры восточных областей монархии, ситуация, в которой находился ряд народов Венгерского королевства (словаки, румыны Трансильвании и Баната, украинцы Закарпатья) и украинцы Галиции во многом была сходной с описанной выше. Своеобразие состояло в том, что класс национальной буржуазии здесь формировался еще медленней и представителями торгово-промышленного капитала по преимуществу были немцы. Поэтому в XVIII в. происходил процесс не мадьяризации городов Венгрии, а их германизации. Важное значение в процессе формирования структуры буржуазного общества в эпоху кризиса феодализма (значительное время и позднее) на востоке империи имело обуржуазивание дворянства. Поэтому народы, не имевшие национального класса феодалов, и здесь оказались в особо трудном положении. В их среде (в определенной мере за исключением сербов) социальные сдвиги начались позднее и развивались медленнее, так как зарождение и формирование пролетариата и национальной буржуазии было связано здесь почти исключительно с разложением феодально-зависимого крестьянства, ремесленников и мелких торговцев. Но до 1848 г. эти процессы не могли получить широкого развития.

На востоке, как и на западе империи, народы, состоявшие из «плебейских» слоев, в эпоху феодализма почти не имели возможности для развития национальной культуры, с началом же кризиса феодализма, в последние десятилетия XVIII в., гнет, который они испытывали со стороны инонациональных помещиков, усилился еще больше. В средние века феодал не касался родного языка крестьянина, но по мере развития буржуазного уклада и внутреннего рынка, по мере интенсификации процесса формирования венгерской нации дворянство выдвигает программу мадьяризации зависимого населения. В этой политике класс феодальных землевладельцев видел одно из важнейших средств упрочения своих социальных позиций в новую эпоху, когда явственно стали подтачиваться прежние,

освященные веками устои общества. И наоборот, позднее, с началом национального Возрождения «плебейских» масс, феодалы почувствовали в формировании их национального самосознания прямую угрозу своим привилегиям. На межнациональных отношениях, таким образом, сказались отношения классовые, и в борьбе против национальных устремлений «простонародья», проникнутых вполне определенным социальным содержанием, феодалы пользовались привычными методами давления и насилия.

В отличие от западных областей, то обстоятельство, что на Востоке экономика имела более застойный характер, феодализм держался прочнее, а буржуазия местной привилегированной нации была слабой и рыночные отношения были менее развиты, чем на Западе, воздействие объективных стихийных сил развивающегося капитализма на этнические процессы у угнетенных народов накануне и в ходе их национального Возрождения проявлялось в меньшей степени, чем на Западе. Зато большую роль в этом отношении играли целенаправленные действия правящих кругов.

Мадьяризация и полонизация имущих слоев и образованных кругов угнетенных народов до поры до времени вызывались как стремлением этих элементов общества обеспечить себе лучшие условия социальной мобильности (обогащения, продвижения по общественной лестнице), так и национальным гнетом.

Таковыми были общественные условия кануна и начала национального Возрождения народов востока империи. В положении сербов в этом смысле имелись важные особенности. Сербь обладали церковно-школьной автономией, сербская православная иерархия, владевшая обширными поместьями, по существу являлась частью имперского класса феодалов, кроме того до дворянского звания подчас дослуживались представители граничарского офицерства. Но дело заключалось не только в этом. Сербская торговая буржуазия в XVIII в. занимала прочные позиции: она осуществляла связи имперских земель с обширными территориями Балканского полуострова. Богатые сербские колонии имелись в разных районах Венгерского королевства, в том числе в Пеште и Буде. Ввиду темы статьи мы не касаемся других важных моментов, способствовавших развитию сербского национального самосознания в конце XVIII — начале XIX в. (в частности, связей с Россией, влияния русской культуры), ограничиваясь вопросами социальной ситуации. Отметим, что не случайно Сербская матица (Пешт, 1826 г.) явилась первой из целой серии учреждений такого типа, организованных славянскими народами в Австрийской империи.

Здесь необходимо обратить внимание на следующее. Развитие капиталистических отношений и классов буржуазного общества в сербских районах было значительно ниже, чем в западной части монархии, но — и это оказалось особенно важным — соотношение между формирующимися структурами буржуазного типа у сербов и венгров было более благоприятным для сербов, чем для других неполноправных народов. Именно поэтому иная, более трудная ситуация сложилась в Словакии и Закарпатье.

Что касается хорватов, то при всех трудностях, которые пришлось преодолеть деятелям их национального Возрождения, хорватское общество в собственно Хорватии (историческом королевстве, т. е. одной из частей хорватской этнической территории) в структурном отношении сближалось с венгерским, т. е. было обществом с «полной» социальной структурой. Это предопределило здесь более раннее и более быстрое национальное Возрождение по сравнению с другими хорватскими областями, где социально-этнические отношения в эпоху кризиса феодализма были иными. В Славонии, но особенно в Далмации, Истрии и Меджмуре господствующий класс был инациональным (венгры, итальянцы и др.). Поэтому здесь сказались те же неблагоприятные обстоятельства, что и у ряда других народов с «неполной» феодальной структурой, и накануне и в начале национального Возрождения ситуация складывалась трудная.

Но именно в это трудное время начался процесс национального Возрождения у всех угнетенных народов. Народный язык, бытовые, устные и некоторые письменные культурные традиции сохранялись в гуще народа, к которому была близка часть более или менее образованных людей того времени — прежде всего низшее, сельское духовенство. Решающую роль в этническом процессе того времени (как и всегда) сыграли сдвиги в социальной структуре данного этноса, которые хотя и начались с запозданием (по сравнению с господствующей национальностью) и у некоторых народов происходили относительно медленно, все же были необратимы.

Ассимиляция слабла по мере формирования социальной структуры буржуазного общества в среде складывавшихся угнетенных наций и в зависимости от темпов этого процесса в общенациональном масштабе, т. е. от внутриэтнических «буржуазных связей». Под буржуазными связями, очевидно, следует понимать не только развитие торговли — создание рынка товаров, но прежде всего формирование классов буржуазного общества, т. е. полные противоречий (антагонистические) связи в сфере производственных отношений (капиталистическая кооперация, рассеянная и централизованная мануфактура, фабрично-заводская промышленность). Вместе с развитием внутринациональных социально-экономических связей национальное Возрождение получало все более широкую общественную опору. С общим подъемом культурного уровня населения, прежде всего с распространением грамотности, наконец, в ходе освободительного движения национальное самосознание вытесняло самосознание локальное, сословное, профессиональное, религиозное.

В социальном отношении угнетенные народы Австрийской империи проделали в XIX в. эволюцию, которая имела решающее значение для их судьбы как самобытных этнических общностей. Все они тем самым доказали свою жизнеспособность как нации. Таким образом, по-видимому, можно считать закономерным, что в период кризиса феодализма и развития капиталистического уклада национальному Возрождению ряда угнетенных народов предшествовал этап, когда соотношение их социальной структуры и структуры гос-

подстывающей национальности (или народов, имевших свой дворянский землевладельческий класс и потому находившихся в привилегированном положении) было особенно неблагоприятным. Но поскольку и в этой обстановке продолжалась прогрессивная эволюция социальной структуры данного этноса (в разных случаях — более или менее интенсивная), начался и процесс национального Возрождения.

ОТ „НАЦИО“ ХУНГАРИКА“ К ВЕНГЕРСКОЙ НАЦИИ

Т. М. Исламов

Этносоциальные общности различных уровней стали обозначаться термином «нация» задолго до того, как сформировались нации буржуазной эпохи в марксистско-ленинском понимании этого исторического явления. Само по себе слово «нация» в большинстве европейских языков появилось в XII—XIV вв. — старофранцузское «насьон» — в XII в., английское «нейшн» — в конце XIII, немецкое «национ» — в конце XIV, мадьярское «немзет» — с начала XIV в.¹

Человечество издавна стремилось постичь тайну объединения групп людей в определенные общности, понять смысл и значение реальных материальных и не менее реальных нематериальных, духовных уз, цементирующих эти общности. Одна из ранних известных науке попыток такого осмысления понятия «нация» с определением некоторых весьма существенных ее компонентов была предпринята в начале XV в. Решение Констанцского собора от 1417 г. содержит любопытную интерпретацию этого понятия: «Нация может быть понята либо как общность по происхождению какого-либо обособившегося от другого народа (gens), либо как общность, различающаяся по языку, что является наиболее распространенным и наиболее выдающимся критерием нации, и составляет ее сущность по божьему и человеческому праву в равной степени, ... либо может быть понята в территориальном смысле...»²

Совершенно очевидно, что термин «нация», как и его синоним «народ» у чехов, словаков и других славян, подразумевал типичную для феодальной формации общность — феодальную народность, а не нации капиталистического (соответственно социалистического) общества. Четкое разграничение этих понятий, их смысловой нагрузки и реального историко-социального содержания не означает, однако, что две эти исторические категории, выражающие различные формы существования этносоциальной общности разных общественно-экономических формаций, разделены между собой непреодолимой китайской стеной. Подчеркивая их принципиальное отличие друг от друга, надобно помнить и о том, что современные нации возникли не из вакуума, что в широком смысле они — «продукт» не только капитализма, а и предшествовавшей ему формации, что предпо-

сылки любой буржуазной нации складывались на протяжении столетий, и их окончательное сплочение в переходную эпоху было необычайно ускорено разложением феодализма и развитием капитализма. Динамика этого процесса перерастания феодальной народности в нацию капиталистической эпохи определялась сложным сочетанием относительно спокойного постепенного развития с развитием скачкообразным, взрывчатым в периоды особой общественной активности. Поэтому процесс формирования нации, перерастания народности в нацию, вернее возвышения ее в нацию может растянуться на века и резко ускориться в периоды революционной смены старой общественной формации новой. Европейская история нового времени знает немало тому примеров. Революция, как известно, локомотив истории и в том смысле, что она необычайно ускоряет все общественные явления, в том числе процессы формирования нации. Совершенно естественно, что буржуазные революции в Англии и Франции ускорили становление буржуазных наций в этих странах. В период венгерской революции 1848—1849 годов, завершился первый этап формирования современной мадьярской нации.

15 марта 1848 г., в день начала в Венгрии буржуазной революции мадьяры выступили как сплоченная нация, которая бросила вызов могущественным монархиям Европы и наперекор здравому «трезвому» расчету стала не только отражать превосходящие силы габсбургских и царских войск, но и наносить им удары. Однако это лишь одна из особенностей процесса формирования мадьярской нации, относящаяся к тому же к более позднему этапу. Нас же в данной статье интересуют преимущественно ранние его этапы, а также предпосылки, условия и обстоятельства складывания основных, характерных черт перерастания дворянской «нацию хунгарика» в буржуазную мадьярскую нацию³.

Венгерская революция 1848 г., как было сказано выше, явилась фактором резкого ускорения процесса формирования мадьярской нации, истоки которого уходят вглубь средневековья, и некоторые признаки только ей своеобразные черты не могут быть объяснимы вне исторической ретроспективы.

В ходе типологизации нациообразования из множества его форм и вариантов научная мысль выделила два главных типа, которые несколько условно могут быть названы французским и немецким. Первая «французская» теоретическая модель может быть квалифицирована, если иметь в виду характер интеграционного процесса, как этатистско-институциональная, поскольку в данном случае в роли интегрирующего фактора выступали государство и его учреждения, вторая «немецкая» — как культурно-историческая, поскольку здесь эту роль выполняли этнические факторы — культура и прежде всего язык*. Для немецкой модели, изложенной в трудах Гердера и Фихте, на первый план выдвигается мистифицированный, якобы вечно неизменный народный дух — фольксгайт⁴.

* Разумеется, во всех случаях марксистско-ленинская теория нациообразующим фактором считает развитие буржуазного способа производства.

Венгерская модель обнаруживает черты сходства с обоими вышеописанными основными типами, полностью не совпадая ни с одним из них. Государственность и ее важнейшие атрибуты — сословная конституция, государственное собрание и комитатская система — опирающиеся на экономический вес (земельная собственность) и политическую мощь (сравнительно высокая организованность) и бесспорный общественный престиж) дворянства, не переставали функционировать и в самые тяжелые и мрачные периоды порабощения Венгрии в XVI—XVII вв. И как только представилась возможность эти феодальные по своему происхождению учреждения, будучи поставлены на службу буржуазного преобразования, сыграли свою роль интеграционного фактора в ходе сплочения венгерской народности, а затем и нации⁵. Но немаловажное значение при этом имел также языковой и в более широком смысле этнокультурный фактор, о чем подробнее речь пойдет ниже. Иными словами венгерская модель представляла собой симбиоз «государственной» и «культурной» нации, комбинацией двух основных типов (Staatsnation und Kulturnation). И в этом одно из ее важных отличий в сравнении с характерной для региона Центральной Европы типологией, при определенном сходстве с польской моделью⁶.

Специфику венгерского пути становления нации еще в 1842 г., в самый разгар национально-освободительного движения сформулировала газета Кошута «Пешти Хирлап», пытаясь одновременно дать свое толкование понятия «нация» вообще: «Национальность есть исторический факт, и язык не является единственным ее фактором. Ибо для того, чтобы какой-нибудь народ стал национальностью, необходимо еще и то, чтобы он обладал общей конституцией, общими чувствами, общими интересами, общей потребностью в прогрессе и развитии; нас связывает воедино общая память о совместно пережитой великой эпохе»⁷. При всем стремлении газеты дать обобщенную дефиницию, упоминание о конституции и «совместно пережитой великой эпохе», т. е. о времени существования и расцвета средневекового королевства Венгрии, указывает, во-первых, на венгерское происхождение и венгерский характер формулы, а во-вторых, на решимость руководящей силы национального движения — среднепоместного дворянства — утвердить органическую связь современного для той эпохи понимания нации со старым, унаследованным от средневековья сословным принципом.

У истоков венгерской нации, нации капиталистической эпохи стояла венгерская народность, начало формирования которой относится к глубокой древности, ко времени образования феодального венгерского государства и принятия христианства, как его единой идеологической, а следовательно также и в известной мере культурной основы.

Ускорителем процесса, стимулирующим развитие явлений как базисного, так и надстроечного порядка, и прежде всего экономическое сплочение различных частей исторической территории этносоциальной общности, является государственность. В большинстве случаев, феодальные государства в Европе охватывали территории

полиэтничные. К таковым относятся даже так называемые национальные государства Западной Европы, такие как Франция и Англия, часто упоминаемые в литературе как примеры классические, которые на самом деле возникли на базе сплочения различных этносов. Достаточно сказать, что в 1789 г., когда формирование французской нации стало свершившимся фактом, четвертая часть французов не говорила по-французски.

И не в этнической структуре государства состоит главное отличие путей формирования наций на Западе и в восточной части Центральной Европы. Основное различие между двумя регионами европейского континента заключается в темпах и характере их социально-экономического развития, предопределивших процессы формирования наций в этих регионах. Исходные позиции там и здесь были первоначально сходными, и феодальные государства возникли как на Западе, так и в восточной части региона Центральной Европы приблизительно одновременно, а королевства — польское, чешское, венгерское — по численности населения и могуществу мало в чем уступали английскому или французскому. Существенное отставание в историческом развитии восточной части континента явно наметилось начиная с XVI в. В то время как в западноевропейских странах в недрах феодализма шло постепенное вызревание капиталистического уклада при доминирующей роли города, а феодализм как общественная формация неуклонно шел к своему естественному концу, в странах Центральной Европы со времени «второго издания крепостничества» надолго законсервировались феодальные отношения, застопорилось общественное развитие в целом.

Именно в этом лежит основная причина запоздалости национально-образовательных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе по сравнению с Западной. Именно «запоздалость», а не «замедленность», ибо понятия эти не тождественны, они разные по содержанию. Переход от феодализма к капитализму и соответственно также и от феодальной народности к нации буржуазной формации происходил в восточной части Центральной Европы и в Восточной Европе намного быстрее, чем на Западе, и уложился в несколько десятилетий, в крайнем случае — в столетие, тогда как в Западной Европе на это потребовалось несколько столетий. В этом второе важное отличие. Объяснялось оно тем, что несмотря на негативные последствия сложившегося к эпохе формирования наций международного разделения труда, углублявшееся и увеличивавшееся отставание народов и стран восточной части Центральной Европы, они имели возможность пользоваться плодами прогресса человечества, достигнутыми на Западе, результатами промышленного, технического, технологического развития, научной мысли и культуры, организации производства и общественных отношений. Адаптация основных духовных и материальных ценностей, выработанных человечеством в ходе его поступательного движения к прогрессу, однако, требовала создания соответствующих объективных условий.

Итак, разложение феодальных отношений на Западе, постепенное развитие капиталистических отношений с соответствующим пре-

образованием социальных структур в этих странах и всей надстройки, включая сферу культуры и идеологии, имело важное значение в создании готовых для адаптации форм и теоретических построений и для стран, отставших в своем социально-экономическом развитии.

На востоке Центральной Европы, однако, при наличии общих для всего региона в целом черт исторического процесса условия для формирования качественно новой этносоциальной общности были далеко неодинаковыми для всех народов региона, как неравными были условия и предпосылки для осуществления перехода от феодализма к капитализму. Вследствие этого неравномерным был процесс становления наций буржуазной эпохи не только для народов Австрийской империи, но и для ее части — Венгерского королевства, сохранившего свою обособленность в системе владений Габсбургов. Разумеется, в общем и целом в многонациональной Венгрии возможности господствующей общности — мадыарской были более предпочтительными, чем у словаков, русинов, влахов, и отчасти, хорватов и сербов (пользовавшихся определенными феодальными привилегиями). Особое значение в рассматриваемом случае имело сохранение важных атрибутов феодальной государственности — сильного своей организованностью и политическим опытом дворянства и его представительных учреждений — комитатских собраний и государственного собрания, регулярно созывавшегося, а также феодальной венгерской сословной конституции. Официальное признание конституции венским двором препятствовало, несмотря на все его усилия, превращению империи в централизованное абсолютистское государство по образцу западноевропейских. По этой причине, а также в силу ряда исторических особенностей взаимоотношений Венгрии с Габсбургами последним не удалось низвести эту страну до уровня ординарной австрийской провинции, как это произошло с Чехией и Моравией после белогорской битвы.

Важным фактором, влиявшим на характер перехода от феодальной народности к буржуазной нации, было своеобразие классовой структуры феодального венгерского общества, взаимоотношения между элементами этой структуры, выраженные в деятельности правовых учреждений, в мировоззрении ведущих классов общества. Я имею в виду прежде всего непомерный политический авторитет, общественный престиж и вес класса помещиков, т. е. привилегированных сословий при относительной слабости государственной (королевской) власти даже в период высшего расцвета средневекового венгерского королевства во второй половине XV в. при Матьяше Хуньяди, прозванном Корвином. В Венгрии, как и в соседней Польше⁸ в конечном счете королевской власти так и не суждено было одолеть дворянский партикуляризм и полностью устранить феодальную анархию, что и явилось одной из важных причин распада этих двух среднеевропейских государств. К этому следует добавить типичную для региона отсталость городского развития, экономическую и политическую слабость торгово-промышленного сословия — предтечи буржуазии. Поэтому здесь (в отличие от Запада) не образо-

вались типичные для зрелого (позднего) феодализма абсолютистские государства, характеризующиеся возвышением государственной власти над сословиями и известной нивелировкой социальной структуры, что несомненно создало более благоприятные предпосылки для возникновения капиталистической экономики. О том, сколь разителен был контраст в этом отношении с Западом свидетельствует тот факт, что в Венгерском королевстве светская и церковная аристократия, дворянство были не подданными короля, а вместе с королем «собственниками» государства, совладельцами мифизированной Священной короны, наделенной юридическими атрибутами в качестве главного носителя венгерской государственности и самой ее идеи. Согласно венгерской конституции сословия наравне и совместно с королевской властью являлись единственными творцами законов государства, исполнительная же власть на уровне комитатов и ниже почти полностью осуществлялась дворянством. Не были подданными короля (государства) также крепостные крестьяне и все прочие представители непривилегированных сословий, которые в политическом и гражданском отношениях находились в подчинении сословий привилегированных.

Венгерская феодальная идеология и политическая мысль знала лишь одно крупное деление общества: привилегированные сословия, которые и составляли так называемую «нацию хунгарика» (дворянская «нация») и непривилегированные подданные этих сословий — «мизера плебс контрибуенс» (жалкий податной люд). Венгерские сословия сумели сохранить значительную часть своих средневековых политических прерогатив и социальных привилегий и в условиях австрийского господства. И с этим династия Габсбургов ничего не могла поделать, несмотря на все ее попытки. Любопытный эпизод, проливающий свет на характер взаимоотношений сословий с государственной властью произошел в 1764 г., в разгар энергичных усилий венского двора распространить на Венгрию политику и институты абсолютистского централизма. Государственное собрание Венгрии постановило запретить и предать публичному сожжению изданную в Вене по поручению двора книгу, в которой теоретически обосновывалась неограниченность власти короля и необходимость обложения дворянства налогами. Автором книги был придворный библиотекарь Марии Терезии Адам Коллар (словацкого происхождения). Императрица была вынуждена утвердить решение сословий, но отплатила им той же монетой в следующем году, приказав сжечь на главной площади Пожони анонимную мадьярскую брошюру противоположного тезисам Коллара направления.

Понятие дворянской нации — «нацию хунгарика», т. е. «нация Венгрии», а не венгерская (мадьярская) нация, — лишнее определение этнической нагрузки, являлось в первую очередь социально-классовым и во вторую территориально-политическим и выражало общность людей, принадлежавших к господствующему классу и проживавших в пределах одного государственно-политического образования. На первом месте в этом случае стояла солидарность сословно-классовая, и для нее было в сущности безразлично из

каких народностей и этнических групп состоит «нация» привилегированных, также как было абсолютно безразлично, чьим трудом и потом она кормится: крепостного мадьяра, влаха или славянина. Дворяне всех национальностей — мадьяры, немцы, словаки, влахи, сербы, хорваты, ассимилированные и не ассимилированные, владеющие венгерским языком, и вовсе его не знающие, считались равноправными членами «нацио хунгарика»*. Характерен в этом отношении ответ государственного собрания, данный им на прошение сербского церковного собора о признании особых сербских привилегий в Венгрии. Отклоняя ходатайство, собрание подчеркнуло: «Мы же их считаем *венграми*... Мы объявляем их, также как и другие *национальности*, населяющие королевство Венгрии и связанные с ним части, *венграми*, нашими соотечественниками» [подчеркнуто мною. — И. Т.]⁹.

В приведенном тексте обращают на себя внимание два подчеркнутых нами термина — «венгры» и «национальности», первый из которых, как будто указывает на шовинистическое пренебрежение к немадьярам, стремление к их скорейшей принудительной ассимиляции, второй, напротив, — на признание наличия в стране немадьярских народностей, и в определенной степени, также и их прав, поскольку они объявлены «венграми» и «соотечественниками». Слова «венгр», «венгерский» употреблялись в двояком смысле: во-первых, ими обозначались все жители страны независимо от языка, религии, национальности, и им в большей мере соответствовал незаслуженно ныне забытый русский термин «венгерец», бывший у нас в ходу еще в 20—30 годах, вплоть до второй мировой войны; им обозначалось подданство, принадлежность к стране, государству, а не национальность. В этом смысле, кстати, он применялся и представителями самих немадьярских народов, которые четко различали мадьяра от венгра (венгерца), унгара, угора, хунгари. С употреблением этого термина связано наличие у этих народов помимо этнического (народностного, национального) самосознания, также хунгаристского сознания, т. е. сознания принадлежности к Венгрии, являвшейся для всех народов и этнических групп общим отечеством, к Венгрии как к особой политической территориальной общности. Но в процессе формирования нации по мере роста национального самосознания, усиления национальных движений и межнациональных противоречий в Венгрии хунгаристская терминология властно вытеснялась этническими терминами, этнонимами — словаки, сербы, немцы, влахи (румыны) и т. д. Точно такой же процесс происходил у мадьяр, но проследить его внешне, «уловить», труднее, поскольку для обозначения обоих понятий — широкого государственно-политического и узкоэтнического — венгерский язык знает только одно слово — «мадьяр», этноним, от которого происходило и название всего многонационального королевства — «Мадьярорсаг», что в переводе означает «Страна мадьяр», «Мадьярия». Тем не менее, в интересующем нас в данном случае смысле, вся

* Официальным языком этой «нации» был латинский.

история эволюции антиномии «нацио хунгарика» — «венгерская нация» (которую точнее было бы назвать мадьярской) — есть не что иное, как постепенное заполнение феодального понятия нации новым буржуазным (этническим) национальным содержанием, планомерное усилие придать этому полиэтническому государству национально-мадьярский характер, несмотря на то, что мадьяры в лучшем случае составляли лишь половину населения, хотя и представляли самую многочисленную этническую группу в королевстве.

В пору расцвета романтического буржуазного национализма, когда не только объективные интересы, но и субъективные помыслы и устремления всех пробуждавшихся к национальной жизни народов Венгрии были направлены против одного общего врага — феодального габсбургского абсолютизма — общевенгерское движение возглавлялось обуржуазивавшимся мадьярским дворянством, лидеры которого искренно верили в возможность постепенного мирного, без насилия и принуждения создания единой венгерской нации. Один из виднейших его руководителей, трансильванский магнат и либерал Миклош Вешшелени искренно надеялся, что населявшие страну национальности из благодарности к мадьярам за ликвидацию крепостничества и другие прогрессивные реформы станут вскоре мадьярами сначала по чувству и сознанию, а затем и по языку. Но, писал он далее в «Слове о деле мадьярской и славянской национальности»: «... до тех пор, пока национальности привязаны к своим языкам и своим национальным особенностям, они (эти последние) должны быть поставлены под защиту конституции и правительства».¹⁰

Хотя освобождение значительной части венгерской территории, оказавшейся под османским игом после 1541 г., произошло при решающем участии империи Габсбургов, им тем не менее не удалось покорить Венгрию силой оружия и объявить ее завоеванной страной, что согласно феодальным представлениям послужило бы «законным» основанием для упразднения венгерской конституции и для проведения здесь политики унификации. Попытки пренебречь сословными интересами дворянства и конституцией сразу же вызвали мощный всплеск вооруженного сопротивления, поддержанного массовыми выступлениями крестьянства. Первое такое восстание имело место уже в ходе австро-турецких войн, в 1683 г. Второе, под руководством князя Ференца Ракоци II в 1703—1711 годах едва не привело к полному освобождению страны от габсбургского ига, и потерпело неудачу в первую очередь вследствие резкого улучшения международной обстановки в пользу Австрии. Дело закончилось заключением Сатмарского мира — официального международно-правового документа, определившего права и обязанности каждой из воюющих сторон, а главное — означавшего официальное признание короной конституции и обязательств со стороны династии править страной только в согласии с венгерскими сословиями, соблюдать их привилегии и регулярно созывать государственное собрание. В дальнейшем соблюдение условий Сатмарского мира 1711 г., естественно, зависело от соотношения сил сторон в каждый исто-

рический момент. Во всяком случае при коронации венгерских королей из австрийского дома каждый раз эти условия торжественно подтверждались. Единственное исключение составил Иосиф II, но его попытка отказаться от коронации венгерской короной завершилась, как известно, плачевным провалом.

Таким образом, габсбургское владычество, складывавшееся в Венгрии практически начиная со второго десятилетия XVIII в., оказалось непрочным и ограниченным и фактически. Об этом свидетельствовало обособленное административное управление, осуществлявшееся через Венгерскую придворную канцелярию и наместничество, и наличие особой экономической территории, отделенной от остальных габсбургских владений таможенными границами.

Другим фактором, имевшим важное значение для характера и темпов превращения мадьярской народности в нацию, были сила и прочность освободительных традиций, сложившихся на протяжении веков, в ходе сначала антиосманских, а затем и антиавстрийских войн. В историческое самосознание мадьяр прочно вошла память о ярких событиях освободительной войны 1703—1711 годов, о героических деяниях ее участников, сражавшихся под девизом «За отечество и свободу!» Лозунг этот, выдвинутый в свое время с целью преодоления антагонистических классовых противоречий, разделявших основную массу народа — крепостное крестьянство и феодальное дворянство, заключал в себе определенную идеологическую нагрузку, указывавшую на характер дальнейшей эволюции народностного сознания в направлении национально-патриотической идеологии новой эпохи.

Однако, с точки зрения перехода к капитализму, а следовательно и формирования нации, государственный фактор, поскольку он генетически был связан с феодализмом, а практически с сохранением сословных привилегий, одновременно являлся и тормозящим моментом, деформировавшим процесс буржуазного преобразования общества.

Венгерское дворянство, как класс, борясь в первую очередь за свои собственные эгоистические интересы и сословные привилегии, сумело существенно ограничить сферу влияния чужеземной власти в стране, но вместе с тем, опираясь на помощь этой власти держало в подчинении многомиллионное крестьянство, подавляло стремление к экономическому и социальному подъему буржуазных элементов города. В этом смысле его роль была реакционной, но до той поры, пока оно само не стало вовлекаться в буржуазно-капиталистическое развитие. До той поры дворянство упрямо отвергало все попытки «просвещенного абсолютизма» упорядочить феодальные повинности крепостных, освободить их от личной зависимости, ограничить помещичий производ, ввести прогрессивную систему всеобщего налогообложения. Но его борьба против централизаторских и германизаторских устремлений австрийского абсолютизма, вылившаяся в 1790—1791 годах в широкое антиавстрийское движение, носила уже в известном смысле черты и характер национального движения

новой буржуазной эпохи. Поэтому антигабсбургское движение 1790—1791 годов, едва не переросшее в национальное восстание за независимость, следует считать не только последним сословным выступлением, завершившим дворянский этап освободительной борьбы в Венгрии, но и началом нового ее этапа, т. е. движением явившимся одновременно важной вехой в процессе формирования мадьярской нации, в развитии ее самосознания, вызванного отступлением могущественной империи и публичным отказом венского двора от попыток централизации и онемечения Венгрии.

Этому этапу, событиям, разыгравшимся в Венгрии к концу правления императора Иосифа II, предшествовал начальный культурно-языковой этап национального движения, который в венгерской истории принято называть эпохой Просвещения. Преодоление вековой феодальной отсталости, материальный и духовный подъем страны путем распространения образования, знаний, наук, путем решительного искоренения отсталости, суеверия, бездеятельности — таково основное содержание этой эпохи.

XVIII век вошел в мировую историю как «век Просвещения». Возникнув в Англии и достигнув расцвета во Франции, это могучее духовное движение коснулось своим освежающим дыханием всех народов и стран континента, включая и наименее созревших — в экономическом, социальном, культурном отношениях — для восприятия идей буржуазного обновления. Масштаб и глубина восприятия выдвинутых великими просветителями идей, принципов и лозунгов, идейно подготовивших Францию к Великой революции, находились в прямой зависимости от множества факторов, определявших общий социально-экономический и культурно-идеологический уровень стран, расположенных между Прирейнской Германией и Россией, между Италией и Австрией и Османской империей. Не осталось оно незамеченным даже в государстве султанов, прочно уверовавшем в свое культурное превосходство над Европой¹¹.

В масштабах всего ареала Центральной и Юго-Восточной Европы в соответствии с интенсивностью и глубиной процессов, составлявших основу перехода от феодализма к капитализму, существенно различными были и темпы распространения просветительской идеологии. В более благоприятном положении в этом отношении находились страны и народы центральноевропейского региона, опередившие балканские по меньшей мере на одну фазу исторического развития, хотя некоторые из последних (Греция, Дунайские княжества, Сербия) обрели национальную государственность раньше, чем подвластные Габсбургской и царской империям страны и народы.

Распространение идей Просвещения в странах Центральной Европы совпало с начальным периодом развития тех процессов — в первую очередь в сфере духовной — которыми характеризуется перерастание народностей феодальной эпохи в качественно новые этносоциальные общности эпохи буржуазной. Образно говоря, у «источков» современных наций центральноевропейско-балканского ареала было Просвещение, часто трактуемое в качестве начального периода эпохи национального Возрождения.

Вопрос о роли государственности, значении наличия «собственного» феодального класса для процесса формирования нации в настоящее время является предметом оживленных дискуссий в мировой науке. По авторитетному мнению признанного знатока проблемы формирования наций в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы проф. Эмиля Нидерхаузера (ВНР), указанные факторы дают «ряд преимуществ в борьбе за так называемые национальные цели», но, предостерегает он же, «нельзя переоценивать роль этого фактора в ускорении или облегчении этих процессов» [Формирования наций. — И. Т.], «поскольку народы, располагавшие собственным феодальным классом, отнюдь не находились в более выгодном, благоприятном положении...»¹². Насчет недопустимости переоценки — мысль, безусловно, верная, ибо, как показывает опыт полунезависимых, а позднее полностью независимых балканских стран (Сербии, Черногории, Дунайских княжеств), наличие государственности отнюдь не ускорило процесс перехода к капитализму и формирование наций в этих странах, и по темпам развития чехи в Австрии, сербы и румыны в Венгрии опережали своих сородичей на Балканах. Но все же, судя по приведенному высказыванию венгерского ученого, он скорее склонен недооценить роль и значение фактора государственности, чем переоценить. Отсюда следует, что вопрос этот требует еще тщательного изучения и всестороннего обсуждения. Как пишет Л. А. Обушенкова, «для формирования нации наличие класса национального дворянства в Польше и Венгрии имело положительные и отрицательные стороны»¹³.

Таким образом, вне зависимости от наличия или отсутствия государственности, либо ее рудиментарных форм, независимо от завершенности этносоциальной структуры общества и независимо от этнической и религиозной принадлежности (как это мы видели в случае с сербским и валашским этносом), процесс перерастания народностей в нации в двух регионах ареала обнаруживает типологически разные варианты развития уже в эпоху Просвещения.

Исключительно важно значение в распространении и усвоении идейного наследия европейского Просвещения народами центрально-европейского региона имело немецкое Просвещение¹⁴. Речь при этом идет не просто о внешнем влиянии и механической рецепции, а о сложном идейно-культурном процессе, который может быть охарактеризован как культурное взаимовлияние и даже взаимодействие, если иметь в виду, что теоретические концепции Гердера и Шлёцера, оказавшие столь мощное воздействие на умы и сердца первых будителей и романтиков от Добровского и Копитара до Коллара и Бродзинского, в значительной мере имели своим источником культуру и историю славянских народов, включая русский.

Действительно немецкого Просвещения в специфических условиях Центральной Европы объяснялась не только тем, что к концу XVIII в. и в этой части континента созрели условия для исторических перемен, но и тем, что как в Германии, так и в восточной части Центральной Европы Просвещению было предназначено выполнить однотипную в сущности задачу, которая в общем и целом

(отвлекаясь от частных моментов) может быть сформулирована так: идейная и теоретическая подготовка освободительных движений.

Само Просвещение как явление общественной жизни, уходящее своими мировоззренческими корнями в систему философских взглядов Джона Локка и предшествующее буржуазному преобразованию общества, интерпретируется далеко не однозначно. Большинство ученых, занимающихся историей культуры и общественной мысли конца XVIII—начала XIX в., единодушно лишь в том, что Просвещение в целом или по крайней мере отдельные его элементы имели важное значение для идейно-теоретической подготовки освободительных, преимущественно национально-освободительных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Что же касается содержания Просвещения, основных его компонентов и критериев, то здесь мнения ученых расходятся.

В одной из своих ранних работ (1897), написанной по поводу взглядов одного из русских «просветителей-буржуа» 60-х годов XIX в., а не с целью теоретического анализа и всесторонней оценки Просвещения, В. И. Ленин выделяет три основные черты этого явления: вражда «к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области», «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни», «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»¹⁵. Это ленинское понимание Просвещения содержит важные методологические установки для характеристики Просвещения и в странах изучаемого нами ареала, крестьянство которых в эпоху Просвещения «только освобождалось» от крепостничества, о чем свидетельствовали в частности крестьянские реформы «просвещенного абсолютизма» в Австрийской империи.

Еще больше в этом убеждает нас подчеркивание Лениным антифеодальной сути Просвещения в широком смысле слова, как движения, направленного против всех порождений феодального строя в экономической, социальной и правовой сферах. Универсальный смысл для всех стран и регионов, еще не переживших буржуазную революцию, имеет упоминание Лениным «европейских форм жизни» — к этому он еще добавляет необходимость «и вообще всесторонней европеизации России», — которое подразумевает радикальную и всестороннюю перестройку страны на буржуазно-капиталистических началах, внедрение буржуазных форм организации и функционирования всего общественного устройства.

Четко установлены Лениным и хронологические рамки эпохи Просвещения, которое он относит к тому времени, когда «новые общественно-экономические отношения и их противоречия [...] были еще в зародышевом состоянии»¹⁶. Таким образом, в широком понимании термином Просвещение — или еще лучше эпохой Про-

свещения — охватываются все явления общественной жизни, характерные для переходного от феодализма к капитализму периода. Это несомненно для народов, обладавших национальным суверенитетом, государственной независимостью, либо рудиментарными формами государственности. Однако соответствующий этап истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы, находившихся в условиях национального угнетения, многие исследователи обозначают термином «Возрождение» или «национальное Возрождение».

Немаловажной предпосылкой распространения Просвещения в более широких кругах общества явилась реформа системы образования в Австрийской империи, которая проводилась с 50-х до 80-х годов XVIII в. в университетах, средних и начальных школах. Эти реформы проводились, как известно, под знаком германизации. Но поскольку в начальных (народных) школах обучение велось на родном языке, то имперские реформы объективно способствовали не только ликвидации безграмотности, расширению круга образованных лиц, но и развитию национальных языков и культур. Значение их столь велико в этом смысле, что академик Э. Винтер (ГДР) считает культивирование языков в народных школах «первой фазой национального Возрождения» народов Австрийской империи¹⁷.

Как и некоторые другие авторы, Винтер не видит принципиальной разницы между понятиями Просвещение и национальное Возрождение, часто употребляя их как тождественные. Вместе с тем он утверждает, что забота о развитии «литературы на родном языке», т. е. иными словами национальной литературы, и составляет «первую просветительскую фазу национального Возрождения»¹⁸.

Не только у неполноправных народов, но и у господствующей нации — австрийских немцев художественная литература выступала в роли выразительницы национальных интересов, которая первая осознала отсталость собственной страны даже по сравнению с Пруссией и Саксонией. Болезненное ощущение этой отсталости и необходимости ее преодоления нашло свое художественное воплощение в произведении австрийского писателя Алоиза Блумаэра «Приключения набожного героя Энея». Видный деятель «просвещенного абсолютизма» Зонненфельз в основанном им в 1765 г. влиятельном еженедельнике «Человек без предрассудков», обращая внимание общественности на австрийскую отсталость, пытался также вскрыть ее причину, которая, по его мнению, заключалась в господстве католического конфессионализма контрреформации, и ратовал за католицизм просвещенный. Именно осознание отсталости, поиски путей ее преодоления при помощи устранения безобразных проявлений господствовавшей с XVII в. барочной контрреформации (ученик, позволивший себе говорить в школе по-немецки, подлежал телесным наказаниям) послужили исходной точкой для зарождения «австрийского национального патриотизма» или «католическо-австрийского просвещенного патриотизма»¹⁹.

Поколению венгерских просветителей последних десятилетий XVIII в. досталось тяжелое наследие. Распад королевства на три

части, длительные большие и малые войны против иноземных завоевателей, связанные с ними всеобщий упадок, опустошения, разрушение производительных сил, упадок некогда процветавших городов, угон населения и обезлюдение целых областей, и наконец религиозные распри после начала контрреформации пагубно отразились на развитии венгерской культуры. Пришла в упадок и перестала существовать ренессансная культура, значительная в европейских масштабах и переживавшая расцвет при короле Матьяше Хуньяди (Корвине) в конце XV в. Перестал развиваться и литературный язык с его единой языковой нормой, созданный в XVI в. на основе северо-восточных говоров, уступив место западновенгерскому, восточновенгерскому и трансильванскому языкам письменности, основанным на местных диалектах. В связи с осуществлением переводов библии на венгерский язык католическими и протестантскими учеными возникли соответственно две отличные друг от друга нормы правописания, хотя различия между ними, как и между региональными литературными языками, были не велики. Деформации естественного течения процесса языкового развития сопутствовало обеднение словарного запаса и его односторонность. Вследствие этого получила дальнейшее распространение латынь, поскольку венгерского словарного запаса было достаточно лишь для выражения потребностей повседневной жизни, военного дела, религиозных понятий. Поэтому в венгерских текстах XVII—XVIII вв. нередко можно встретить множество слов, даже целые фразы, написанные на латыни. Латынь стала преобладающей в сфере наук, в частности, исторической и правоведческой и в политике, а венгерская литература в течение длительного времени оставалась двуязычной.

Эпоха Просвещения в широком его понимании, а не узком «просветительском», в Венгрии, как и в Польше, и отчасти Чехии²⁰, совпадает с начальным периодом складывания предпосылок и основных элементов процесса формирования нации в духовной сфере. Эту эпоху в венгерской истории открывает писатель Дьёрдь Бешенеи (1747—1811), вернее публикация его трагедии на античную тему «Трагедия Агиса» в 1772 г. Возникает вопрос, насколько правомерна столь точная фиксация рубежей периодизации, тем более, что из литературоведения она перекочевала в историю культуры вообще? «Выход в свет в 1772 г. этой драмы, — писали авторы второго тома «Истории Венгрии» в 1972 г., явно отдавая дань указанной периодизации, — знаменует начало венгерского просвещения»²¹. При этом авторский коллектив исходил из того, что именно Бешенеи дал программу модернизации венгерского языка, развития национальной литературы и наук, предложив создать для этой цели Венгерскую Академию наук.

Нет сомнения в том, что Бешенеи — явление исключительной важности не только для венгерской литературы, и не только потому, что «Агис» наряду с двумя другими в том же 1772 г. появившимися его произведениями, как говорится, «составили целую эпоху» в истории венгерской культуры. И все же, достаточно ли обоснованна и безупречна такая периодизация?

Накопленные венгерской наукой в последние десятилетия знания, труды целой плеяды великолепных знатоков истории и истории культуры, из которых достаточно назвать известные и в нашей стране имена Эмиля Нидерхаузера, Камана Бенды, Домокоша Кошари, Иштвана Шётера, Белы Кёпеци, заставляют усомниться в этом²². Ответ на этот вопрос мы находим в фундаментальном труде академика Д. Кошари «Культура в Венгрии XVIII в.» (1980), который колоссальным материалом и выводами опрокидывает традиционные хронологические рамки истории венгерской культуры. Мобилизованный автором фактический материал о религии и церкви, об образовании и школьном деле, о печати и всех видах искусств и наук рассматривается в сопоставлении и противопоставлении культуры позднего барокко и культуры Просвещения на трех уровнях: на уровне культуры аристократии, дворянства и народной культуры, раскрывая в то же время механизмы взаимовлияния и взаимодействия этих трех уровней культуры, не забывая в то же время о влиянии мировой культуры эпохи. Начало эпохи Просвещения автор склонен относить ко второй половине 50-х—первой половине 60-х годов XVIII в. Наряду с систематизацией необычайно богатого материала о культуре в широком смысле и во всем ее многообразии, одно из главных достоинств этой пионерской по замыслу и исполнению работы, подлинно комплексной, заключается в том, что она убедительно показала — XVIII в. (до его последней трети или четверти) вовсе не является с точки зрения прогресса культуры каким-то «провалом», «потерянным временем», «анациональным веком» (поскольку именно в первые десятилетия XVIII в. венгерский язык и культура оказались в наиболее тяжелом положении, даже по сравнению с XVII в.).

Полиэтничность венгерского государства, длительное многовековое сосуществование в нем рядом друг с другом «национальных» культур различных народов породили интересные формы и явления культурной интерференции для всех участников этого процесса. (Точно такое же явление прослеживается в Австрии, особенно в Вене). Взаимодействие различных культур в Венгрии вызвало к жизни такой редкий феномен, как представление одним и тем же деятелем культуры нескольких национальных культур: Миклош (Никола) Зрини, венгерский магнат итало-далматинско-хорватского происхождения, внесший огромный вклад в развитие венгерской литературы, последовательно отстаивавший идею возрождения былого величия венгерского королевства путем объединения трех его частей, одновременно представлял и хорватскую культурную традицию (в его шедевре венгерской поэзии «Сигети Веседелем» широко использован материал хорватского эпоса); это же произведение, переведенное на хорватский язык и изданное Петаром Зринским в Венеции, стало классическим произведением и хорватской литературы. Матяш (Матвей) Бел олицетворял в одном лице немецкую, венгерскую и словацкую культуру; сербский поэт Михай Виткович с одинаковой легкостью сочинял на родном и мадьярском, так же как и словак Павел Хвездослав (Пал Орсаг). Примеров такого рода не-

мало. Более важное значение имел факт географической децентрализованности венгерской культуры, отсутствие одного-двух организующих центров и наличие множества таких центров, расположенных к тому же на периферии, на территориях со смешанным составом населения, в нетронутых османским завоеванием городах Трансильвании, северо-западных и северо-восточных комитатов. В Пожони, где после присоединения страны к владениям Габсбургов, заседало государственное собрание, стали выходить первая газета и первый журнал на венгерском языке, а еще раньше газета «Прессбургур Цайтунг» (1764—1929). Ее редактировал, также как и венгерскую газету «Мадьяр Хирмондо», Д. Тальяри, выросший в немецкой среде, он же в 1783 г. основал первую словацкую газету «Пресспурске новини» на «библейском» чешском языке, которым тогда пользовались словаки-лютеране. Но спустя несколько десятилетий Пешт и Буда становятся крупнейшими очагами культурной жизни не только мадьяр, но и сербов (издание «Матица српска»), словаков, трансильванских румын.

Наиболее выдающимся, эпохального значения событием культурной жизни Венгрии в XVIII в. была общегосударственная школьная реформа — «Радио эдукационис» 1777 г., историческое значение которой заключалось прежде всего в том, что впервые школьное просвещение было провозглашено делом государственным, а не исключительно церковным. Знаменательно, что одновременно с изданием этого закона был секуляризован университет, переведенный из Трнавы (Надьсомбат) в Буду, а несколько лет спустя — в Пешт.* Был сделан первый шаг к подрыву церковной монополии в системе образования, к государству переходил контроль над учебными заведениями, которые, однако, по-прежнему продолжали оставаться в ведении церкви. Во-вторых, была упорядочена вся система образования — от начальных трехгодичных школ, в которых обучение велось на родном языке, до латиноязычных гимназий, королевских академий и университета.

В духе «просвещенного абсолютизма» закон о реформе системы просвещения поставил перед школой задачу воспитания «полезных государству подданных». К числу «полезных» знаний были отнесены латынь, арифметика, естествознание, география, отечественная история, преподносимая в духе уважения к династии, а также немецкий язык, который должен был стать официальным и в Венгрии. В 80-х годах XVIII в. при Иосифе II была предпринята попытка осуществить на практике принцип всеобщего начального образования для детей 6—12-летнего возраста, нарушителем этого порядка закон грозил наказанием; обучение в средних и высших школах объявлялось платным, но бесплатным для способных детей бедняков, которым полагалась также и стипендия. В университете были открыты ка-

* До Мохача (1526 г.), начиная с XIII в., довольно много венгерских студентов было слушателями университетов Болоньи, Падуи, Праги, Парижа и особенно Вены, который был основан почти одновременно с Краковским — в 1363 г. (здесь побывало почти 4700 студентов из Венгрии!)²³.

федры ветеринарии, сельского хозяйства, физики, инженерно-техническая.

Материальную базу реформы составил специальный учебный фонд. Он был создан из конфискованного в 1773 г. имущества ордена иезуитов, владевшего 3 академиями, 41 гимназией и другими учебными заведениями. Всего ко времени проведения реформы 1777 г. в Венгрии вместе с Хорватией и Трансильванией было около 130 средних учебных заведений, в их числе 79 католических и 47 протестантских.

Передовая национальная интеллигенция прилагала настойчивые и разнообразные, иногда удивительные по находчивости, усилия для утверждения мадьярского языка. В 1777 г. пиарская гимназия в Пеште стала устраивать публичные дискуссии по философии только для того, чтобы доказать, что они возможны и на этом языке. В эпоху Просвещения важными вехами становления национальной культуры явилось развитие национальной журналистики и периодической печати: появление первой на венгерском языке газеты «Мадьяр Хирмондо» (1780—1788, Пожонь), первого на венгерском языке журнала «Мадьяр Музеум» (1788—1792, Кошице), первого в Венгрии научно-популярного журнала «Минденеш Дютемень» (1789—1792, Комаром).

Развитие Просвещения в Венгрии было прервано вмешательством венских властей, которые после раскрытия «якобинского заговора» в 1795 г. обрушили жестокие репрессии на прогрессивные силы; новые цензурные установления ограничили деятельность типографий и издательств, а также распространение печатной продукции. В условиях торжества реакции, беспощадной травли малейшего проявления свободомыслия к началу XIX в. в Венгрии полностью прекратилась всякая политическая легальная деятельность. И тогда на первый план в общественной жизни выдвинулась литература, взяв на себя в определенной мере и политические функции. Именно в это время необычайно возросла и усилилась национально-политическая ангажированность венгерской литературы. И именно поэтому достойна понимания наблюдаемая в современном литературоведении ВНР тенденция к некоторому преувеличению общественно-политических функций литературы как (чуть ли не единственной) «гарантии существования нации, а позднее выразительницы идей буржуазного развития»²⁴.

Разумеется, национальная литература, достойная своего высокого предназначения, никогда не была просто формой общественного сознания, а всегда выражала передовые идеи эпохи, социальные устремления масс и политические цели национального движения, временами формулировала их задолго до появления официальных программ освободительных движений. Но как только возобновились заседания государственного собрания, восстановилась деятельность комитатов, появилась политическая периодика и политические течения, а в зародыше и политические партии, литература, естественно, перестала быть не только единственной, но и главной выразительницей национальных идей. Отпала надобность в посреднической функ-

ции литературы. Хотя она продолжала оставаться выразительницей национальной идеологии, но последняя уже была непосредственно представлена на политической арене. К тому же в Венгрии первая программа создания национального по форме и буржуазного по характеру государства была выработана тайными республиканскими организациями и теоретическими трактатами якобинца Й. Хайноци еще в первой половине 90-х годов XVIII в., т. е. в то время, когда венгерская национальная литература была в стадии становления.

Сегодня очевидно: нет современной нации — ни буржуазной, ни социалистической — без экономической основы и социально-экономических связей, сплачивающих воедино соответствующий этносоциальный организм. Но нет нации также и без национальной культуры, включающей национальное самосознание, одухотворяющей этот этносоциальный организм, делающей его единственным и неповторимым, непохожим, но в то же время и в чем-то похожим на другие подобные нации. И предпосылки буржуазной нации в культурной сфере зачастую возникали раньше и быстрее, чем собственная ее экономическая основа. Отсюда ясно, сколь значительна была роль развития языка, литературы, элементов национального самосознания и прочих сфер культуры на начальном этапе становления наций. Но вдвойне велика эта роль у тех народов, которые были лишены собственной государственности, веками находились в подчиненном положении, не имели собственных господствующих классов и представляли собой общества эпохи феодализма с неполной, незавершенной классовой структурой. В этих случаях политические средства и рычаги, которыми располагают собственные, «национальные» господствующие классы и национальная государственность, не могли быть использованы в целях ускорения процесса развития нации. Мадьярская народность в Венгрии частично располагала этими рычагами. В этом смысле венгерский тип нациообразования не имеет аналога в европейской истории.

Польский исследователь Ю. Хлебовчик, наоборот, выводит политически организованное оппозиционное движение 30—40-х годов XIX в. из борьбы за признание прав венгерского языка: «Возник оппозиционный лагерь. Борьба за введение мадьярского языка выросла до ранга борьбы за национальную обособленность»²⁵.

К тому времени, о котором пишет Хлебовчик, «борьба за национальную обособленность» в Венгрии уже имела вековые традиции, а борьба оппозиции за введение венгерского языка в качестве официального была важной частью (но не самой важной частью) процесса становления мадьярской нации.

Умелое использование венгерским дворянством средневековых институтов и форм сословной государственности в интересах буржуазных преобразований и во имя создания национального государства привлекло внимание Ф. Энгельса, который писал по этому поводу: «В период с 1830 до 1848 года в одной только Венгрии была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были лучше использованы в интересах демократии. . .»²⁶.

Сословная конституция, государственное собрание и комитатская система — вот три кита, на которых держалось положение этой страны в системе габсбургских владений, три бастиона, которыми иноземной власти никогда не удавалось овладеть. В эпоху перехода от феодализма к капитализму они же стали главными организующими центрами национальной жизни мадьяр, рупором выражения воли новой нации к самостоятельному существованию и одновременно важнейшими и практически постоянно действующими форумами выражения общественного мнения и мобилизации общественности вокруг лозунгов и целей национального движения. В свете сказанного не до конца убедительной кажется существующая в литературе точка зрения, согласно которой «у нас [т. е. у мадьяр — И. Т.] не образовалась государственная национальность [в смысле «штаатенатион» — И. Т.] и отсутствовала «нациоформирующая» роль государства, поэтому национальное движение, как повсюду в Центрально-восточной Европе вообще, уже в XVIII в. видело сущность нации в первую очередь в языке, а также в тех исторических и культурных традициях, которые проявляются в языке»²⁷.

С этой концепцией современного венгерского филолога перекликается, по всей видимости, мнение советского философа М. А. Хевеши, которая, касаясь вопроса о национальном пробуждении в Венгрии и «большого идеологического подъема», его сопровождавшего, пишет следующее: «К этому надо прибавить, что литература оказалась единственным источником [почему «источником»? — И. Т.] выражения национального самосознания венгров»²⁸.

Да, в венгерской истории было такое время, не столь продолжительное, к счастью, когда парализованное жестокой расправой абсолютизма с венгерскими якобинцами венгерское общество было практически лишено легальных форм и форумов самовыражения. Тогда, действительно, литература, а также язык и другие сферы духовного производства примерно на десяток с лишним лет стали единственными формами выражения общественно-политического сознания нации. Но положение это стало изменяться к лучшему после окончания войн с Францией, а еще более явственно с 1825 г., когда после долгого перерыва (с 1807 г.) было создано государственное собрание, а в 30—40-х годах XIX в. страна переживала политический подъем необычайного размаха, силы и глубины, когда первое слово принадлежало непосредственно политике, а не литературе. Близился 1848 год.

¹ A Magyar nyelv történeti-etimológiai Szótára. Bud., 1972, II. k., 1012. o.

² Finke H. Die Nation den spätmittelalterlichen allgemeinen Konzilien. — Historisches Jahrbuch, 1937, Bd. 57; Szücs Jenő. Nemzet és történelem. Tanulmányok. Bud., 1976, 206. o.

³ О социально-экономическом аспекте перерастания венгерской феодальной народности в буржуазную нацию см.: Исламов Т. М. Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVII—первой половины XIX в. — В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., с. 7—31.

⁴ Szücs Jenő. Op. cit., 196. o.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 181.

⁶ Chlebowski J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Srodkowej

w dobre kapitalizmu. Warszawa; Kraków, 1975, s. 12—18; *Leśnodorski B.* Les facteurs intellectuels de la formation de la société polonaise moderne au siècle des Lumières. — La Pologne au Xe Congrès International des Sciences Historiques à Rome. W-wa, 1955, p. 167—216.

⁷ *Arató Endre.* A Magyar nacionalizmus kettős arculata a feudalizmusból a kapitalizmusba való átmenet és a polgári forradalom időszakában (1790—1848). — A Magyar nacionalizmus kialakulása és története. Bud., 1964, 163. o.

⁸ *Польша на путях утверждения и развития капитализма.* М., 1984, с. 278; См. также статью Л. А. Обушенковой в этом сборнике.

⁹ *Szalay L.* Das Rechtsverhältniss der serbischen Niederlassungen zum Staate in den Ländern der ungarischen Krone. Leipzig; Pest, 1862, S. 94; *Temišvarski Sabor 1790* / Red. Gavrilović S., Petrović N. Novi Sad; Sremski Karlovci, 1972.

¹⁰ *Trócsányi Zsolt.* Wesselényi Miklós. Bud., 1965, 458. o.

¹¹ *Akgün S.* European influence on the development of the social and cultural life of the Ottoman Empire in the 18th century. — *Revue des Etudes Sud-Est Européenes.* Buc., 1983, t. XXI, 2, p. 89—94.

¹² *Niederhauser E.* Nemzetek születése Kelet-Európában. Bud., 1976, 85. o.

¹³ *Обушенкова Л. А.* Сопоставление процессов формирования польской, венгерской и словацкой наций. — В кн.: *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе* М., 1981, с. 55.

¹⁴ *W. von Tschirnhaus* und die Frühaufklärung in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. Winter E. B., 1960; *Winter E.* Barock, Absolutismus und Aufklärung in der Donaumonarchie. Wien; Frankfurt; Zürich, 1971; *Csáky M.* Von der Aufklärung zum Liberalismus. Wein, 1981.

Авторы, находящиеся под влиянием антинаучных догм и концепций пресловутого «Остфоршунга», искаженно трактуют природу и характер процесса взаимообогащения национальных культур, оказавшего благотворное влияние на развитие каждой из этих культур, включая и немецкую и австро-немецкую, проповедуя некую разновидность германского «культурного империализма». Типичным представителем этого тенденциозного направления является Фриц Валявец (см.: *Valjavec F.* Geschichte der deutschen Kulturbeziehungen zu Südosteuropa. III. Aufklärung und Absolutismus. München, 1958).

Взаимовлияние культуры австрийских немцев и соседних народов интересно освещено в дискуссионных статьях советского ученого Д. Затонского и австрийского писателя Д. Шебештьен, опубликованных в журнале «Иностранная литература» (1983, № 10, с. 176—184).

¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.

¹⁶ Там же, с. 520.

¹⁷ *Winter E.* Op. cit., S. 176.

¹⁸ *Ibid.*, S. 186.

¹⁹ *Ibid.*, S. 187.

²⁰ Проблема чешского Просвещения всесторонне разработана в трудах А. С. Мыльниковой, который аналогичные в своей основе и во многих внешних проявлениях процессы в странах Центральной Европы обозначает термином «Возрождение», или «национальное Возрождение», которые часто употребляются также применительно к словакам, словенцам и некоторым другим народам региона. По нашему мнению, применение этого термина в отношении Чехии применимо только потому, что Просвещению в чешской истории предшествовала целая «эпоха тьмы», и в последней трети XVIII в. чешский народ действительно, стал «возрождаться» к новой жизни.

²¹ *История Венгрии.* М., 1972, т. II, с. 95.

²² *Niederhauser E.* Op. cit.; *Idem.* A Nemzeti megújulási mozgalmak Kelet—Európában. Bud., 1977; *Benda K.* Emberbarát vagy hazafi? Bud., 1978; *Kosáry Domokos.* Művelődsé a XVIII. századi Magyarországon. Bud., 1980.

²³ *Hazánk, Magyarország.* Főszerk. Erdei Ferenc. Bud., 1970, S. 617.

²⁴ *Fenyő I.* Nemzet, Nep — Irodalom. Bud., 1973, 6. o.

²⁵ *Chlebowczyk J.* Op. cit., s. 115.

²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 181.

²⁷ *Ренцб I.* Op. cit., 8—9. o.

²⁸ *Хевеши М. А.* Мировоззрение венгерских революционных демократов. М., 1962, с. 20.

ОБ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ЭПОХИ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

(К ВОПРОСУ О ПЕРЕРАСТАНИИ
ФЕОДАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ В НАЦИЮ)

А. С. Мыльников

Вопросы перехода от феодальных народностей к нациям капиталистического типа в Центральной и Юго-Восточной Европе изучены еще недостаточно. Впрочем, в известной мере это можно отнести и к общему состоянию теоретической разработки этой проблемы. Думается, что одна из причин такого положения заключается в недостаточности накопленного фактического материала, необходимого для дальнейших обобщений. В предлагаемой статье сделана попытка проследить основные контуры этого процесса на примере этносоциального развития Чешских земель периода начавшегося перехода от феодализма к капитализму, обычно именуемого эпохой национального Возрождения. Освещение этой проблематики строится с учетом основных выводов теории этноса, получившей в современной советской науке значительную разработку¹.

* * *

С этносоциальной точки зрения формирование нации периода капитализма означало складывание стадияльно более высокой общности по сравнению с предшествовавшей народностью феодального типа. В начале становления нации этот сложный и многоплановый процесс не был и не мог быть резко отделен от завершающего этапа существования феодальной народности. Этот механизм развития, насколько можно судить по весьма неполным данным, оказывался противоречивым, маятникообразным и растянутым во времени².

К исходным рубежам эпохи национального Возрождения в Чешских землях, т. е. приблизительно к середине XVIII в., этническая и социальная ситуация здесь заметно отличалась от той, которая существовала до 1620 г., после которого земли чешской короны (собственно Чехия, Моравия и Силезия) утратили независимость и были насильственно превращены в провинцию полиэтничной монархии австрийских Габсбургов³.

Накануне утраты независимости Чешские земли принадлежали к числу наиболее развитых стран феодальной Европы. Этому соответствовал и достаточно высокий уровень этносоциальной и культурной консолидации чешской феодальной народности, интенсивное развитие которой происходило в особенности в XV—XVI вв.⁴ Однако процесс этот не был прямолинейным, отражая как центростреми-

тельные, так и центробежные тенденции развития чешского общества. Именно с XV в., например, под влиянием ряда причин усиливается моравское региональное самосознание⁵. Все же центробежные тенденции, имманентно присущие феодальным структурам, во многом уравновешивались интегрирующей ролью города, а так же сдерживались наличием у чешского этноса развитого механизма феодальной государственности (одним из примечательных с этой точки зрения был существовавший наряду с земскими сословными сеймами институт генерального сейма, решавшего вопросы, касавшиеся всех земель чешской короны). Но даже с учетом такой оговорки неустойчивый балапс конвергентных и дивергентных тенденций этнического развития может быть отнесен к числу наиболее важных признаков функционирования чешской феодальной народности в добелогорский период.

На рубеже XVI—XVII вв. социальную основу чешской народности составляли светские и духовные феодалы, крестьянство, находившееся от них в разных формах зависимости, возникавший предпролетариат, в том числе работники горных промыслов, а также средние и промежуточные слои городского населения, в среде которого шел процесс дифференциации: городской патрициат, цеховые ремесленники, торговцы, лица свободных профессий и другие. В целом чешская феодальная народность предбелогорского времени представляла собой этносоциальный организм с полной социальной структурой. Все это, при наличии спорадических зачатков мануфактурного производства в Чешских землях, создавало, казалось бы, объективные предпосылки для перехода процесса этносоциального развития на более высокий уровень. Но как раз этого и не произошло.

Рост крупного феодального землевладения и увеличение с конца XVI в. товарности помещичьего хозяйства сопровождалось упадком ряда ремесел, чему во многом способствовала репрессивная политика Габсбургов, занявших на основании династических соглашений в 1526 г. вакантный чешский престол⁶. Несмотря на упорную борьбу чешского народа за сохранение государственной независимости падение Чешских земель было предрешено.

Аннексировав в 1620 г. земли чешской короны, Габсбурги для упрочения своего господства приступили в союзе с католической церковью к проведению политики контрреформации. Это не только привело к наступлению феодальной реакции в сфере экономических и социальных отношений, но и нанесло удар по нормальному течению в Чешских землях этносоциального развития. Репрессии затронули не только открытых противников Габсбургов из числа представителей протестантского дворянства и бюргерства, но и более широкие слои населения, включая крестьянство. Насильственное «обращение» его в католицизм сочеталось с усилением феодально-крепостнической эксплуатации. К исходу XVII в. основная масса крестьян в Чешских землях была закрепощена и переведена с денежной ренты на барщину. Тяжелым было и положение городских

пизов. Наряду с открытой борьбой за свои права народные массы эмигрировали с середины XVII в. в соседние протестантские государства⁷.

Трагические события XVII в. серьезно изменили этнические и социальные основы чешской феодальной народности. Если в начале этого столетия в Чешских землях проживало около 3 млн. 360 тысяч человек, то к середине XVII в. численность населения сократилась по меньшей мере на 25%⁸. В середине следующего столетия территория земель чешской короны, по сравнению с добелогорским временем, также сократилась, поскольку вследствие первой и второй Силезских войн большая часть экономически развитой Силезии отошла к Пруссии. Под властью Вены остались лишь два небольших южносилезских княжества — Опавское и Тешинское. Войны XVII—XVIII вв., уменьшение территории земель чешской короны, массовые эпидемии и голод в сочетании с затянувшимся кризисом феодально-крепостнической системы отрицательно сказывались на этнодемографическом развитии. Еще в 1754 г. численность населения здесь (3 013 369 человек) была меньше, чем в начале XVII в.⁹

Последствия белогорского поражения отрицательно сказались на этническом составе социальных структур Чехии и Моравии. Расправившись с сословной оппозицией, Габсбурги произвели конфискацию земельного и другого имущества враждебно настроенных к ним чешских феодальных родов. Значительная часть его (59,1%) была передана чешским феодалам, занявшим доляльную позицию и перешедшим в католицизм, а другая часть (40,9%) попала в руки католического дворянства, приглашавшегося правительством из немецких государств, Франции и других зарубежных стран¹⁰. Концентрация земель в руках крупной аристократии чешского и иностранного происхождения сопровождалась все большим ослаблением средних и мелких феодалов. В XVIII в. мелкопоместное дворянство в Чешских землях утратило реальное экономическое и политическое значение, а среднее фактически исчезло. Феодальный класс в целом приобрел инонациональный, космополитический облик.

Отчасти сходные тенденции имели место и в среде городского мещанства и лиц свободных профессий, в рядах которых определяющую роль стали играть немецкие или онемечившиеся элементы. Этот процесс дополнялся изгнанием из официальных сфер жизни чешского языка и заменой его языком немецким. Только крестьянство и городские низы чешского происхождения сохранили в эти десятилетия свой этнический облик.

В результате в балансе конвергентных и дивергентных тенденций в XVII в. наметился сдвиг в сторону последних. Он был обусловлен подрывом этнических и социальных основ чешской феодальной народности и ослаблением хозяйственных связей между отдельными землями чешской короны. Происходило оживление областного (земского) и более дробного местного самосознания, ограничивавшегося порой территорией поместий. Если коренное население

могло вкладывать в такие разновидности самосознания не только территориальный, но и этнический смысл, то для онемечившихся, а тем более ипонациональных слоев оно приобретало почти исключительно территориальное значение. Сказанное относилось прежде всего к зажиточным кругам горожан и особенно к феодалам. Понятие «чешское дворянство», вполне определенное для добелогорского периода, отныне утрачивало этнический смысл. Самосознание феодалов детерминировалось не этническими соображениями, а местом нахождения поместий и тех земских сословных сеймов, через которые они реализовывали свои политические феодальные права-привилегии.

Все же, несмотря на столь сложную ситуацию, на протяжении всего заключительного этапа существования чешской феодальной народности общечешская культурная традиция, существенно ослабев, полностью не прервалась. Ее носителями были немногочисленные представители патриотически настроенного чешского мещанства и духовенства, а главным образом — крестьянская масса и городские низы. Это обстоятельство, нашедшее, в частности, отражение в чешской народной культуре XVII—XVIII вв.¹¹, имело далеко идущие последствия, питая в последующий период генезис национального самосознания формировавшейся чешской нации.

Этнодемографические и социальные сдвиги, которые обусловили процесс формирования чешской нации, были предопределены нарастанием общего кризиса феодально-барщинной системы и зарождением новых буржуазных отношений. Первые симптомы этого прослеживаются в Чешских землях как, впрочем, и в ряде других регионов монархии Габсбургов, на рубеже XVII—XVIII вв. Политика контрреформации и искусственной консервации крепостничества еще сохранялась, но была уже на излете. В силу суровой экономической необходимости помещики и государство были вынуждены постепенно встать на путь ограничения цеховых монополий, поддержки сельских промыслов, основания мануфактур, расширения и стимулирования промышленности и торговли. Этому, как отмечал Ф. Энгельс, во многом содействовали нужды обеспечения армии вооружением, амуницией и продовольствием¹². Все это начинает сказываться с 20—30-х годов, приобретая с середины XVIII в. характер осознанной правительственной политики. Государственная поддержка мануфактур и коммерции превращается в важнейший элемент политики «просвещенного абсолютизма», которую вопреки своим консервативным, клерикальным настроениям начала с 1740-х годов проводить Мария Терезия и которую в еще большей мере продолжил ее сын и наследник Иосиф II. Вскоре после вступления на престол он издал в 1781 г. патенты об отмене личной крепостной зависимости крестьян, о введении, хотя бы ограниченной, свободы вероисповедания и некоторые другие акты, расчищавшие дорогу капитализму. Все эти меры имели непосредственное отношение к Чешским землям, которые к концу XVIII в. превратились в один из наиболее развитых регионов монархии Габсбургов¹³.

С начала XIX в. здесь разворачивается процесс промышленного переворота, широким фронтом идет создание фабрично-заводской промышленности. В итоге накануне революции 1848—1849 годов прядильное и ситценабивное производства оказались полностью механизированными, была создана основа тяжелой промышленности, получившей развитие в последующие десятилетия. Несмотря на общий низкий уровень сельского хозяйства и здесь в первой половине XIX в. происходило проникновение капиталистических методов производства. В результате изменения в экономике Чешских земель влекли за собой разрушение былой замкнутости городской и сельской жизни, вызывали миграцию неимущего и малоимущего крестьянского населения в другие районы, приводили к существенной перестройке общей этнодемографической структуры.

После длительной стагнации, по мере развития буржуазных отношений, особенно после 1781 г., в Чешских землях впервые после длительного перерыва намечается рост народонаселения. Если в 1814 г. по сравнению с 1781 г. прирост составил 680 366 человек, т. е. 26,2%, то за период 1814—1846 гг. он по отношению к 1781 г. достиг 1 908 538 человек, или 73,7%. По сравнению с годом отмены личной зависимости крестьян это означало увеличение населения Чешских земель более, чем на две трети¹⁴.

Все же демографическое развитие продолжало оставаться крайне неравномерным. Помимо влияния на него негативных факторов (стихийные бедствия, массовые эпидемии холеры и тифа, голод накануне революции 1848—1849 годов), сказывалось различие между индустриальными, аграрно-индустриальными и аграрными районами. До 1820-х годов, например, рождаемость в аграрной Моравии была выше, чем в более промышленно развитой Чехии. По мере капиталистической индустриализации и проникновения буржуазных отношений в деревню наметилась тенденция к относительному выравниванию демографического развития Чешских земель, численность народонаселения которых неуклонно возрастала, превысив в 1831 г. шестимиллионный рубеж и составив к кануну революции (1847 г.) 6 768 064 человек¹⁵.

Дело, однако, не исчерпывалось лишь количественной стороной. Как известно, в этническом отношении население Чешских земель не было однородным. Наряду с численно преобладавшим коренным (чешским) населением здесь проживали компактные группы этнических меньшинств — немцы, поляки, евреи и др. В некоторых частях Чешских земель, например, в Моравии и в Силезии лица немецкой национальности составляли значительную часть населения, в особенности городского¹⁶. Нужно, однако, учитывать, что определенная часть населения, считавшаяся здесь немецким, на самом деле принадлежала к чешскому этносу, будучи онемеченной. По мере подъема чешского национального самосознания часть этих слоев с первой половины XIX в. вновь начинает относить себя к чехам. Имели место случаи включения в чешский этнос лиц местного немецкого и другого этнического происхождения. В результате наряду с абсолютным ростом народонаселения в демографическом балансе

Чешских земель неуклонно увеличивался процент населения, по языку и самосознанию являвшегося чешским.

Другим решающим фактором становления чешской нации были существенные перемены в социальных структурах Чешских земель, происходившие на протяжении XVIII—первой половины XIX в. Не касаясь подробно этой темы¹⁷, подчеркнем лишь, что наряду с основными классами феодального общества все большую роль начинают играть слои, связанные с развивавшимися буржуазными отношениями. Все большая часть крестьянства работает теперь на рынок, втягиваясь в рассеянную мануфактуру, переходя в категорию лиц наемного труда, занятых в мануфактурном и затем фабрично-заводском производстве. Деревня в Чешских землях являлась одним из важнейших центров классовобразования утверждавшегося капиталистического общества и существенным компонентом процесса консолидации чешской нации. Другим центром, где протекал этот процесс, был город, социальная и этническая структура которого была намного сложнее. В результате массового оттока крестьянского населения после 1784 г. из деревни в город и наметившегося в начале XIX в. процесса чехизации части онемеченных семей, в первой половине этого столетия происходило неуклонное увеличение доли чехов в городском населении. Так постепенно в сложном и противоречивом социальном конгломерате, который представляли собой в рассматриваемые десятилетия деревня и город в Чешских землях, вырисовывались контуры новых классов и групп, которые по социальным интересам и по образу жизни были связаны уже не с отживающей феодальной системой, а с развивавшимся капитализмом: буржуазия, пролетариат, интеллигенция и чиновничество. Правда, теснившая дворянских предпринимателей буржуазия в этническом отношении не была, как правило, чешской. Зато вследствие социальной дифференциации в городе и деревне шел процесс складывания достаточно широкого слоя мелкой городской буржуазии чешского происхождения и сельской буржуазии в деревне, пользовавшейся наемным трудом. Эти слои страдали не только от разного рода сословной и цеховой регламентации, но и от конкуренции со стороны более сильной австронемецкой буржуазии. Они остро и болезненно ощущали социально-политическое угнетение Чешских земель. Отсюда происходила оппозиционность мелкой буржуазии, сыгравшей значительную роль в чешском национально-освободительном движении. Это была вообще достаточно универсальная закономерность: не случайно В. И. Ленин указывал, что, сравнительно с крупной, мелкая буржуазия «наиболее патриотична»¹⁸. Но неопределенность социальных границ этого слоя и его политическая аморфность способствовали усилению воздействия на чешское общество мелкобуржуазной стихии. Что же касается национальной промышленной и торгово-финансовой буржуазии, то до 1848 г. она еще только зарождалась. Слабость буржуазных сил чешского общества приводила к тому, что в эпоху национального Возрождения имело место групповое и даже персональное переплетение интересов мелкой, сельской и спорадически возникшей национальной бур-

жуазии. Такой феномен, который условно можно назвать социальным синкретизмом, во многом объясняет многие особенности выдвигавшихся накануне революции 1848—1849 гг. политических требований и программ чешского национально-освободительного движения.

30—40-е годы XIX в. были важным рубежом в истории формирования рабочего класса Чешских земель, хотя состав его в этот период еще оставался весьма разнородным. Его ядром становился рабочий класс, занятый в легкой и тяжелой промышленности и в горном деле. Этнически он, за исключением отдельных районов, в основном происходил из среды чешского городского и сельского населения — ремесленников, подмастерьев, городской бедноты, малоземельных и безземельных крестьян. Доля последних в ряде мест даже преобладала¹⁹. Однако постепенно шло увеличение удельного роста потомственных рабочих, занятых в промышленности во втором и более поколениях. К 1846 г. только на текстильных предприятиях в Чехии было в разных формах занято около одного миллиона человек — огромная цифра для земли, население которой составляло тогда около 4,5 млн. человек²⁰. По мере роста рядов рабочего класса, увеличивалась и его общественная роль. В 1843—1844 гг. в Праге, Брно и многих районах Чешских земель произошли открытые классовые выступления чешских и немецких рабочих и безработных. Но рабочий класс в предреволюционный период еще не стоял во главе национально-освободительного движения. Он сам находился тогда под влиянием комплекса идей, который В. И. Ленин именовал «национальной идеологией» и который отражал интересы чешских буржуазных слоев. Их помыслы и чаяния формулировала и выражала чешская патриотическая интеллигенция. Важнейшая ее заслуга состояла в том, что она способствовала пробуждавшемуся национальному самосознанию, обобщала и организовывала его, превращая в сознание национальное и тем самым готовила массы к приближавшимся революционным боям. Поскольку эта борьба, направленная на решение задач социального и национального освобождения Чешских земель, отвечала потребностям формирования чешской нации, постольку она имела прогрессивное, общедемократическое значение.

В целом, как можно заключить, эволюция этнических и социальных структур Чешских земель в XVIII—первой половине XIX вв. отвечала общим закономерностям перехода от феодализма к капитализму у народов, лишенных государственной независимости и находящихся в обстановке иноземного угнетения. Однако конкретные особенности земель чешской короны придавали этому процессу черты специфики, выразившейся в динамике и уровне зрелости национального развития к середине XIX в. В первую очередь это касалось условий создания этносоциальной базы чешской нации.

* * *

Вследствие национально-политического подавления чешского народа и этнической неоднородности Чешских земель вызревание здесь социальных структур буржуазного типа происходило как бы

в двух планах. Один из них отражал общий процесс перехода от феодализма к капитализму в Австрийской монархии в целом, а другой — возникновение социальной основы чешской нации как таковой. Хотя оба эти аспекта и были между собой теснейшим образом связаны, между ними довольно рано обозначаются заметные различия.

В самом деле, появление в Чешских землях крупной промышленной и торгово-финансовой буржуазии свидетельствовало о достаточно высоком, по австрийским стандартам, уровне развития капитализма. Об этом же свидетельствовало и втягивание в товарно-денежные отношения и в буржуазное предпринимательство части дворянства. Однако классы эти имели не национальный, а австро-немецкий характер и непосредственного участия в формировании чешской нации не принимали. Вне этого процесса, за малыми исключениями, находилось и численно значительное городское и сельское население инационального (главным образом — немецкого) происхождения. Поэтому реальной базой складывавшейся чешской нации в рассматриваемые десятилетия оказывались не все классы и социальные силы, участвовавшие в буржуазном развитии Чешских земель, а те из них, которые, в том числе независимо от этнического происхождения отдельных их представителей и групп, обладали определенным уровнем чешского самосознания, а следовательно объективно и субъективно участвовали в этносоциальной эволюции чешского народа эпохи начавшегося перехода от феодализма к капитализму.

К ним в своей массе относились: чешское крестьянство, национально мыслящее городское население, особенно жители средних и небольших городов, возникшие вследствие социального расслоения кадры чешского промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, мелкая и сельская чешская буржуазия, национальная интеллигенция и некоторые промежуточные слои (например, мелкое чиновничество, низшее духовенство и др.), т. е. классы и слои, обозначившиеся на социальной карте Чешских земель в результате длительного развития на протяжении XVIII—первой половины XIX вв. Становление этих социальных структур было, таким образом, следствием долговременной эволюции, которую можно назвать процессом нарастания этносоциальной базы чешской нации.

Этот, решающий, в конечном счете, фактор оказывал обратное воздействие на генезис национального самосознания и на изменение содержания и функциональной роли отмеченных в начале статьи конвергентных и дивергентных тенденций в развитии чешских этнических связей. Существенное и во многом определяющее воздействие на возникновение и упрочение этих связей как связей национальных оказывало своеобразие процессов складывания внутреннего рынка. Эта проблематика под интересующим нас углом зрения изучена еще недостаточно.

Хотя земли чешской короны составляли органическую часть формирующегося австрийского рынка, ключевые позиции в котором принадлежали австро-немецкому капиталу, одновременно с этим

складывался и чешский региональный рынок. Он был следствием усиливавшегося вместе с ростом капиталистического уклада обмена между городом и деревней и наметившейся специализацией отдельных экономических районов Чешских земель. В эти связи вовлекались значительные массы чешского городского и, особенно, сельского населения, поскольку зарождавшиеся чешские буржуазные слои, несравненно более слабые по сравнению с местной австро-немецкой буржуазией, длительное время оказывались связанными преимущественно с сельскими промыслами. Такое положение стимулировало относительную этническую однородность участников рыночного обмена и содействовало превращению чешского языка в естественное и наиболее удобное для большинства средство коммуникации. В свою очередь это поддерживало конвергентные тенденции, оказывавшие позитивное влияние на общечешскую этносоциальную интеграцию. Отмеченный процесс имел для будущего чешской нации и национальной культуры, в частности на раннем, наиболее трудном этапе, едва ли не решающее значение. Он вполне подтверждает мысль В. И. Ленина о том, что «пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой» есть «необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи»²¹.

Но на пути такого развития стояли серьезные препятствия, во многом обусловленные административным разделением земель чешской короны, которое тормозило не только политическую, но и экономическую интеграцию чешского этноса. К концу XVIII в. Чехия и Моравия (с Силезией) представляли собой два экономико-географических района. Каждый из них имел собственные хозяйственные органы (коммерц- и мануфактурколлегию, бергколлегию, финансовые ведомства) и зоны экономических связей. При этом, например, моравско-силезский экономический район был связан с австрийским теснее, чем с чешским²². Такая ситуация не в последнюю очередь способствовала удержанию некоторых дивергентных черт в процессе этносоциального развития не только эпохи национального Возрождения, но и позднее.

Отмеченные особенности сказывались и на генезисе национального самосознания. Преобразуя существовавшие в донациональный период разновидности, оно развивалось за счет включения с частичным поглощением областного и местного самосознания в общечешское. Однако развитие это отличалось неравномерностью и не было лишено элементов попятного движения. Наиболее типичным в этом смысле было оживление моравского самосознания, которое во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. даже становилось предметом широкого обсуждения в среде деятелей национально-освободительного движения. Но подобные явления, присущие эволюции феодальной народности, все более приобретали рудиментарный характер.

В результате усиления конвергентных тенденций, отвечавших потребностям формирования и развития чешской нации, старое областническое самосознание как бы расщеплялось на территориаль-

ное и этническое. Первая разновидность, во многом консервировавшаяся сохранением средневекового государственно-правового членения земель чешской короны, отражала территориальную привязанность жителей собственно Чехии, а также Моравии и Силезии, независимо от того, были ли они этнически чехами или представителями других этнических групп. Эта разновидность была весьма живучей, хотя в контексте генезиса чешской нации и представляла собой, в конечном счете, остаточное явление донационального периода.

Вторая разновидность уже отвечала новым условиям этносоциального процесса эпохи перехода от феодализма к капитализму. Несмотря на частичное переплетение с рудиментами земского самосознания, она способствовала включению в национальную интеграцию Чешских земель всех частей чешского этноса в Чехии, Моравии и Силезии. Поэтому моравское областническое самосознание заняло по отношению к самосознанию общечешскому не паритетное, а подчиненное место. В том же направлении эволюционировало и самосознание таких устойчивых этнографических групп, как ходы, ганаки, моравские влахи или моравские словаки.

Менялось не только содержание, но и характер этой подчиненности. Если в рамках феодальной народности областническое и местное самосознание существовало как бы наряду, параллельно с общенациональным (чешским) самосознанием, то в период становления нации оно все более органично включалось в него при общем сокращении локальной дифференциации. Не исчезая полностью, эти формы самосознания постепенно образовывали иерархическую систему, шедшую снизу, от местного самосознания, вверх — через областническое — к общечешскому национальному самосознанию. Это означало, что по мере нарастания этносоциальной базы чешской нации конвергентные тенденции становились преобладающими и приобретали необратимый характер.

Это развитие, обусловленное глубинными социально-экономическими сдвигами, влекло за собой переворот в общественной психологии. Если в сфере материального производства чешское общество с конца XVIII в. приобретало прогрессирующий буржуазный характер, то в сфере производства духовного прежде господствовавшая система средневеково-феодальных ценностей распадалась и уступала место качественно новому видению мира, свойственному новому времени. Важнейшими средствами объективации этих сложнейших процессов явились в Чешских землях общественная мысль и культура.

То, что первые ощутимые признаки такого развития обычно прослеживаются примерно с середины XVIII в., не означает, как мы пытались показать в свое время²³, что здесь лежали исходные рубежи этого процесса. Если чешская нация, как и предварявшая ее феодальная народность, представляет собой развивающуюся систему, то, очевидно, отдельные компоненты этой системы до того, как их совокупность привела к возникновению нового интегративного качества, должны были пройти ряд ступеней. А это неизбежно

влекло за собой соприкосновение завершающего этапа феодальной народности с начальной стадией зарождения нации во времени и в пространстве. Возникали условия для частичного переплетения элементов предшествующей и последующей этносоциальной общности и, следовательно, для их межстадиального взаимодействия. До сих пор, насколько нам известно, этот необычайно сложный и интересный аспект этносоциального развития не привлекал к себе специального внимания исследователей.

Между тем, при внимательном рассмотрении структуры начальной стадии собирания в систему компонентов будущей чешской нации можно выделить два основных типа такого переплетения и взаимодействия. С одной стороны, это элементы, возникавшие и функционировавшие в системе народности, но по заложенным в них потенциалам объективно открывавшие путь для перерастания этносоциального развития на более высокую ступень. К ним, например, относились спорадически зарождавшиеся в предбелогорские десятилетия, но затем заглушенные и подорванные ростки мануфактурного производства, которое вплотную подводило социальное развитие Чешских земель к зарождению буржуазных отношений. Под этим же углом зрения следовало бы рассмотреть и настойчивые попытки унификации и кодификации языка чешской письменности — от реформы чешской орфографии, проведенной в начале XV в. Яном Гусом до усилий Яна Благослава и других деятелей Общины чешских братьев XVI в., благодаря которым был выработан литературный язык Кралицкой библии, вплоть до эпохи национального Возрождения, имевший значение и авторитет классической нормы. Важно подчеркнуть, что при этом речь шла не об одном лишь Чешском королевстве или Моравском маркграфстве, а о всей чешской этнической территории в целом. Иными словами, приведенные примеры свидетельствовали о наличии конвергентной тенденции, объективно и субъективно направленной против тенденции дивергентной. То, что конвергентные тенденции не приобрели тогда необратимого характера и остались в рамках функционирования феодальной народности, объясняется, помимо конкретных неблагоприятных факторов политического характера, отсутствием необходимой этносоциальной базы, которая выходила бы за пределы структуры феодального типа.

Другой тип взаимодействия предшествующей (народность) и последующей (нация) этносоциальной общности был сопряжен с нарастанием кризиса феодально-крепостнической системы и возникновением на рубеже XVII—XVIII вв. реальных предпосылок для последующего генезиса буржуазных связей. Они реализовывались как в сфере материального (втягивание сельского населения в расшеянную мануфактуру и появление дворянского и мещанского торгово-промышленного предпринимательства с соответствующими социальными следствиями), так и в сфере духовного производства (первые опыты усвоения и критической переработки европейской просветительской мысли в чешской патриотически настроенной городской среде, а также оппозиционные антифеодальные мотивы

в народной культуре). Примечательно, что многие из этих проявлений первоначально возникали в лоне социальных и общественно-культурных структур феодального типа, лишь со временем превращаясь в их антиподы. Такая ситуация наглядно отразилась, в частности, в стиле чешской культуры начала и середины XVIII в., где новые просветительские идеи сперва объективизировались посредством стилевых средств барокко²⁴.

Что касается собственно этносоциального развития, то переплетения и взаимодействия отмеченного типа были сопряжены с теми кругами чешского населения, которые исподволь втягивались в развитие капиталистического уклада — от крестьянства до средних слоев города. Так, на мануфактурах не только дворянских, но и мещанских предпринимателей вплоть до отмены личной крепостной зависимости в 1781 г. зачастую наряду с вольнонаемными специалистами и работниками по необходимости использовался труд крепостных крестьян. Все это, хотя с трудностями и медленно, способствовало охарактеризованному выше процессу нарастания этносоциальной базы формировавшейся чешской нации. И именно здесь механизм складывания нации капиталистического типа вплотную соприкасался с механизмом функционирования феодальной народности на завершающем этапе ее существования.

Действительно, сравнивая структуру этносоциальной базы чешской феодальной народности предбелогорского периода с той, которую мы застаем в XVII—первой половине XVIII в., можно заметить существенные различия, вызванные крупными этническими и социальными катаклизмами, произошедшими после насильственного включения Чешских земель в состав монархии Габсбургов. С интересующей нас точки зрения они заключались в том, что чешская феодальная народность лишилась теперь полных социальных структур и, в отличие от ситуации конца XVI—начала XVII в., представляла собой как бы усеченную и деформированную этносоциальную конструкцию. Это обстоятельство, вытекавшее из реальных исторических условий побелогорских десятилетий, не могло не оказать воздействия и на особенности зарождения и развития этносоциальной базы чешской нации.

Процесс нарастания этой базы, несмотря на его неуклонное развитие, вплоть до революции 1848—1849 гг. полностью не завершился. С одной стороны, рождавшиеся в рассматриваемые десятилетия основные классы и социальные слои чешского буржуазного общества еще полностью не консолидировались. С другой стороны, указанный процесс не успел в эпоху чешского национального Возрождения вовлечь в свою орбиту национально-промышленную и торгово-финансовую буржуазию, которая тогда только зарождалась. В результате, если в структуре феодальной народности побелогорского периода «свой» господствующий класс как социальное целое (отдельные исключения не меняли общей картины) фактически отсутствовал, то в структуре рождавшейся нации капиталистического типа он присутствовал лишь частично в виде мелкой городской и сельской буржуазии. Способствуя усилению общедемократи-

ческих начал в чешском национально-освободительном движении (направленность против «чужих», инациональных эксплуататоров), отмеченное обстоятельство одновременно тормозило социальную дифференциацию в чешском национальном коллективе, способствуя в духовной сфере консервации мелкобуржуазных иллюзий и распространению национальной идеологии, которая, возникшая на соответствующем этапе национально-освободительных движений, оставила, по определению В. И. Ленина, «глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата»²⁵.

В конкретных условиях Чешских земель эпохи национального Возрождения уровень зрелости формировавшейся нации был во многом обусловлен характером этносоциальной структуры предшествовавшей ей феодальной народности. Отмечая, что протекание общественного процесса подобно развитию любой органической системы, К. Маркс указывал: «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»²⁶. Это важное методологическое положение имеет прямое отношение к интересующему нас вопросу.

В эпоху национального Возрождения превращение чешской нации в такую систему еще не произошло, хотя развитие и протекало «в направлении целостности». Формирование же чешской нации в условиях неполных социальных структур корректировалось процессом нарастания этносоциальной базы, смысл которого как раз и заключался в том, чтобы, говоря словами К. Маркса, «подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы». При этом вторая часть формулы имела преобладающее значение — формирование чешской нации могло лишь отчасти основываться на трансформации прежних структур, поскольку в системе феодальной народности они были представлены не полностью.

Иначе говоря, процесс перехода от феодальной народности к нации капиталистического типа в Чешских землях во многом имел прерывистый характер (первые признаки в добелогорский период: XVII—начале XVIII вв., новый подъем — в XVIII в. и т. д.). Но та же черта была присуща и процессу этносоциального развития накануне возникновения чешской нации, поскольку завершающий этап существования феодальной народности распался на две вполне самостоятельные фазы, рубежом между которыми стали события XVII в. Для первой фазы, апогеем которой был рубеж XVI—XVII вв., в силу причин, о которых мы кратко говорили выше, характерной оказалась обратимость процесса этносоциального развития, которое не смогло подняться на следующую ступень, хотя потенциально, как тенденция, и существовало. Положение меняется на рубеже XVII—XVIII вв., когда, несмотря на крайне неблагоприятные условия и преодолевая многочисленные препятствия,

та же тенденция вновь пробивает себе путь, приобретая на этот раз необратимый характер.

В свете приведенного наблюдения можно во многом по-иному оценивать проблемы преемственности этносоциального и этнокультурного развития Чешских земель на протяжении XVI—XVIII вв., включая исходные рубежи эпохи национального Возрождения. Очевидно, в частности, что эта эпоха не была временем пачала процесса перехода от народности к нации, поскольку истоки этого процесса прослеживаются в предшествующие десятилетия. Своеобразие национального Возрождения заключалось в ином. Это была полоса исторического развития, когда объективные факторы, обуславливавшие перерастание феодальной народности в нацию (прежде всего, конечно, кризис феодального и зарождение капиталистического способа производства), органически сочетаются с факторами субъективными, находящими обобщенное выражение в генезисе национального самосознания. Это придавало эпохе национального Возрождения качественно новый характер, означавший, что завершающий этап феодальной народности уходил в прошлое и на смену приходил новый этап, отмеченный подъемом массового антифеодального национально-освободительного движения, которое и образовывало сердцевину национального Возрождения как самостоятельной исторической эпохи.

- ¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1978; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2, с. 79—92; Калтагчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981; Марков Д. Ф. За дальнейшую интеграцию исследований в общественных науках: Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — ВФ, 1982, № 1, с. 81—93.
- ² Fojtik K. Problémy výzkumu etnicity v lidové kultuře XV—XVII st. — In: Etnické procesy. Pr., 1977, t. 1, s. 42—51.
- ³ Подробнее см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М.: 1980.
- ⁴ Выработка критериев периодизации процесса развития феодальной народности заслуживала бы особого внимания. Ценным почином в этом смысле является сборник «Формирование раннефеодальных славянских народностей» (М., 1981).
- ⁵ Гавлик Л. Представление о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии. — Сов. славяноведение, 1969, № 3, с. 31; Šmahel F. Česká anomálie? — Československý časopis historický, 1969, N 1, s. 65.
- ⁶ Přehled československých dějin. Pr., 1958, t. 1. Do roku 1848, s. 432; Janáček J. Přehled vývoje řemeslné výroby v českých zemích za feudalismu. Pr., 1963, s. 258; История Чехословакии. М., 1956, т. 1, с. 265—268.
- ⁷ Winter F. Die tschechische und slowakische Emigration in Deutschland im 17. und 18 Jh. B., 1955, S. 226—227.
- ⁸ Srb V., Šebesta J. Populační atlas českých zemí. Pr., 1948, s. 9.
- ⁹ Horská P. L'état actuel des recherches sur l'évolution de la population dans les pays tchèques aux XVIII-e et XIX-e siècles. — In: Annales de démographie historique. P., 1967, p. 181.
- ¹⁰ Cornej P. Vliv pobělohorských konfiskací na skladbu feudální třídy. — In: Prameny feudální třídy v Čechách v pozdním feudalismu. Pr., 1976, s. 189;

- Mika A.* K národnostním poměrům v Čechách po Tricetileté valce. — Československý časopis historický, 1976, N 4, s. 543—548.
- ¹¹ *Myšnikov A. S.* Vznik národně osvícenské ideologie v českých zemích 18. st. Prameny národního obrození. Praha, 1974, s. 80—87.
- ¹² Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 305.
- ¹³ Освободительные движения. . ., с. 56—59.
- ¹⁴ *Kárníková L.* Vývoj obyvatelstva v českých zemích 1754—1914. Praha, 1965, s. 67; *Davídek V.* Výsledky sčítání obyvatelstva a správních reorganizací v českých zemích kolem poloviny 19. st. — Demografie, 1971, N 4, s. 340—341.
- ¹⁵ *Horská P.* L'état actuel. . ., s. 183—184.
- ¹⁶ *Šembera A.* Někteří správy statistiké v Moravě a Slezsku. — Casopis českého muzeum, 1840, N 4, s. 380—381; *Trapl M.* České národní obrození na Moravě v době předbřežnové a v revolučních letech 1848—1849. Brno, 1977, s. 49.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Мыльников А. С.* Социальная структура общества в Чешских землях. — В кн.: Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982, с. 68—86; *Гогина К. П.* О становлении чешской нации. — В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981, с. 75—85.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 213.
- ¹⁹ *Myška M.* Počátky vytváření dělnické třídy v železárnách na Ostravsku. Ostrava, 1962, s. 94—95; *Kárníková L.* Původ a postavení horních dělníků Buštěhradských vrchnostenských dolů v 1. pol. 19. st. — Český lid, 1955, N 4, s. 160.
- ²⁰ *Horská-Vrbová P.* Kapitalistická industrialisace a středoevropská společnost. Praha, 1970, s. 52.
- ²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 89.
- ²² Освободительные движения. . ., с. 367.
- ²³ Например, в кн.: *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
- ²⁴ *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения. . ., с. 175—176.
- ²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.
- ²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 229.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛЬСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Л. А. Обушенкова

Развитие самосознания польской феодальной народности определялось условиями исторического развития польских земель. Помимо внутренних причин, обусловленных социально-экономическим развитием общества, на процесс формирования этнического самосознания поляков накладывало отпечаток геополитическое положение Польши, необходимость борьбы с натиском инациональных элементов (немецких князей и крестоносцев).

Племенная общность уступает место средневековой народности в эпоху перехода к классовому обществу. Значительная часть территории будущего польского государства входила в состав «прародины славян». В VII—VIII вв. в бассейнах Вислы и Одры зарождались феодальные отношения, появились племенные княжения. Про-

цесс постепенного объединения многочисленных племенных княжений под главенством наиболее сильного княжества начался с середины IX в.¹ В рамках этих княжений, на базе социально-этнических областей формировались определенные социально-этнические общности, которые являлись предпосылкой образования народностей². Первое раннефеодальное государство на польских землях образовалось в конце X в., когда Польское государство объединило все этнически польские племенные княжения³. В него вошли территории от реки Одры на западе до Западного Буга на востоке и от Карпат на юге до Балтийского моря на севере с жившими на них родственными в языковом отношении западославянскими племенами полян, мазовшан, вислян, ополян и др. В течение двух последующих веков государство укреплялось; чувство племенной общности постепенно уступало место народностному самосознанию, одновременно шло формирование идеологии феодальной правящей группы.

Территориальный охват всех польских этнических земель рамками единого государства не был стабильным. В период феодальной раздробленности (середина XII—начало XIV в.) часть из них лишь временно входила в состав польских государственных объединений, то признавала вассальную зависимость от польских князей, то отделялась полностью. Однако сложившаяся уже народность сохраняла чувство единства земли, своего исторического прошлого и будущего⁴. На протяжении нескольких столетий полякам приходилось отражать натиск сначала Тевтонского ордена, потом немецких князей. К концу XVIII в. Речь Посполитая окончательно утратила Поморье (в том числе Вармию и Мазуры) и Силезию; компактная польская этническая территория на севере не достигала Балтики. Однако, несмотря на территориальные потери центральное ядро польских земель оставалось в составе Польского государства непрерывно в течение восьмисот лет.

Речь Посполитая формировалась как многонациональное государство. Определяющим моментом в этом плане стало заключение польско-литовской Люблинской унии 1569 г. В состав Польши вошли этнически непольские — литовские, белорусские, украинские земли. Кроме поляков, на польской территории издавна жили немцы и евреи, на непольских восточных окраинах Речи Посполитой большинство составляло коренное местное население: литовцы, белорусы, украинцы, латыши. В Тешинской Силезии, кроме поляков, жили чехи и немцы.

С момента образования Польского государства вплоть до конца XVIII в. польское население заселяло сплошную территорию, не разделенную природными границами. Связь между отдельными районами в средние века была затруднена отсутствием удобных путей и формально-правовыми барьерами (таможенные ограничения, отсутствие личной свободы у крестьян, цеховая регламентация и проч.). Преградой могли служить болотистая местность, разливы рек или просто непогода. В то же время реки, особенно столь большие и полноводные, как Одра, Висла и Варта, служили наиболее доступными средствами связи. Изолированно жили курпы, насе-

лявшие густые болотистые леса в бассейне реки Нарев и ее притоков.

Население польской этнической территории пользовалось одним языком, отличавшимся разнообразием местных диалектов. К XVI в. достиг расцвета польский литературный язык. Латынь, а затем французский, получившие широкое распространение в образованных слоях польского общества, употреблялись наряду с польским литературным языком. Крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, городской плебе оставались хранителями родного разговорного языка.

Преобладающее большинство поляков было католиками; польское население Мазур и Нижней Силезии — протестантами. Непольское население принадлежало к православной, униатской и протестантской церквям, а также к иудейскому вероисповеданию. На северных и западных окраинах польской этнической территории, попавшей в зависимость от немецких князей, религия поляков в одних случаях совпадала, в других — отличалась от религии господствующей национальности.

В XVIII в. социальная структура феодальной Речи Посполитой в целом была типичной для государства того периода. Общество состояло из трех основных сословий: дворянства (магнатов и шляхты), крестьян (в преобладающей массе крепостных) и мещан. Крупным социальным слоем, формально не принадлежавшим к господствующему сословию, но фактически пользовавшимся его привилегиями, было католическое духовенство. На землях, отторгнутых от Речи Посполитой до середины XVIII в., господствующий класс по преимуществу был немецким. Только в верхнесилезских местечках городское население было польским, в остальных городах Силезии и Поморья — немецким (за исключением мелкого мещанства и городских низов). В сельской местности дворянство быстро онемечивалось. На Мазурах основную часть населения составляли польские крестьяне. В Вармии и Нижней Силезии поляками по преимуществу были крестьяне и часть мелкого мещанства.

В процессе развития этнического самосознания поляков большую роль играло первое польское государство, охранявшее жителей от германизации и ассимиляции. Правящая верхушка в молодом государстве, поддерживавшая военной и политической мощью власть короля, выполняла интеграционные функции. Этому способствовали факторы государственной общности: единая административная, судебная и фискальная системы, перемещения населения с одного конца страны на другой⁵, оживление экономической и политической жизни. Наличие собственной государственности укрепляло чувство связи с родной территорией. На ранней стадии осознание этнической общности выражалось в постепенном закреплении общего названия для жителей государства. Соседи земли между Одрой и Бугом по имени центральной племенной поляны стали называть Польшей в конце X в. Сравнительно быстрое вытеснение новым значением слова «поляне» его племенного значения было показателем

интенсивности процесса развития самосознания польской народности⁶.

В процессе интеграции племен большую роль играла унификация языка, которая осуществлялась в рамках государства. Различия диалектов на территории будущей Польши были сравнительно слабо выражены. Культурная и этноязыковая близость населения различных княжеств облегчала контакты между ними⁷. Чувство языковой общности и при этом, соответственно, языковой обособленности усилилось в условиях конфронтации с соседями, говорившими на совершенно чуждом языке (немцы, венгры), либо родственном, понятном (чехи). Существенное влияние на языковое обособление оказывала немецкая колонизация, которая охватывала преимущественно высшие слои населения. (Крестьяне жили обособленными анклавами и на первых порах языковой конфронтации с немцами у них не было)⁸. Определенную роль в этом плане сыграла борьба в XIII в. польского клира против влияния немецких князей и немецко-католического духовенства, которая велась под языковыми лозунгами, часто наряду с религиозными.

В XIII в. началось проникновение католической церкви в деревню, христианизация крестьян. В это время церковная служба в городах велась в основном на немецком языке. Письменным языком была латынь. По инициативе архиепископа Якуба Свинки Ленчицкий синод 1285 г. принял решение о проведении богослужений исключительно по-польски, а также о запрещении занимать учительские должности в приходских школах лицам, не знающим польского языка. Были отредактированы и унифицированы тексты основных молитв и литургий на польском языке. Они стали обязательными в костелах на польских землях⁹. Феодализация и христианизация польского общества привели к возникновению антагонизма культуры господствующих классов и народных масс. Этому способствовало также распространение латиноязычной письменности в среде светских и духовных феодалов. «Однако усиление антагонизмов „по вертикали“ сопровождалось гомогенизацией социальных структур в их территориальном аспекте»¹⁰.

Борьба за утверждение польского языка велась и в светской сфере. В период феодальной раздробленности в придворных кругах многих польских князей, женившихся на немецких княжнах и окружавших себя немецкими рыцарями, преобладала немецкая речь. Чем шире распространялся немецкий язык при княжеских дворах и его знание обеспечивало устойчивый статус приближенным рыцарям, тем большее число польских рыцарей, оказавшихся вне круга доверенных лиц, переходило с немецкого на польский язык. Первым литературным памятником, написанным на польском языке, были так называемые Свентокшижские проповеди XIII в. Тексты свадебной присяги на польском языке появились в конце XIV в. (до этого судопроизводство велось по-латыни). В XV в. польский язык уже был языком многих литературных текстов. В последующие века польскому языку приходилось вести борьбу и с французским языком, который стал языком общения представителей пра-

вающих слоев. Польские писатели эпохи Ренессанса (XVI в.) выступали с пропагандой идеи распространения польского языка, призывали переходить к творчеству на родном языке. Миколай Рей из Нагловиц, создававший произведения исключительно на польском языке, писал, что другие народы должны знать, что поляки не гуси и у них есть свой язык. Лукаш Гурницкий считал, что придворные короля должны не только знать чужой язык, но ценить достоинства и красоту родного¹¹. Ян Кохановский создал основы орфографии польского языка, имея в виду идентификацию изданий на всех польских землях. Его лирика была обращена к народной тематике. Таким образом, польский язык являлся одним из основных факторов упрочения и распространения этнического самосознания поляков.

Среди элементов этнического самосознания, выражающегося в осознании общности языка и территории, определенную интеграционную роль выполняло образное представление об общности происхождения от одного предка, легенды и мифы, в частности, миф об одной крови, о Лехе, Чехе и Русе, от которых якобы ведут свое происхождение славянские племена, об особом покровительстве полякам сверхъестественных сил¹². Еще в древности возникло самое важное и наиболее естественное чувство этнической общности, противопоставление: «свой» — «чужие».

Пястовское государство просуществовало четыре столетия, оно явилось важным инструментом народностной интеграции. В сознании представителей господствующих слоев крепла идея польской государственности. В течение X—XII вв. создалась традиция, общая династия, единая церковная организация. Идеология правящих классов, опирающаяся на традицию государственности, носила антинемецкую окраску.

Группа лиц, объединенных чувством эмоциональной связи с династией, в первые два века существования польского государства была сравнительно невелика: княжеский двор, сохранявший и пропагандировавший династическую традицию, ближайшее окружение князя — можновлады, духовенство польского происхождения, часть дружинников, принимавших активное участие в общественной жизни и в военных походах. Ее члены ощущали себя составной частью государства, которое отстаивали от натиска соседей. Большую роль в национальной интеграции играла историческая традиция, служившая обоснованием законности династии: память о совместных блестящих победах над соседями, об обидах с их стороны, за которые надо отомстить, хотя бы и последующим поколениям. Появилась потребность в записи этой традиции, результатом чего явилась хроника Галла Анонима, летописца короля Болеслава Кривоуста, написанная в начале XII в. Автор воспевал польскую родину¹³, ратовал за сохранение государственного единства Польши¹⁴, обосновывал ее превосходство над соседями, описывал героическую смерть за нее. В Хронике с гордостью подчеркивалось, что государство не было захвачено врагами и всегда было независимым. Благодаря Галлу мы знаем об обычаях, распространенных среди представителей пра-

вящей группы и отличных от обычаев в соседних государствах, что свидетельствовало о наличии процесса формирования этнической общности.

О дальнейшем укреплении и расширении этнической связи определенных кругов польского общества свидетельствует хроника краковского епископа Винцента Кадлубка¹⁵, написанная в XIII в., в эпоху феодальной раздробленности. Он являлся выразителем интересов аристократии, т. е. можновладских кругов, стремившихся к ослаблению княжеской власти и замене ее олигархией, представителем которой был бы избранный правитель. В отличие от представителей правящего слоя их идеолог Кадлубек делает упор на идею единства и независимости Польши, хотя конкретная деятельность аристократии и противоречит этому. Продолжая линию Галла, он превозносит национальные черты поляков, описывает их ратные подвиги, зачастую не считаясь с истиной.

Прочность церковной организации укрепляла позиции католической церкви, но одновременно способствовала определенной консолидации населения и укреплению аппарата государственной власти. С 968 г. Польское государство составляло отдельную епархию, с 1000 г. — митрополию. Церковное единство польских земель сохранялось и в период феодальной раздробленности. В ряде европейских стран сотрудничество династии и церкви вело к возникновению культа, воплощавшего религиозные и национальные элементы, укреплявшие королевскую власть (культ святого Вацлава в Чехии, святого Стефана в Венгрии, святого Владимира на Руси). Первым общепольским святым — покровителем страны стал пражский епископ Войцех. В течение XIII в. на польских землях, особенно в западной части, была создана густая сеть приходов с больницами, сиротскими домами и школами, преподавание в которых велось на польском языке, а церковные службы были унифицированы. Польское духовенство, борясь с немецким за влияние на местное население, все активнее противостояло немецкому влиянию.

Постепенно меняло содержание понятие патриотизма. В XI—XII вв. патриотизм — это верность правящей династии, еще нет понятия «измена стране», есть измена монарху, пану. В XIV в. переход на сторону монарха соседней страны уже квалифицировался как измена польскому народу, стране, а не только ее правителям¹⁶. К концу XIV в. самосознание в смысле осознания своей этнической обособленности большой группой людей, объединенных общностью языка, территории и рамками одного государства, общими материальными интересами и солидарной волей защиты их от внешнего мира, охватывает все большие слои населения. В сочинениях одного из видных писателей второй половины XV в. Я. Длугоша проблемы родины, польской народности и государства уже занимают центральное место¹⁷. Труд Длугоша посвящен восхвалению польского государства, его королей и богатырей. Главной целью политики правителей он считал возвращение в состав польского государства Силезии и Поморья. Говоря о мотивах, побудивших его

привыкшая за свой большой труд, Длугош писал, что его склонила к этому любовь к родине, которая превыше всего.

С XV в. этническое самосознание поляков эволюционирует в соответствии с распространением идеи шляхетской нации (*naród*). С XVI в. постулат «нация — это шляхта» становится господствующим и непоколебимым до второй половины XVIII в. Причины этого коренились в особенностях процесса формирования сословной структуры польского общества и системе сословных привилегий.

Основой образования шляхетского сословия был процесс иммунизации крупной земельной собственности рыцарства. Рыцари получали земли в подарок от князей, отбирали у мелких землевладельцев; одним из источников приобретения земли была колонизация на немецком праве. Закрепление и юридическое оформление рыцарства происходило, начиная с XIII в. Сначала они добились превращения своих владений в наследственные, затем стали получать иммунитетные привилегии, закреплявшие за рыцарями полноту власти над крестьянами. В первой половине XIV в. процесс иммунизации земли, бывшей в собственности у гербового рыцарства, был закончен, и таким образом завершено формирование шляхетского сословия. Прежде общность рыцарей определял родовой признак, принцип родства. Шляхта, одержавшая победу в борьбе за привилегии, обрела социальное сознание.

Одним из элементов, способствовавших сплачиванию рыцарского (шляхетского) сословия, были гербы. Поскольку принадлежность к шляхетскому сословию стала неизбежно связываться с наличием герба, многие представители рыцарства приняли герб можновладца (магната), с которым они были связаны в политическом плане и под командой которого служили (так называемая клиентела). Таким образом возникали герольдические роды, члены которых не были кровными родственниками.

Со второй половины XIV в. среди шляхты все большее значение приобретают соседские связи, устанавливаемые на почве общности интересов. В формировании территориальной общности шляхты существенную роль играли судебные округа. Со временем общность интересов определялась на сеймиках. Там складывались шляхетские обычаи, стереотипы поведения, вырабатывались критерии отношения к другим сословиям. Участие в земском или поветовом сеймиках расширяло государственное сознание шляхты, являлось необходимой ступенькой к осознанию общепольской этнической общности.

В конце XIV—первой половине XV в. зарождались основы шляхетского образа мышления. Успехи Польского государства (особенно победа в Грюнвальдской битве 1410 г.) и рост его авторитета среди европейских государств, а также успехи шляхетского сословия в борьбе за власть в этом государстве увеличивали национальную гордость шляхты и одновременно чувство исключительности ее прав на это государство. Шляхетство в понимании этого правящего сословия являлось наивысшей ценностью. Поляк нешляхетского происхождения имел возможность получить герб лишь воин-

ской доблестью, проявленной в сражении за родину. В современных летописях обосновывался тезис о разных корнях, от которых произошли польская шляхта и польские крестьяне.

Важным этапом в становлении феодальной польской государственности, в борьбе шляхетства за привилегии стало возникновение шляхетского парламента (сейма). С этого момента новые привилегии зависели уже не от королевских «привилеев», а от сеймовых конституций. Период действия шляхетского парламентаризма открылся решениями радомского сейма 1505 г., по которому без согласия шляхетских представительных органов не мог быть принят закон, нарушающий права шляхты (*nihil novi*) и завершился конституцией 3 мая 1791 г., ограничившей прерогативы шляхты.

Институт сейма появился в XV в., но только конституция 1505 г. утвердила полномочия этого представительного органа правящего шляхетского сословия; к нему перешли законодательные функции. За королем сохранилось право созывать сейм, в его руках находилась законодательная инициатива, начиная с середины XVI в. присутствие короля стало необходимым условием правомочности сеймовых заседаний. «Генриковы артикулы» 1573 г. ввели существенные ограничения королевской власти. Авторитет короля был ослаблен еще в XV в. утверждением принципа выборности короля, но, как правило, избирали сына после отца или брата после брата. Положения «Генриковых артикулов» запрещали королю думать о возведении на трон преемника еще при своей жизни. В «артикулах» было также записано положение о том, что шляхта может отказать в повиновении королю в случае нарушения им основных прав подданных-шляхтичей. В XVI в. польскому шляхтичу по степени его свободы и независимости от короля не было равных в Европе. Эта юридическая независимость обуславливала иллюзию равенства членов шляхетского сословия. В XVII в. введение *liberum veto* усилило зависимость шляхты от магнатов, но поляризация звеньев шляхетской структуры с экономической точки зрения всегда была значительной. Шляхетское феодальное землевладение усиливало и экономические и политические позиции помещиков по сравнению с безземельной шляхтой. На рубеже XV—XVI вв. была узаконена замена чинша барщиной, в XVI в. помещичий фольварк стал типичной формой феодального крепостного хозяйства.

Политическая идеология шляхты как господствующего сословия формировалась под влиянием широкого круга сословных привилегий и связанных с ними политических прав шляхты. Сословные привилегии польской шляхты сыграли решающую роль в формировании устойчивого этносоциального самосознания правящего слоя. С другой стороны, неприятие шляхтой сильной центральной власти, упорное отстаивание собственных привилегий в ущерб прерогативе королевской власти препятствовало осуществлению прогрессивных реформ во второй половине XVIII в. — в условиях угрозы существования польского государства делало его беспомощным перед лицом внешней опасности.

Шляхетство как социальный слой наполняло этническое самосознание определенным содержанием, отражавшим социальные и политические интересы сословия. Представление о «нации» («народе») в конце XVI—первой половине XVIII в. являлось отражением всеохватывающей идеи об исключительности и полной обособленности рыцарского, шляхетского сословия. Понятие «нации» было тождественно со шляхтой; ни мещанство, ни тем более крестьянство в состав «нации» не включались.

Мещанство в Речи Посполитой не было однородным сословием по своему имущественному положению и национальной принадлежности, делилось на бедных и богатых, последние традиционно тяготели к шляхте. Среди мещан, особенно патрициата, было много немецких колонистов. Сословного единства, проявляющегося в осознании общности интересов, у мещанства фактически не было. В XIV—XV вв. часть городского патрициата немецкого происхождения, стремившаяся перейти в ряды шляхты или хотя бы приблизиться к ней по своим социальным позициям, перенимала обычаи шляхтичей и польский язык. Мелкое мещанство по преимуществу было польским. Его представители были ограничены жесткими рамками цеховой регламентации и зависимостью от городского патрициата. Мещанство было заинтересовано в защите государством их интересов во внешней торговле и в охране от беззакония аристократов. В целом польское мещанство в экономическом и политическом отношениях было слабым. На периферии польских этнических земель, в Силезии и Поморье, ремесленники и беднота были хранителями народного языка и культуры. Необходимость постоянно отстаивать свои жизненные позиции в условиях борьбы с экономически более сильными инонациональными кругами городского населения придавала устойчивость их национальным привязанностям.

Крестьянство в силу изолированности своего существования в рамках феодальной системы в еще большей степени, чем мелкое мещанство, сохраняло народные традиции. Этническое самосознание крестьян определялось тем местом, которое они занимали в системе производственных отношений. Период стабилизации феодальной системы характеризовался низким уровнем этнического самосознания крестьян¹⁸. Свою сословно-классовую общность они воспринимали прежде всего через противопоставление себя шляхте. В феодальную эпоху основным было деление на деревню и помещичью усадьбу, на крестьян и панов. У крестьян национальное чувство переплеталось с социальным, причем национальное занимало подчиненное место. Полная бесконтрольность помещиков, невмешательство государства в отношения помещиков с крестьянами привели к тому, что крестьянам в массе были мало понятны интересы страны. Национальное самосознание крестьян обычно имело конфессиональную окраску. Крестьяне прежде всего считали себя католиками, протестантами, униатами.

На польских землях, входивших в состав Пруссии, сохранению чувства национальной обособленности крестьян также часто способствовала религия. Так было в Верхней Силезии и северной части

Вармии, населенных поляками. Там, где религия угнетенного народа совпадала с господствующей, защитным инструментом становился язык. Упрочению чувства этнической обособленности поляков на Мазурах в значительной степени содействовало сохранение польского языка богослужений в протестантских костелах. Мазурское население — это польские крестьяне, выходцы из Речи Посполитой, главным образом из соседней Мазовии. Они знали только польский язык и хранили традиционные польские обычаи¹⁹. Прусские власти называли эту территорию «Польской Пруссией» и сохранили там действие польского законодательства. Интересно, что самый древний свод польских законов сохранился только на Мазурах в переводе на немецкий язык. В поддержании национальных чувств у населения польских земель, отторгнутых от польского государства, значительное место занимал фольклор, пение польских народных песен в домах, на ярмарках и базарах.

Национальное самосознание по-разному преломлялось во взглядах представителей различных сословий и формировалось постепенно, по мере становления нации. Перерастание народностного самосознания в самосознание национальное, присущее формирующейся нации и являвшееся новым идейно-политическим фактором, ведет свое начало с середины XVIII в. В основе этого процесса лежали изменения в сфере экономики, движение за сохранение и реформу польского государства и, наконец, разделы Речи Посполитой и вооруженная национально-освободительная борьба против захватчиков.

Во второй половине XVIII в. в польской экономике произошли заметные сдвиги. Рост промышленного производства, деятельность первых мануфактур капиталистического типа, развитие торговли и оживление торгово-экономических связей между районами, введение денежно-чиншевых отношений в некоторых помещичьих хозяйствах обуславливали процесс формирования нового, капиталистического уклада в рамках феодального строя. Этот процесс сопровождался большой мобильностью населения, включением все более широких слоев в контакты в сфере производства, торговли, культурного общения. Чиншевые крестьяне, поденные сельскохозяйственные работники, надомники, торговцы-разносчики выходили за узкие рамки деревни, церковного прихода, иногда пересекали всю страну. Наряду с расширением их кругозора возникало и чувство национальной связи.

Польское Просвещение дало импульс распространению вольнолюбивых идей, расцвету науки и культуры, широкому развитию образования. Просветительская струя слилась с патриотической направленностью деятельности реформаторов, пытавшихся предотвратить ослабление государства и тем самым противодействовать внешней угрозе. Работы Четырехлетнего сейма (1788—1792) по выработке реформ политического строя Речи Посполитой, принятие конституции 3 мая 1791 г., национально-освободительное восстание 1794 г. под руководством Т. Костюшко, легионы Домбровского — вот те исторические вехи, которые определили направление процесса формирования национального самосознания.

Национальные черты польскому течению в общеевропейском Просвещении придало стремление к независимости, вооруженная борьба за ее сохранение, а затем завоевание, идейное обоснование такой борьбы. Идеи Просвещения и практика национально-освободительного движения создали основу для нового понимания нации. Одной из ведущих мыслей Просвещения была свобода. Передовые польские мыслители выступали с обоснованием необходимости распространения шляхетских привилегий на горожан, заботились об укреплении государственного строя и ликвидации анархии²⁰. Национальное Просвещение в период деятельности Комиссии национального просвещения (Комиссии эдукации народной, 1772—1795) дало импульс распространению национального самосознания среди широких слоев населения. В период расцвета деятельности Комиссии, пришедшегося на конец 70-х—начало 80-х годов XVIII в., в Речи Посполитой функционировали почти две тысячи учебных заведений всех уровней, причем, количественно значительно преобладали начальные школы, в которых обучались крестьянские дети. Одновременно была проведена языковая реформа. Одним из главных факторов национальных связей было совершенствование общенародного языка, очищение его от заимствований, обогащение терминологии, унификация его в масштабе всей страны. Начало кодификации языка положила грамматика О. Копчиньского (1778)²¹. Языком обучения в школах всех ступеней вместо латыни стал польский язык. В Силезии, находившейся за пределами тогдашнего Польского государства, уже в первой половине XVIII в. появились первые буквари для изучения польского языка.

Конституция 3 мая укрепила власть короля, ограничив права магнатства: был установлен принцип наследственности королевской власти и отменено право шляхты отказывать королю в повиновении. Ликвидировано было *liberum veto*. Права голоса на сеймиках лишилась беднейшая часть шляхты, так называемая клиентела, отдававшая голоса своему магнату и таким образом тормозившая принятие любых постановлений. Некоторыми политическими правами было наделено мещанство.

Годы работы Четырехлетнего сейма стали временем национальной активности как привилегированных, так и непривилегированных слоев населения. Впервые со своими требованиями и предложениями реформ по укреплению государства выступили представители мещанства. Самым знаменательным явлением был выход на историческую арену новой социальной силы — городских низов. Они включились в борьбу за сохранение национальной независимости страны, заявив о своем праве на активное участие в выработке собственных требований. Ярким свидетельством этого было выступление варшавян в июле 1792 г. в защиту конституции после того, как король Станислав Август заявил о своем намерении прекратить военные действия и начать переговоры с Тарговицкой конфедерацией, требовавшей отмены конституции 3 мая. В восстании 1794 г., а затем в легионах Домбровского участвовали представители всех сословий. Шляхта, мещане, духовенство, представители фор-

мирующей интеллигенции сознательно сражались под национальными знаменами. Крестьяне обычно шли за своим паном либо выполняли солдатский долг. Тем не менее участие в вооруженной борьбе за родину расширяло кругозор крестьян, развивало их национальное чувство.

В период, когда все прогрессивные национальные силы сплотились в борьбе за сохранение независимости страны, трансформировалось представление о нации. Идея «шляхетской» нации уступила место более широкой национальной общности, включающей мещан, а в представлении радикального течения (Ф. С. Езерский) и простой народ — крестьян и ремесленников. Плебейское представление о превращении народа в нацию людей труда заявило о себе в восстании 1794 г., когда на улицу со своими требованиями вышли городские труженики. В последние годы существования Речи Посполитой и после ее падения в 1795 г. определенную роль в поддержании и распространении национального чувства играла национальная символика: патриотические песни, церковные гимны, марши, один из которых стал впоследствии национальным гимном; национальные цвета, военная форма и прочие атрибуты. Одно из центральных мест среди них занимал польский герб, с которым связана многовековая традиция. Польским гербом белый орел стал в конце XII в. И не случайно именно после 1772 г. была создана новая модель орла: мощное туловище, большие поднятые вверх крылья, широкий хвост, загнутые когти. После 1795 г. образ орла стал символом национальной независимости.

Борьба за сохранение, а затем восстановление национальной независимости стала периодом концентрации национальных чувств²². Степень втянутости в национально-освободительное движение различных слоев польского общества в определенной мере отражала уровень их национального самосознания, как бы обнажила срез существующей социальной структуры и отношение к национальным проблемам всех слоев общества. В борьбу включились наиболее подвижные социальные силы: широкие круги шляхетства, интеллигенции, духовенства, представители мещанства и городские низы. Менее всего подъем национальных чувств затронул крестьян. Поскольку крестьяне составляли основу нации, национальный вопрос стал одновременно и крестьянским.

Подведем краткие итоги. Польская народность начала формироваться наряду с образованием первого польского государства. В X—XII вв. одновременно с возникновением и последующим упрочением Польского государства в борьбе с соседями стабилизируются рамки польской этнической территории и языковой общности. Интеграционная роль государства сказывается в защите этой общности от внешней опасности. Вокруг правящей династии группируется верхушка рыцарства, объединенная общностью интересов, зарождается общая традиция. Для элитарной группы — это воспоминания о военных победах, для простого народа — легенды и мифы об общности происхождения и судеб. Таким образом, этническая связь формировалась путем осознания общих черт и общих целей, но

особенно путем отталкивания от чужих, чужаков. Поляками считали всех жителей Польского королевства, за исключением пришельцев. Это было общество, единое в языковом плане; представители правящей верхушки исповедовали одну религию — католическую, крестьяне в основном были язычниками. Существовали большие различия в обычаях между княжеским двором, городской средой и крестьянскими массами.

В период феодальной раздробленности (середина XII—начало XIV в.) общепольское этническое (народностное) самосознание (вопреки этой раздробленности!) охватывает более широкие слои населения и приобретает новые черты. Одним из главных показателей этнической принадлежности становится языковой критерий. Все это время сохраняется церковное единство. Правящая феодальная группа оформляется в шляхетское сословие, отождествляющее себя с государством. В сознании этого слоя укореняется новое представление о патриотизме, связанное с необходимостью защиты страны. В длительной борьбе за единство государства укрепляется этническое самосознание большинства представителей католического духовенства и рыцарства. Была продолжена историческая традиция.

В XV—XVI вв. в основном завершается становление шляхты как господствующего слоя, вырабатывается стереотип шляхетского образа мышления, укрепляется шляхетская внутрисословная общность. Оформляется представление о «нации» как об общности, охватывающей только шляхетское сословие. Горожане, особенно патрициат немецкого происхождения, видят в польском государстве опору и защиту от внешней опасности. Однако шляхетское представление о «нации» отрицает принадлежность к ней представителей иных сословий. Передовые представители польского Ренессанса отстаивают родной язык, в XVI в. завершается оформление общепольского литературного языка.

В XVII—первой половине XVIII в. происходит дальнейшее упрочение позиции шляхты и ограничение королевской власти. Теория «шляхетской нации» господствовала. Со второй половины XVIII в. в связи с развитием капиталистического уклада в рамках феодального строя появляются предпосылки для укрепления национальных связей в масштабе всей страны.

Усвоение идей Просвещения и борьба за независимость Польского государства одним из своих последствий имеют распространение в произведениях передовых польских мыслителей понятия «нация» на мещан и крестьян. О зрелости этнического самосознания широких кругов шляхетства, духовенства, представителей интеллигенции и горожан, о зарождении его среди первоначально небольшой части крестьян Польши свидетельствовало их активное участие в национально-освободительной борьбе. Сохранению и распространению польского этнического самосознания среди польского населения Поморья и Силезии содействовали родной язык и бытовая культура, хранителями которых были крестьяне и горожане.

- ¹ *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957, с. 117.
- ² См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 141.
- ³ *Исаевич Я. Д.* Древнепольская народность и ее этническое самосознание. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 153—154.
- ⁴ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, с. 23.
- ⁵ *Польша и Русь.* М., 1974, с. 58.
- ⁶ *Исаевич Я. Д.* Древнепольская народность..., с. 153.
- ⁷ Там же, с. 151.
- ⁸ *Współczesność* 1969, N 24 (303), 19 XI—2 XII, s. 11.
- ⁹ *Spółczesność polskie od X do XX wieku.* W-wa, 1979, s. 76.
- ¹⁰ *Исаевич Я. Д.* Древнепольская народность..., с. 157.
- ¹¹ *Trybuna Ludu*, 1982, 22—23 V, N 120.
- ¹² *Wiatr J.* Polska — nowy naród. — In: *Proces formowania się socjalistycznego narodu polskiego.* W-wa, 1971, s. 17.
- ¹³ *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961, с. 27—28.
- ¹⁴ Там же, с. 7, 82.
- ¹⁵ *Mistrza Wincentego Kronika polska.* W-wa, 1974, wstęp.
- ¹⁶ *Grodecki R.* Powstanie polskiej świadomości narodowej. Katowice, 1946, s. 11—13.
- ¹⁷ *Dziejów Polski blaski i cienie.* W-wa, 1968, s. 344.
- ¹⁸ *Pamiętnik X powszechnego zjazdu historyków polskich w Lublinie 17—21 września 1968: Referaty I. Sekcja I—VI.* W-wa, 1968, s. 264.
- ¹⁹ *Mazury i Warmia 1800—1870: Wybór źródeł.* Wrocław, 1959, s. X.
- ²⁰ *ВИ*, 1977, № 12, с. 130, 131.
- ²¹ *ВИ*, 1977, № 12, с. 134.
- ²² *Dziejów Polski...*, s. 22.

II. О ГЕНЕЗИСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СЛОВЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

И. В. Чуркина

Без национального самосознания не может существовать ни одна нация. Его развитие идет не только бок о бок с развитием самой нации, но в какой-то мере и опережает его. В данной статье автор пытается на основании новых данных показать зарождение словенского национального самосознания в эпоху, непосредственно предшествующую национальному Возрождению и в его начальный период, когда национальная идеология развивалась еще в рамках феодального мышления.

Появление национального самосознания у небольшого круга словенских образованных людей явилось необходимым условием начала возрожденческой деятельности. В словенских землях оно стало складываться постепенно, уже с конца XVII в. Этому способствовали определенные экономические и политические условия, на которые словенские ученые обратили внимание в самое последнее время.

Опуская экономические моменты, укажем только, что именно в конце XVII в. в австрийских (а следовательно, и в словенских) землях начался экономический подъем. Что касается национально-политического положения словенских земель, то последние исследования внесли некоторые коррективы в привычные представления о нем. Словенская историография, как буржуазная, так и марксистская, всегда подчеркивала, что в XVII—XVIII вв. в словенских землях высшие слои — дворянство, богатые и средние горожане — принадлежали к немецкой или итальянской национальностям, в то время, как крестьяне и беднейшие горожане являлись словенцами. Отсюда — распространение в образованных слоях населения немецкого, латинского и итальянского языков при полном пренебрежении их к словенскому языку. Последним же пользовались только низшие классы общества.

Новые материалы несколько видоизменяют эту картину. В национальной библиотеке Вены сохранились три книги, содержащие информативные записи разговоров с людьми, желавшими вступить

в иезуитский орден. С 1648 по 1737 г. в него вступили 42 выходца из словенских земель, главным образом из семей дворян и горожан. Из них 20 прибыли из Крайны. Все они говорили по-словенски, причем 17 на вопрос о знании языков на первое место ставили словенский и только на второе — немецкий язык. У жителей Каринтии, Штирии, Горицы знание словенского языка не всегда отмечено, а если и отмечалось, то, как правило, на втором месте после немецкого или итальянского¹.

Вообще в Крайне, по-видимому, дворянство до середины XVIII в. было двуязычным. Об этом свидетельствует и переписка двух представительниц дворянских семейств в Крайне. Одна из них жила в своем поместье во Внутренней Крайне, другая, ее дочь, — в Триесте. Переписка велась на словенском языке, при этом употреблялись выражения, свидетельствующие о наличии определенных словенских эпистолярных стереотипов. И еще один факт: среди иезуитов, выступавших в первой половине XVIII в. с проповедями на словенском языке, было два барона — Людвик Нойхауз и Даниель Вальвасор². Словенский язык в то время не считался позорным для дворян, и они пользовались им наравне с немецким и итальянским. Прежде всего это относилось к центральной словенской провинции — Крайне.

Еще более широко был распространен словенский язык среди горожан Крайны. Здесь в 1750 г. все городские судьи за исключением судей Любляны, Нового Места и Кршко присягали на словенском языке. Через двадцать лет положение резко изменилось: в 1771 г. по-словенски произнес присягу только один единственный судья из Костаньевицы (Нижняя Крайна). Во второй половине XVIII в. после реформ Марии-Терезии и Иосифа II онемечивание словенских городов шло довольно быстрым темпом. В 1785 г. магистрат Нового Места просил церковные власти разрешить в церквях города проповеди на немецком языке, аргументируя свою просьбу тем, что многие из горожан не знают по-словенски³. Подобные процессы происходили и в чешских городах, где в конце XVIII в. положение чешского языка было значительно менее прочным, чем в его первые десятилетия⁴.

В конце XVII—первой половине XVIII в. словенский язык в литературных произведениях и научных трудах употреблялся довольно редко. И не потому, что его вытеснял немецкий язык. В то время в словенских землях, как и во всей Австрийской империи, языком литературы и науки был по преимуществу латинский. Это объяснялось тем, что высшее и среднее образование там находилось в руках иезуитов, которые всячески пасаждали латынь. На словенской этнической территории немецкий язык использовался только в тех случаях, когда писатели предназначали свое сочинение для возможно более широкого круга читателей. О том, что до середины XVIII в. немецкий язык в габсбургской монархии не занимал главенствующей позиции, свидетельствует тот факт, что кафедра немецкого языка в Венском университете была открыта только в 1749 г.⁵

Словенский язык достаточно широко использовался в устной форме в церкви — проповеди священники, как правило, читали по-словенски. В литературе словенский язык употреблялся в качестве «низкого стиля». Например, в хорватском переводе мольеровской комедии «Жорж Данден» по-словенски говорили слуги и другие лица низкого социального положения. В представлениях на немецком языке для краинских господ словенский язык также вкладывался в уста персонажей из низших сословий, в частности, им широко пользовались в комическом представлении крестьянской свадьбы. В «высоком стиле» словенский язык был употреблен только однажды: некий Йозеф Зизенчели поместил в первой части немецкой книги И. Вальвасора «Слава герцогства Крайны» оду на словенском языке в честь этого труда. Наконец, уже накануне национального Возрождения появились и первые переводы на словенский язык официальных документов. Это были патенты от 1754, 1764 и 1766 гг.⁶

После победы контрреформации с 1615 по 1672 г. книги на словенском языке не издавались. В 1672 г. декан Люблянского епископства Янез Людвик Шенлебен выпустил в свет сборник, включивший перевод на словенский язык евангелия, катехизиса, некоторых словенских церковных песнопений. Примеру Шенлебена последовали в конце XVII в. новоместский каноник Матия Кастелиц, капуцин Янез Светокрижский, иезуит Ерней Басар и другие, издавшие словенские книги религиозного содержания.

Существовали ли в конце XVII—первой половине XVIII в. какие-либо элементы словенского национального самосознания? Немногочисленные источники позволяют нам ответить на этот вопрос утвердительно. Так, в уже упомянутых иезуитских рукописных книгах четыре из 20 поступавших в орден краинца указали, что для них словенский язык «*lingua nativa*»⁷, т. е. родной (национальный) язык. Каноник из Нового Места Матия Кастелиц написал латинско-словенский словарь. Его рукопись была доработана и подготовлена к изданию в начале XVIII в. монахом Франциском Ксаверием (в миру — Грегор Воранц), трудившемся в дискальцеатском монастыре в Любляне. Франциск написал несколько проповедей на словенском языке, оставшихся, как и словарь, в рукописи. Однако его рукописное наследие было впоследствии использовано М. Похлиным⁸.

В начале XVIII в. капуцин Ипполит (горожанин из Нового Места Янез Адам Гайгер, 1667—1722) создал свой трехязычный латинско-немецко-словенский словарь. Он придумал несколько новых слов, вошедших затем в словенский литературный язык. В 1711 г. Ипполит написал предисловие к своему словарю, в котором выражал неудовольствие тем, что молодые проповедники в своих словенских проповедях нередко искажают родную речь, беря выражения из немецкого языка⁹. В отношении языка Ипполит выступал последователем идей немецкого философа Г. В. Лейбница, считавшего главными особенностями всякого развитого языка богатство, чистоту и блеск¹⁰. К сожалению, его словарь остался в рукописи. Ипполит перевел на словенский язык книгу известного

чешского педагога Яна Амоса Коменского, которая тоже не была напечатана. Однако ему удалось издать несколько религиозных книг на словенском языке и переиздать словенскую грамматику А. Богорича XVI в. При этом Ипполит сохранил предисловие Богорича, пронизанное идеей славянского единства. По-видимому, оно соответствовало его мироощущению¹¹.

Интерес Матии Кастелица, Франциска Ксаверия и Ипполита к родному языку, к его культивированию является показателем существования у них зачатков национального самосознания. То же самое можно сказать и о каринтийских иезуитах, которые переиздали грамматику словенского языка Богорича в 1758 г. (слов. Целовец, нем. Клагенфурт). Хотя предисловие Богорича в этом издании было опущено, но в своем введении издатели выражали сожаление, что многие не желают изучать словенский язык, призывали обратить на него внимание, ибо он необходим и благородному и обычному человеку, как для торговли, так и для общения, поскольку славянский язык широко распространен по свету¹². Каринтийские иезуиты еще путали понятия «словенский» и «славянский», считая их идентичными. Следует подчеркнуть, что все эти первые защитники словенского языка по своему мировоззрению не выходили за рамки феодальной эпохи, на что оказывала влияние и их принадлежность к духовному сословию.

Подобная ситуация складывалась и в других славянских землях Габсбургской монархии. Так, первые чешские будители (Г. Добнер, Ф. Пельцль и др.) еще не были свободны от клерикального патриотизма¹³. То же самое наблюдалось и в Словакии, где первые выступления за права словаков и словацкого языка несли отпечаток феодальной идеологии¹⁴.

Наиболее видным предшественником деятелей словенского возрождения был Янез Жига Попович (1705—1774), видный ученый, в 1753—1766 гг. возглавлявший кафедру немецкого языка в Венском университете. Будучи энциклопедически образованным человеком, Попович являлся знатоком не только немецкого, но и славянских языков. В своем сочинении «Untersuchungen vom Meere» (1750) он подчеркивал важность изучения славянских языков для науки, особенно для индоевропеистики. Попович указывал на большую роль языка в формировании и развитии нации. Рассматривая южнославянские народы в целом, он объяснял их культурную отсталость многовековой борьбой, которую они вели против турецких завоевателей. Из всех южнославянских диалектов Попович считал штоковский диалект Боснии «самым чистым, вежливым и изящным среди всех славянских и виндских наречий», полагая, что он занимает у южных славян такое же место, как аттический диалект в Греции. Наконец, словенский ученый ратовал за создание единой латинской азбуки для всех славян и даже пытался предложить свой вариант ее¹⁵. Попович выступал против соединения двух или трех букв в алфавите для изображения одного звука, считая, что каждому звуку должна соответствовать своя буква. Многие мысли Поповича-филолога были восприняты впоследствии Е. Кошитаром и

через его посредство оказали значительное влияние на реформу сербского литературного языка, проведенную В. Караджичем¹⁶. Попович, по-видимому, воздействовал и на одного из первых активных деятелей словенского возрождения Антона Феликса Дева, учителем которого он был в 1745—1746 гг. в иезуитской гимназии Любляны¹⁷.

У всех перечисленных выше образованных словенцев их словенское самосознание выражалось прежде всего в стремлении пропагандировать словенский язык. Вместе с тем у них еще не ощущалось четкого различия между словенским, с одной стороны, и югославянским и славянским — с другой. Это было следствием как неразвитости этнического самосознания, так и сознательного стремления в аргументации прав своего народа опираться на его принадлежность ко всей славянской этнической общности.

Начальным рубежом словенского национального Возрождения принято считать выход в свет краинской грамматики августинца Марко (в миру Антона) Похлина (1735—1801) — 1768 г. До этого в 1765 г. Похлин издал словенский букварь. Кроме того, Похлиным были впоследствии изданы на словенском языке несколько сочинений, в том числе первый словенский биографический словарь на латыни. Он написал и первую словенскую историю на словенском языке, оставшуюся в рукописи. Разнообразная деятельность Похлина не была по достоинству оценена его современниками из просветительского кружка барона Цойса. Дело в том, что будучи в основе своей просветительской, она все же несла на себе отпечаток феодальной эпохи. Так «Краинская грамматика» Похлина была написана под большим влиянием И. К. Готшеда, филологические взгляды которого уже считались устаревшими во второй половине XVIII в., а его история Краины («Краинская хроника») слепо следовала образцам средневековых хроник. Однако борьба Похлина за права словенского литературного языка и за создание словенской литературы носила несомненно просветительский характер.

Свои взгляды Похлин активно пропагандировал не только в печати, но и среди своих учеников. К их числу принадлежали Янез Михелич, Йозеф Закотник, Валентин Водник. Йозеф Закотник по призыву учителя начал первым собирать народные словенские песни религиозного содержания, в его религиозные книги включено более сорока песен подобного рода. В. Водник стал видным словенским просветителем, первым словенским поэтом в современном понимании этого слова. По-видимому, у Похлина были и другие ученики, которых он обучал словенскому языку. Во всяком случае в 1772 г. под официальной бумагой он так определил свое звание: «монастырский библиотекарь и профессор изысканной словенской грамматики»¹⁸.

Похлин уже имел четкое этническое самосознание, но оно было краинским, а не общесловенским. Он писал о краинском, а не о словенском языке, о краинской, а не о словенской истории, о краинских, а не о словенских писателях. Его взгляды на родной язык были выражены в предисловии к его «Краинской грамматике»: «Не стыдитесь своего родного языка, дорогие соотечественники!

Ведь он не так плох, как думают»¹⁹. В начале своей «Краинской хроники» Похлин вновь обращался к краинцам с призывом писать на родном языке, а не на немецком и латинском, ибо на последних и так имеется много книг. Нужно писать по-краински для своих земляков, которые не знают иного языка, кроме краинского²⁰. Похлин не был чужд пониманию этнической близости славянских народов. В 1792 г. он попытался издать этимологический словарь *Glossarium slavicum*. В нем он использовал не только словенские слова, но и чешские, и хорватские²¹.

Близким по мироощущению к Похлину был его собрат по ордену Антон Феликс Дев (1732—1786). Близок он был к Похлину и по происхождению: первый был из люблянских мещан, второй — из мещан маленького городка Тржича. Как и Похлин, Дев с 1779 г. являлся членом *Akademia oreogozogum*, созданной словенскими просветителями и действовавшей в 1779—1783 гг. Согласно последним работам словенского литературоведа Й. Корузы, именно Дев был инициатором издания трех первых сборников словенских стихов светского содержания, вышедших в 1779, 1780 и 1781 гг. под названием «Писанице од лепех уметност». Был подготовлен и четвертый сборник, но он остался в рукописи²². Основным автором сборников был Дев, но наряду с ним в них сотрудничали М. Похлин, В. Водник и др. Стихи в «Писаницах» по форме и идейному содержанию были ближе к феодальной эпохе, чем к просветительству²³, но они культивировали словенский литературный язык и словенскую поэзию, что делало их частью словенского просветительского движения. Дев находился под влиянием идей Похлина: его стихотворения были написаны согласно правилам, которые рекомендовались автором «Краинской грамматики», он активно пользовался теми словенизированными названиями греческих богов, которые придумал Похлин. Дев проявлял интерес к славянским сюжетам. В четвертом, неопубликованном сборнике «Писаниц» сохранилось стихотворение «На приход великого московитарского князя в Любляну 12 января 1782 г.» Оно, по всей вероятности, было посвящено проезду через Любляну великого князя Павла, будущего русского императора Павла I. 24 декабря 1781 г. (4 января 1782 г.) он выехал из Вены, а 4 (15) января 1782 г. уже писал Екатерине II из Триеста²⁴.

В то время как в Крайне на благо словенского языка трудились М. Похлин и А. Ф. Дев, в Каринтии в этом же направлении действовал иезуит Ожбалът Гутсман (1725—1790). Его идеология была значительно ближе к просветительской, чем идеология его краинских коллег. Он создал лучшую словенскую грамматику XVIII в., вышедшую в 1777 г. В ней он использовал достижения грамматики А. Богорича. Гутсман призывал соотечественников при создании литературного языка опираться прежде всего на речь образованных людей — ученых, проповедников, писателей. Это было связано с тем, что в Каринтии язык простого народа подвергся значительному онемечиванию. Гутсман перевел на словенский язык различные религиозные книги. Хотя он, как и Похлин, отличал краинский

язык от виндского (т. е. словенского языка жителей Каринтии и Штирии), он уже понимал их близость. В предисловии к своему переводу катехизиса, вышедшему в 1761 г., он еще говорил о языке живущих в Каринтии славян. Но уже в 1770 г. в религиозно-правовучительном сочинении «Христианские истины» Гутсман выразил желание писать так, «чтобы его понимали не только каринтийские словенцы, но и штирийские, и краинские»²⁵. В 1789 г. Гутсман издал немецко-словенский словарь, написанный им под влиянием взглядов крупнейшего немецкого филолога того времени Аделунга. В предисловии к словарю он призывал не втискивать язык в рамки своего родного наречия и выражал надежду, что полный словарь сможет создать прежде всего Б. Кумердей²⁶. Если принять во внимание, что Кумердей являлся краинцем, то высказывание Гутсмана означало, что он считал нужным создать общий литературный язык для славянского населения Крайны и Каринтии.

Гутсману была близка и идея славянского единства. В предисловии к грамматике он называл словенцев «несчастной ветвью славянского языкового дерева»²⁷. Гутсман утверждал право словенцев иметь свой литературный язык тем, что словенцы имеют множество «славянских родственников» от Северного до Адриатического морей. Здесь же Гутсман подчеркивал, что по количеству населения, говорящего по-славянски, Австрия может считаться славянской землей²⁸. Некоторые идеи Гутсмана нашли свое дальнейшее развитие в трудах словенских просветителей из кружка Цойса, особенно виднейшего его представителя историка и драматурга А. Линхарта.

Подводя итоги вышесказанному, нужно отметить, что словенское национальное самосознание к 80-м годам XVIII в. только еще начало оформляться. Оно было весьма расплывчатым. С одной стороны, оно носило провинциальный характер, с другой — одновременно было и общеславянским, поскольку словенцы ощущали себя частью славянского племени. Существование регионального сознания было характерно и для первых чешских будителей. Даже Й. Добровский имел его в начальный период своей деятельности. Особенно же оно было распространено среди моравских просветителей, таких, как Й. Монсе, А. Габрих. У Монсе провинциальный патриотизм уживался с общеславянским²⁹. Следовательно, провинциальное сознание первых словенских национальных деятелей не являлось чем-то особенным — оно было как бы необходимым этапом формирования общенационального сознания словенцев. Элементы словенского общенационального сознания появились к концу 80-х годов XVIII в. Они нашли свое дальнейшее развитие в деятельности кружка Цойса, которая уже характеризовалась слиянием национальной идеологии с просветительской.

¹ *Koruzna J.* K problematiki slovenskega preroda. — *Jezik in slovstvo*, 1975/76, XXI, N 4, s. 107.

² *Ibid.*, s. 107—108.

- ³ Ibid., s. 111—112.
- ⁴ *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в чешских землях. М., 1977, с. 17.
- ⁵ *Kozura J.* K problematiki..., s. 118.
- ⁶ *Orožen M.* Uradovalna slovenščina v drugi polovici 18. stoletja. — In: *Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi.* Ljubljana, 1979, s. 157—158.
- ⁷ *Koruza J.* K problematiki..., s. 107.
- ⁸ *Koruza J.* Spremna beseda. — In: *Pisanice od lepeh umetnost. Monumenta literarum slovenicarum.* [Лjubljana], 1977, v. 14, s. 6.
- ⁹ *Koruza J.* K problematiki..., s. 117.
- ¹⁰ *Domej T.* Slovenska jezikovna misel na Koroškem v XVIII stoletju. — In: *Obdobje razsvetljenstva...*, s. 197.
- ¹¹ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968, s. 49.
- ¹² *Koruza J.* K problematiki..., s. 118.
- ¹³ *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения..., с. 131.
- ¹⁴ *Богданова И. А.* Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры. — В кн.: *Культура и общество в Эпоху становления наций.* М., 1974, с. 67.
- ¹⁵ *Matešič J.* O slavenskoj svijesti i njezinoj ulozi v razdoblju slovenskog prosvjetiteljstva. — In: *Obdobje razsvetljenstva...*, s. 374.
- ¹⁶ *Петровский Н. М.* Первые годы деятельности В. Капитаря. Казань, 1906, с. 482—484.
- ¹⁷ *Koruza J.* Spremna beseda, s. 12.
- ¹⁸ Ibid., s. 6—9.
- ¹⁹ *Pogačnik J.* Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977, s. 132.
- ²⁰ *Koruza J.* K problematiki..., s. 119.
- ²¹ *Matešič J.* O slavenskoj svijesti..., s. 375.
- ²² *Koruza J.* Spremna beseda, s. 3—5.
- ²³ Ibid., s. 32.
- ²⁴ *Петровский Н. М.* Slovenica. — ЖМНП, 1906, № 1, с. 156, 160.
- ²⁵ *Matešič J.* O slavenskoj svijesti..., s. 375.
- ²⁶ *Domej T.* Slovenska jezikovna misel..., s. 201.
- ²⁷ Ibid., c. 203.
- ²⁸ *Matešič J.* O slavenskoj svijesti..., s. 375.
- ²⁹ *Мыльников А. С.* «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в. — В кн.: *Культура и общество...*, с. 51.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС КАК КОМПОНЕНТ ЧЕРНОГОРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Б. Н. Путилов

Черногорский героический эпос может быть определен типологически как поздний эпос, представляющий сравнительно с формой классического героико-исторического эпоса последующий этап закономерно развивавшегося эпического народного творчества. В этом смысле он соответствует песням гайдуцким у южных славян, старшим историческим песням у русских, думам у украинцев и т. д. Его отличительная особенность — с точки зрения художественной типологии — заключается в теснейшей преемственной связи с юнацким эпосом. В отличие от исторических песен или от дум, где связь с былинами обнаруживается нередко имплицитно и где момент

трансформации весьма значителен, черногорские песни сохраняют явственно многие характерные черты поэтики юнацких песен¹.

Художественная преемственность есть в данном случае выражение более широких связей с традицией: черногорский эпос на новом историческом этапе и в новых условиях продолжал и развивал героико-патриотические идеи эпоса юнацкого, свойственный ему пафос общенародного единства. Черногорский эпос явился средоточием и поэтическим выражением того комплекса понятий, идеалов, моральных принципов, норм поведения, который получил наименование черногорского «чойства и юнаштва»². Главным условием развития и расцвета позднего эпоса у черногорцев в XVIII—XIX вв. явились особые социальные условия и политические события. Специфику этого эпоса часто (и в значительной степени справедливо) усматривают в ярко выраженном племенном начале.

Сложившиеся в ходе исторического развития черногорского эпоса племена представляли собою территориально-административные единицы, а племенные объединения стали военно-политическими союзами. По словам П. Ровинского, авторитетного знатока истории и быта черногорцев, члены племени осознавали свое кровное родство и происхождение от единого предка, были связаны нормами взаимной помощи. Родовые отношения по-разному преломлялись в функционировании братств — сельских общин, на которые делились племена³. По мнению Р. Зоковича, «племя, племенная организация есть общественная основа эпических песен черногорцев, ключ к их пониманию. Эта племенная организация всеми своими существенными установлениями и функциями походит на другие известные истории племенные организации на стадии военной демократии»⁴.

Племенное начало сказывалось в эпических песнях по-разному. В них нашел выражение культ геройства представителей тех или иных племен и братств. События, о которых повествуется в них, часто принадлежат местной истории, и значение их как бы ограничено пределами племени либо даже братства. Эпические герои известны в данном микромире и о них могут не знать соседи. Эпическая география столь же локальна. Возвеличение героических и нравственных качеств и подвигов племени — долг гусляров. Пиперы, цуце, дробняки, белопавлочи, васоевичи, кучи, црмничане, морачане и другие составляют объект эпического воспевания.

Возвышение одного племени в песнях происходило иногда за счет принижения другого. Поведение эпических персонажей в критических ситуациях нередко оказывалось в зависимости от племенных пристрастий певцов: «свои» обнаруживали идеальное соответствие нормам эпического кодекса, «чужие» не выдерживали испытания; подобные коллизии могли составлять суть эпических сюжетов.

Заметное место в эпических песнях занимают мотивы острых столкновений между представителями разных племен, кровной мести, нарушения одними норм и жизненных правил по отношению к другим. Особенно драматический характер носят сюжеты на темы

предательства или совместных выступлений иноплеменников с турками. Очевидно, что в сюжетах такого рода, нередко заключающих значительную долю условности и вымысла, в песнях с кровавыми развязками отражена реальность истории, в которой межплеменная рознь, столкновения из-за пастбищ, разного рода конфликты, кровавая месть составляли органическую часть народного быта.

Несомненно, что эпическое творчество у черногорцев было в значительной части сосредоточено в рамках племени и братства — соответственно складывался устойчивый репертуар, функционировали местные школы гуслиров. По-видимому, и само исполнительство, техника пения в сопровождении гуслей, поэтические особенности песен были так или иначе окрашены местным колоритом.

И все же нет оснований преувеличивать масштабы и характер племенного начала эпоса. Правильнее было бы сказать, что в нем сочетаются местные, племенные, и общечерногорские черты, причем это сочетание на одних уровнях выступает неосознанно для самой эпической среды, а на других — вполне осознается ею. Начать с того, что эпос разных племен опирался на общие традиции старосербского, южнославянского эпического творчества, и нет никаких оснований усматривать попытки как-то эти традиции прервать. Напротив, певцы, независимо от своей племенной принадлежности, берегли и передавали из поколения в поколение основной фонд старых сербских песен. О замкнутости репертуара племенных певцов следует говорить с большими ограничениями: несомненно, что многие песни, племенные по своему содержанию, свободно входили в репертуар ряда племен и братств, и таким образом, локальные герои становились героями общечерногорскими. Иначе и быть не могло, если иметь в виду основной пафос героических черногорских песен в их массе — воспевание борьбы с турками, отстаивание независимости всей Черногории, а не только ограниченной территории племени, от врага, утверждение идеалов «чойства и юнаштва». Петар Бошкович из Белопавлчей, Никац из Ровина, Вук Томанович — оттуда же и другие становились героями именно черногорского эпоса и благодаря этому — всей Черногории.

Тема межплеменной солидарности и взаимопомощи звучит в черногорских песнях с большой отчетливостью, и за этим также стоит вполне реальная история. П. Ровинский отмечал, что «черногорцы всегда являлись на помощь герцеговинским ускокам, пиперам и кучам, которые в свою очередь помогали черногорцам. Связь тут была самая тесная и интимная, несмотря на то, что между ними стояли турки, деля их географически падвое»⁵.

Особо стоит сказать о песнях, содержанием которых были события, выходившие далеко за пределы племенной территории, кровно захватывавшие интересы всего населения Черногории: это песни об отпоре вражеским нашествиям, имевшим целью порабощение всей страны. Один из ранних образчиков этого рода — песня «Царев Лаз». Мы находим в ней основные приметы эпической циклизации, преодолевающей инерцию племенной ограниченности: в качестве эпического центра предстает Цетинье — оно является

главной целью турецкого нашествия, и в нем же организуется отпор врагу; здесь же в песне есть эпический персонаж, воплощающий государственное единство, — владыка Данило, противостоящий главнокомандующему турецкой армией; вокруг Цетинья концентрируются юнаки из разных мест, и это единение обеспечивает победу⁶.

Еще более показательны песни конца XVIII в. о разгроме Махмут-паши⁷. Здесь идея консолидации народных сил вокруг Цетинья и владыки Петра является вообще господствующей. Она полемически заострена против высказываемых турками надежд на несогласие между черногорцами. Отдельные племена упоминаются лишь для того, чтобы подчеркнуть единодушие, царящее между ними, и готовность взаимно защищать друг друга. Речь Петра во второй песне, обращенная к «дорогим братьям черногорцам» перед сражением, является образчиком эпической публицистики и содержит характерные мотивы, очень показательные для понимания процесса созревания и укрепления черногорского самосознания. Первый такой мотив — о связи предстоящего сражения с предшествующей многовековой историей: «наши стари» воевали более трехсот лет за свободу, против турецкого рабства; пусть черногорцы будут достойны Кралевича Марко и других юнаков; пусть они помнят также о собственных победах. Второй мотив — единства: только из-за несогласия в прошлом туркам удавались временные успехи. Едва ли не впервые в песнях находим мы здесь слова «Черногория, отечество наше». Третий мотив — победы, полной и безусловной, значение и масштабы которой, возможно, и несколько преувеличиваются, а главное — ее границы раздвигаются до общесербских пределов.

Параллельно и во взаимодействии с ростом общечерногорских мотивов в эпосе развивается русская тема. Для ее разработки реальная история XVIII—XIX вв. давала богатый материал. Россия в сознании черногорцев представляла единственной внешней политической силой, на постоянную поддержку и помощь со стороны которой можно было рассчитывать. В песнях XVIII в. мы находим упоминания о помощи, которая идет из «Русии», из «Москови», устойчивы мотивы страха турок перед опасностью появления русских сил. В некоторых сюжетах XIX в. именно вмешательство России обеспечивает успех борьбы Черногории. Характерен ультиматум, который в песне «Удар на никшичан» направляет туркам владыка Петр Петрович: он предупреждает, что черногорцы выступят вместе с «московцами», которые привели большие корабли охранять Боку Которскую от французов: у них «бесчисленное войско», наделенное геройством, и «они наши братья дороге»⁸. Тема русско-черногорской солидарности приобретала и фантастическую окраску: такова песня об Иво Подгореце, который явился по зову «русинской царицы», чтобы победить в поединке страшного Арапина, осадившего Петробур⁹. В этом сюжете, причудливо сплетшем эпическую традицию с осмыслением новой истории, наиболее интересна, конечно, мысль о выходе черногорского юнака за пределы своей земли и об участии его в событиях международного масштаба.

Соединение в черногорском эпосе местной героической истории, истории домашней, близкой в силу семейных и племенных традиций, и общенародной, поддержание и развитие в нем идей исторической преемственности, яркое выражение героического нравственного кодекса обеспечивали его популярность на протяжении долгого времени и особенно к нему отношение в народной среде.

Процесс утверждения черногорского героического эпоса как важного и яркого компонента черногорского самосознания и новой общечерногорской культуры имел ту особенность, что определенную роль в нем сыграла общественная и политическая мысль Черногории, наиболее ярко и эффективно выразившаяся в деятельности Петра Петровича Негоша. Новая история ряда европейских стран дает немало примеров того, как в общественной мысли, в литературе, искусстве происходило осмысление национального значения эпического наследия и включение его в культуру нового времени. Чаще всего эта работа не затрагивала живую эпическую традицию, которая продолжала существовать, либо угасала вне каких-либо существенных контактов с новыми идеями. В Черногории мы имеем тот редкий случай, когда эти новые идеи оказали непосредственное воздействие на судьбу живой эпической традиции и на отношение к эпосу в широких слоях населения.

Цетиньские владыки культивировали уважение и интерес к живому юнацкому эпосу и к искусству гусяров. О Негоше известно, что он охотно приглашал гусяров, выделял хороших мастеров, содействовал записи песен от них и был вкладчиком в собрание песен Вука Караджича. В классическом наследии общесербского эпоса он особенно выделял Косовский цикл. Милош Обилич, герой цикла, был в глазах Негоша идеалом подлинного героизма, чести и преданности свободе. Борьбу черногорцев Негош трактовал как продолжение подвигов косовских героев и как возмездие за поражение на Косовом поле. Он, несомненно, способствовал тому, что в черногорских песнях нового времени так или иначе находили место реминисценции, связанные с Косовом. В собственном литературном творчестве Негош опирался на традиции народного творчества и широко обращался к героическому эпосу¹⁰. Особо надо сказать о сборнике «Огледало Српско» (1845), подготовленном Негошем и изданном с его предисловием и стихотворным посвящением памяти А. С. Пушкина. «О черногорских песнях можно сказать, что в них содержится история этого народа, который не пожалел никаких жертв, только чтобы сохранить свою свободу. Верно, что поэзия в отдельных местах преувеличивает подвиги черногорцев; но во многих и важных придерживается строгой точности»¹¹.

Соответственно такому пониманию Негош отобрал песни (по его словам, менее десятой части известных), воспевающие главные битвы, начиная с 1702 г., и расположил их по хронологии событий, определив каждой свое место в историческом ряду. Таким образом, книга представила полуторазековую героическую историю Черногории в песнях и одновременно — в подвигах отдельных лиц, племен и братств. Пробелы в народной песенной традиции составитель

восполнил песнями, сочиненными Петром I Петровичем и самим Негошем (характерно, что относительно текстов, принадлежащих Негошу, в югославской науке до сих пор идут споры). «Огледало Српско» оказалось не просто антологией, вобравшей наиболее значимые в историческом и публицистическом отношении песни черногорцев. Оно во многом определило характер последующих сборников, книга вошла в широкий обиход, стала одним из наиболее авторитетных источников знакомства с черногорской эпикой, а затем — и репертуарным сборником нескольких поколений гусяров. Дело в том, что характер эпического стиха позволял исполнителям — при условии хорошего владения ими искусством пропевания десетераца (эпического десятисложника) под гусли — пользоваться текстами из книг, и естественно, что издание Негоша было особенно популярным.

Есть немало свидетельств относительно общенародной популярности эпоса среди черногорцев. Ограничусь ссылкой на П. Ровинского, чьи слова относятся уже к последним десятилетиям XIX в.: «В Черногории, можно сказать положительно, нет ни одного сельского дома без гуслей и нет черногорца, который, хоть плохо, не умел бы петь «уз гусле». В Черногории каждый мальчик, начиная хватать отцовское оружие, в то же время хватается и за гусли; а с гусями, конечно, живет и эпическая песня... Эпическая песня издавна укоренилась в черногорском народе и продолжает жить в нем доныне, составляя, так сказать, естественный продукт его высшей, духовной жизни»¹².

Несомненно, что это «высшее» начало органически связано с сознанием цельности черногорской истории и пониманием преемственных связей с нею. Более того, как показывают многочисленные факты, в широкой народной среде вплоть до последнего времени история борьбы черногорцев за свободу воплощалась в значительной степени в эпических формах, т. е. — в формах преданий, опирающихся на эпос. Книга вносила сюда свои поправки и дополнения, но одновременно и нередко подкрепляла эпическую трактовку прошлого. Черногорская эпика — именно в силу традиционно сложившегося к ней отношения — обладала редкостью для нового времени воспитывающей и агитационной силой. Достаточно сослаться здесь на деятельность черногорских гусяров в первые десятилетия XX в., осуществивших агитационные политические поездки в защиту южнославянских земель и — в годы Первой мировой войны — ради привлечения добровольцев на войну. Существует немало свидетельств и о мобилизующей роли юнацкого эпоса во время народно-освободительной борьбы 1941—1944 гг., о воздействии старых черногорских песен на формирование у партизан «свободолюбивого повстанческого романтизма»¹³.

Очевидно, что целый комплекс факторов исторического, социального, культурного, бытового плана сыграл свою роль в утверждении черногорского эпоса как весьма заметного компонента черногорского самосознания. Признавая важность каждого из них, хотелось бы особенно подчеркнуть значение самого внутреннего характера чер-

погорской эпике, а именно — органического слияния в ней реального историзма с неразрывностью традиционных связей. Позднее эпическое творчество у ряда народов Европы характеризовалось, в частности, принципиальным преодолением традиций классического эпоса и даже, подчас, разрывом с ними. Достижение реального историзма происходило за счет невосполнимых утрат в области поэтических обобщений, масштабности изображения, художественной силы. Современные исследования выявляют наличие существенных связей с классической традицией, по преимущественно скрытых и трансформированных. Черногорская эпика позднего времени, конечно, тоже многое утратила, но она сохранила главное — зримые, явные, многочисленные связи с наследием, и эта связь воплощена прежде всего в живой практике гусяров, которые одинаково охотно, привычно и на одних и тех же технических и творческих основах исполняли, воспринимали и передавали эпос классический и поздний, усматривая здесь лишь разницу временную, стадиальную.

Автору этих строк посчастливилось встречаться со многими нынешними гусярами в Черногории, слушать песни в их исполнении, беседовать с ними. Из этих встреч и разговоров можно было вынести представление о большом национальном, нравственном и общественном значении эпических гусярских песен для сегодняшней Черногории, о связи эпоса с исторической памятью народа и сознанием непрерывности истории¹⁴.

¹ См. об этом подробнее: *Пугилов Б. Н.* Черногорский эпос как типологический этап в развитии эпического творчества балканских народов. — *Македонски фолклор*, 1974, № 14.

² См.: *Геземан Г.* Чојство и јунаштво старих црногораца. Цетиње, 1968.

³ *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб.; 1897, т. II, ч. 1, с. 148.

⁴ *Зоговић Р.* Црногорске епске пјесме разних времена: Автологија. Титоград, 1970, с. 65.

⁵ *Ровинский П.* Черногория в прошлом и настоящем. СПб., 1888, т. I, с. 600.

⁶ См., например: Целокупна дела Петра II Петровића Његоша. Београд, 1974, књ. 5, № V.

⁷ Там же, № XXXI—XXXII.

⁸ См.: Српске народне пјесме. Државно издање / Скупио их Вук Стеф. Караџић. књ. 8. Београд, 1901, № 46.

⁹ *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1905, т. II, ч. 3, с. 457—463.

¹⁰ См. об этом, например: *Деретић И.* Структура «Горског вијенца и народно усмено стваралаштво». — *Стварање*, 1968, № 7—8, 9.

¹¹ Цит. по: Целокупна дела Петра II Петровића Његоша. II издање. Београд, 1974, књ. 5, с. 11.

¹² *Ровинский П.* Черногория. . . , т. II, ч. 1, с. 24—25.

¹³ *Маргиновић Н. С.* Народно стваралаштво у устанку Црне Горе. — *Рад VIII-ог Савеза фолклориста Југославије у Титовом Ужицу*. Београд, 1961, с. 208.

¹⁴ См. об этом: *Пугилов Б. Н.* Встречи с эпосом в Черногории. — *СЭ*, 1973, № 3.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЧЕРНОГОРСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ СЕРБСКОХОРВАТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. М. ЛЮБИШИ)

О. И. Трофимкина

В период подъема национально-освободительного движения в славянских странах в конце XVIII в., когда широкое распространение получила идея славянской общности, возникшая из потребности во взаимной поддержке в борьбе за национальную свободу, эта идея нашла отклик и в Черногории. «В черногорском народе жила память о том периоде, когда существовало независимое Сербское государство. Черногорцы считали себя частью сербского народа»¹. Национальное самосознание черногорцев в этот период развивалось в том же направлении, что и у сербов. Поэтому идея создания единого сербохорватского литературного языка на народной основе нашла в Черногории широкую поддержку. Большой популярностью пользовались там произведения Вука Караджича, П. П. Негош помогал ему в сборе материалов для «Сербского словаря»².

Победа нового литературного языка на народной основе выдвинула на повестку дня задачу пополнения, обогащения его словарного состава. Большую роль в этом играли (помимо усвоения некоторых разрядов церковнославянизмов, создания неологизмов, заимствования из иностранных языков) и заимствования из отдельных территориальных диалектов сербохорватского языка. Но вопрос о словарном вкладе в литературный сербохорватский язык отдельных краев еще недостаточно освещен в литературе, как и вопрос о путях проникновения диалектных слоев в состав литературной лексики. Один из таких путей — через литературу, через писателей — выходцев из определенной диалектной среды. В настоящей статье на материале произведений писателя-черногорца С. М. Любиши делается попытка показать его роль в обогащении и развитии лексической системы литературного сербохорватского языка.

С. М. Любиша (1824—1878) занимает в сербской литературе особое место. Это один из крупнейших писателей середины прошлого века, горячий и последовательный сторонник языковой реформы Вука Караджича. Его творчество — значительная веха в развитии сербохорватского литературного языка. Исследователи неоднократно подчеркивали глубокое знание Любишей народного языка и виртуозное владение им³. Однако это не значит, что писатель механически воспроизводил особенности народноразговорной речи (как это, например, делал другой черногорский писатель Марко Миялинов). В его произведениях народная речь подвергается определенной обработке, это плод тщательного отбора лексики и продуманного словоупотребления⁴. Писатель стремится не к тому, чтобы

дать достоверный материал диалектологам, а к тому, чтобы показать, каким должен быть образец общенародного языка. В основе язык произведений Любиши соответствует литературному стандарту своего времени, но в нем выделяется и второй компонент — черногорско-приморский, т. е. диалектный. Наука не располагает еще подробным описанием черногорских говоров, особенно в сфере лексики, поэтому представляется затруднительным ответить на вопрос о точном соотношении этих компонентов в языке писателя. Мы можем опираться лишь на неполные данные толковых словарей сербохорватского языка⁵.

Сравнение материалов словаря С. М. Любиши⁶ с данными сербского словаря Вука Караджича⁷ показывает, что число фонетических, морфологических и словообразовательных диалектизмов у Любиши невелико. Из двух форм — диалектной и общенародной — писатель в большинстве случаев выбирает общенародную. Например, в словаре Караджича находим слова *безакоњак* и *безаконик*, 'кто нарушает законы' (первое с пометой «черногорское», второе — общенародное). У Любиши только *безаконик*. У Караджича *кукав* и *кукаван* 'бедный, несчастный' (первое — с пометой «черногорское», второе — без ограничения); у Любиши — *кукаван* и т. п.

Специфические диалектные формы Любиша привлекает очень сдержанно, но и они прошли сквозь писательский фильтр: опущены многие особенности, которые характеризуют говор описываемого края⁸; те же черты, которые нашли отражение в произведениях писателя, имеют, как правило, широкое распространение и за пределами Черногории и, таким образом, не противоречат основным принципам литературного языка Вуковского периода. Отличающиеся от соответствующих общенародных слов по словообразовательным или фонетическим признакам диалектные формы употребляются писателем главным образом как средство индивидуализации и типизации речи персонажей (хотя встречаются и в авторском повествовании). Примеры:

Беспамештина (литер. *беспаметност*) — «придурковатость, глупость».

Живко је сиромах, луд и смушен — пак му нико и не пише у грех кад у својој беспамештини почини коме квара. (Суђа) 2, 209⁹.

Варевина (литер. *вареника*) — «парное молоко».

Уљегнем у ћелију, удробим суха хљеба у варевину, погостим се и посркам је, док видјех кутлу дно. (Вук) 2, 8.

Крем (литер. *кремен*) — «кремень».

Био сам у дјетињству врагуљаст, жив као крем, сво је село од мене на чудо било. — (Вук) 2, 7.

Здесь нашла отражение характерная особенность диалекта Черногории — сокращение основ существительных типа *камен*, теряющих суффикс *-ен*¹⁰. Ср. еще примеры:

Плам (литер. *пламен*) — «огонь, пламя».

— — Да га (оца Максима) нијесу срећом године стигле, брзо би виђели, оче игумне, плам на врх манастира (Бескућа) 1, 362.

Кам (литер. *камен*) — «камень».

Зове се и данас Проклети Кам онај крш на кому је Друшко папке отегнуо. 1, 390.

Характерную особенност черногорских говоров — образование относительных прилагательных с помощью суффикса *-ит* — отразил Любипша в словах *виловит* (от *вила*) — «резвый, горячий (о коне)», *вјечит* (от *вијек*) — существующий во все времена, непреходящий, вечный», *отворит* — «открытый» и др.

Нападати на распалу телесину, коју је мати земља примила у своја вјечита њедра, дјело је што вашој разборитости не пристоји. (Игуман) 1, 365.

Није Мијата ваистину проклео арандио, но нас. Он језди мртв виловита кон а, а ми живи умиremo на ногама — —. (Радун) 1, 348.

Эти образования употребляются писателем только в речи персонажей наряду с обычными для литературного языка *вилован*, *вјечан* (ср. примеры: Гдје год оком машиш све трепти и сијева, сјаје и блијеска, цкли и жары, као виловни двори што се прича. 2, 225. — — Не срдите бога и не дирајте у његову вјечну правду. 1, 345.)

В речи персонажей-черногорцев отразились и некоторые фонетические черты говоров Черногории (широко известные и другим говорам сербохорватского языка), но они не будут рассматриваться в данной статье.

Любипша отчетливо понимал, какую роль может сыграть Черногория в формировании нового литературного языка, поэтому в своих произведениях он широко использовал лексическое богатство родного говора, демонстрируя его способность вместе с другими говорами сербохорватского языка участвовать в обогащении и совершенствовании литературного языка нового типа. Значительная часть этих слов не имеет синонимических соответствий в общенародном языке и является единственным названием реалии. Среди слов этого типа — так называемые этнографические диалектизмы, т. е. слова, отражающие особенности быта, нравов, исторического развития народа Черногории. Это в основном слова с конкретным значением — названия предметов. Например:

Ринчак — «Небольшая круглая сеть для ловли рыбы с навешенными по краям кусочками свинца».

— — Широке гаће пану на тле око мене као *ринчак*. 2, 19.

Руж — «Высокая шапка невесты».

На глави јој (невјести) фес црвени, а врх њега на само тјеме стоји успешени ћук, височији од јуначка педља, надједен збијеном вуном као кулиц, а при врху обострен као клин. 2, 165.

Бјечве — «Короткие шерстяные чулки или носки».

Врх онијех чарапа носи (невјеста) краташне црвене бјечве до ниже бута — —. 2, 166.

Пекна — Откромленый к Рождеству поросенок.

Ужирю сам и ја једну пекну. 1, ...

В тексте произведений писателя встречается также немало местных слов, называющих вещи и понятия, распространенные повсеместно. Они могут иметь синонимические соответствия в общенародном языке. Видя в них потенциальный резерв литературного языка, писатель часто употребляет их, наряду с общенародными, обогащая, разнообразя выразительные средства языка. Например:

Бљуда }
Ваган } «Миска» (литер. *чинија*, *здјела*)

Принесе Ружа ваган с варицама. 1, 178.

А гђе си кренуо с том бљудом? 1, 301.

Наряду с диалектными *бљуда* и *ваган* Любиша употребляет и широко распространенное слово *здјела* (чаще в диалектной форме *жђела*, отражающей живое произношение).

— — Пристужи (војвода) да се целивамо као да бјесмо јели из једне здјеле — —. 2, 115.

— — Ожме (Катна браће) у једну велику жђелу — —. 1, 175.

По данным словаря МС, *бљуда* — глиняная миска для пищи, *ваган* — деревянная миска¹¹, слово же *здела* (здјела) имеет более широкое значение — большая круглая миска. Материалы произведения Любиши не дают основания для такого деления. Напротив, слова *бљуда*, *ваган* и *здјела* (жђела), употребляясь в обобщенном значении «большая круглая миска», становятся у писателя синонимами, заменяя в контексте друг друга;

Ваџи принесу рибу у великијем коситернијем жђелама — — Отац Максим заврати најпрви, пане главом у бљуду и издахне мирно као тић. 1, 388.
Окупај, рече брђанин, то дијете уочи суботе водом с врела, па прелиј воду у једну жђелу — — и хајде онако с пуном жђелом од куће до куће гђе је гођ бабе — — — Не би куд-камо но окупах сина и пох с ваганом по селу — — Кад допрем Ковачево кући украј села, изиђе му мати — — «А гђе си кренуо с том бљудом?» — рече са шале — —. (*Мијат*) 1, 301.

В приведенном контексте все три слова (*жђела*, *ваган* и *бљуда*) обозначают один и тот же предмет.

Лексические диалектизмы служат писателю и средством краткого и точного выражения мыслей, так как в общенародном языке одно и то же самое понятие часто может быть выражено лишь описательно. Например:

Безаплећа — «тот, кому не на кого опереться в беде, одинокий, беззащитный человек».

Ово је народ опак и злу свакоме новикао, а ја сирак, празнов, безаплећа, пак ми се неће гроба знати. Али камо ћу? (*Шћепан*) 1, 83.

Безнишник — «немуций человек, бедняк».

Настави се (Марија) тетка Ружина, човјека сиромаша и безнишника, који је у великој невол и живио. 1, 231 сл.

Соихљебник — «близкий друг, с которым много раз делили хлеб и соль». Колико се вођа превезао на сухо у походе некое соихљебнику, два мрнара с брода покраду бреме овчје вуне — —. 2, 67.

Среди диалектных слов есть слова с ярко выраженной экспрессивной окраской. Называя предметы, явления, действия, они дают им еще дополнительную характеристику, выражая отношение говорящего к окружающему:

Брождѣти — «впугываться, ввязываться (в пехорошее дело)».

— Новаче, — весело — рече му Друшко. — Нађе суд да је калуђер кнезу ортак, и да су ти оба прасицу опалили. — Неће бити калуђер, ни дао бог, — примјети Новак, — редовници нијесу јошт у таква дјела брождѣли. 1, 316.

Вајка — «несчастливая, убитая горем мать».

Осми дан — — удаве Спичани једно наше дијете — — То ме је, господо, остарало и појадило, с тога ми је омрзнуо дом, слушајући му црну вајку гђе сваки дан на уранку тужи и за срце уједа, и нас кори што јој га не светимо. (Поп Андравић), 1, 254.

В словарь Сербской академии наук (САН) слово *вајка* в указанном значении не вошло. Словарь Матицы сербской (МС) помещает его с пометкой «покр.» (областное) и документирует приведенным выше примером из сочинений Любиши. О том, что слово это широко употребляется в народной речи Черногории даже и в настоящее время, свидетельствует М. Пешикан, записавший его во время диалектологических экспедиций в Черногорию в 50-е годы¹².

Слово *вајка* создано по созвучию с *мајка* («мать») и является производным от *вај* — «восклицание, выражающее боль, отчаяние» и «крик боли, отчаяния; вопль» и стоит в одном ряду с глаголом *вајкати* — «оплакивать кого-нибудь, горевать». К разряду экспрессивно окрашенных диалектных слов относятся также и слова *безбрат* — «недостойный брат», *безрод* — «родной дом жены (порицат.)», *лацман* — «горожанин, господин (порицат.)» и др.

К диалектной лексике относится и значительная часть заимствований из турецкого, итальянского и других языков, встречающихся в произведениях С. М. Любиши. Однако нужно заметить, что заимствованные слова занимают в лексическом составе произведений писателя гораздо меньшее место, чем в народных говорах Черногории и Черногорского приморья, где происходит действие произведений Любиши¹³. И в этом проявляется роль писателя в процессе переработки сырого материала народной речи в литературный язык. Борясь за чистоту национального языка, Любиша в то же время включает в художественную ткань своих произведений те слова турецкого, итальянского, венгерского происхождения, которые вошли в язык вместе с обозначаемыми ими понятиями, а также слова

(это особо касается тюркизмов), устойчивость которых в сербском языке объясняется тем, что они тесно связаны с особенностями национальной культуры, развивавшейся в определенных исторических условиях. Входя в различные синонимические группы, эти слова расширяют стилистические возможности языка, и заслугой Любиши является то, что он вслед за Вуком Караджичем учел правомерность в их включения в новый литературный язык наряду с исконно сербскими словами.

В процессе развития литературного сербохорватского языка нового типа многие диалектные слова были канонизированы в новой литературе, которая сыграла важную роль в преобразовании диалектных слов в общенациональные формы выражения. Есть в этом и заслуга С. М. Любиши. Очень многие слова, отмеченные во втором издании словаря Вука Караджича как черногорские, прочно укрепились в системе литературной лексики — в словаре современного литературного сербохорватского языка МС они не имеют никаких ограничительных помет. Например:

Крвопија — «Жестокый человек, кровопийца».

— — Пукну на нас Латини ружећи и грдећи да смо крвопије, људождери и дивљаци — (Ивапбег) 2, 102.

Ја сам затекас дједа му: таквога крвопије не бјаше јошт међу нама расло — — (Вук) 2, 206.

Звијукнути — Завистеть.

Кад крвожедна Турадија допре на пушкет од цркве, свирке засвири, страже звијукну а бубње загрме — — 2, 231.

Некрст — Некрещенный человек, нехристианин (о турках).

Срби су (а да ко?) створили народну мудрост — — а грудима обуставили некрст, да не проломи к западу, и омеђашили га потоцима крви и брговима кочурина. 2, 255.

Никоговић — Низкий человек, ничтожество.

Само те молим: узми мени и овијем никоговићима сва три данка, а два опрости клименачкој сиротињи, која за наше ништачество није више крива него што је жива! (Главар господару) 2, 124.

Сюда же можно отнести и слова *наредан* 'находящийся в состоянии готовности, готовый', *обестрвити* — 'исчезнуть без следа, пропасть', *ништав* — 'ничтожный', *откренути* — 'вернуть, отвернуть' и др.

Из слов, встретившихся в произведениях Любиши и включенных в словарь Караджича с пометой «черногорское», в современных толковых словарях сербохорватского языка не имеют ограничительных помет свыше половины слов. Таким образом, даже ограниченный материал произведений одного писателя — Любиши — позволяет сделать вывод о том, что и черногорцы, наряду с сербами, хорватами, боснийцами, внесли свой вклад в формирование общего литературного сербохорватского языка.

- ¹ *Хигрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979, с. 76.
- ² *Маргиновић Н.* Вуковим трагом у Црној Гори: Старине Црне Горе. Цетинье, 1964, св. 2.
- ³ См.: *Скерлић Ј.* Писци и књиге. Београд, 1956, с. 431; *Недић Л.* Студије из српске књижевности. Београд, 1960, с. 259; *Виловски Т. С.* Стјепан Митров Љубиша: Утисци и успомене. Котор, 1908, с. 87.
- ⁴ Подтверждение этого положения можно найти в статье Б. Пейовича, где автор говорит о работе Любиши над языком своих произведений: *Пејовић Б.* Љубишин однос према Вуковој школи. — В кн.: *Научни састанак слависта у Вукове дане: Реферати и саопштења.* № 2. Београд, 1972, с. 219—229.
- ⁵ Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Институт за српскохрватски језик. Српска Академија Наука и Уметности. Тт. I—XI, Београд, 1959—1981. (Далее — *Словарь САН*); Речник српскохрватског књижевног језика. Матица Српска—Матица Хрватска. Тт. 1—3. Нови Сад—Загреб, 1967—1969; Матица Српска. Тт. 4—6. Нови Сад, 1971—1976. (Далее — *Словарь МС*).
- ⁶ *Трофимкина О. И.* Сербохорватско-русский объяснительный словарь к произведениям С. М. Любиши. А—Д: Рукопись; Словоуказатель к произведениям С. М. Любиши. Хранятся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина (ЛГУ).
- ⁷ Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима / Скупно га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Беч, 1852.
- ⁸ Ср.: *Пешикан М.* Староцногорски среди окатунски и љешански говори. Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1965. Кн. XV; *Стевановић М.* Источно-црногорски дијалекат. — *Јужнословенски филолог*, 1933—1934, № 13; *Вуковић Ј.* Говор Пиве и Дробњака. — *Јужнословенски филолог*, 1938—1939, № 17.
- ⁹ Цит. по: *Љубиша С. М.* Целокупна дела. Београд, б/г, Кн. 1—2. При цитированици в тексте первая цифра означает том, вторая — страницу.
- ¹⁰ См. об этом: *Пешикан М.* Староцногорски. . ., с. 133.
- ¹¹ Слово «ваган» известно всем славянским языкам в значениях «деревянная миска», «мера зерна», «квашня», что указывает на широкое распространение его, еще, видимо, в общеславянском языке. Столь же широко распространено и слово «блюда» — «миска, блюдо».
- ¹² *Пешикан М.* Староцногорски. . ., с. 225.
- ¹³ В. Томанович приводит в своей работе, посвященной изучению итальянских заимствований в говорах Черногорского приморья, свыше 400 повсеместно распространенных слов. Из них у Любиши встретилось лишь 6 (*Томановић В.* Речи страниг порекла у говорима Боке Которске. — В кн.: *Споменик Српске Академије Наука СУ.* Београд, 1956).

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДОВ ВУКА КАРАДЖИЧА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕРБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

П. А. Дмитриев

Об огромной роли, которую сыграл «Новый завет» В. Караджича в истории сербохорватского (хорватосербского) литературного языка, в развитии литературы и культуры сербов и ряда других югославянских народов, писалось неоднократно. Авторы статей и

исследований, посвященных «Новому завету», справедливо подчеркивали большое значение этого перевода В. Караджича как творческой лаборатории, давшей возможность ему теоретически обосновать и осуществить на практике введение в качестве основы литературного языка новоштокавского восточногерцеговинского диалекта, разработать принципы обогащения его за счет других штокавских диалектов и создать тем самым «средний» литературный язык, общий для всего сербохорватского ареала, творчески решить вопрос о способах пополнения лексики сербохорватского литературного языка путем образования новых слов и заимствований из других языков, заложить основы сербохорватской стилистики, начать новый этап в истории перевода на сербохорватский язык, отказавшись и от широко распространенного в то время понимания перевода русских книг как частичной адаптации переводимых текстов, и от практики буквального перевода, и т. д.¹ В этих исследованиях, однако совсем не затрагивался вопрос о том, какую роль сыграл осуществленный В. Караджичем перевод «Нового завета» в плане формирования национального самосознания сербов. Между тем этот аспект значения «Нового завета», как и всей реформаторской деятельности В. Караджича, в контексте развития капитализма и становления буржуазных наций на Балканах представляет большой интерес и заслуживает специального рассмотрения.

Известно, что процесс национальной дифференциации и консолидации наций среди югославянского населения в связи с зарождением буржуазных отношений лишь намечился во второй половине XVIII в. Формирование национального самосознания у сербов (как бывших под властью Турции, так и находившихся в подчинении Австрии), черногорцев, славян Боснии и Герцеговины было длительным и сложным. В добуржуазную эпоху основным фактором, способствовавшим духовному сплочению сербов, была православная религия. Вера была цементирующей силой сербского общества, и в условиях национального и религиозного угнетения православное духовенство сыграло положительную роль в борьбе за объединение сербов, за сохранение и дальнейшее развитие сербской культуры. Однако, выдвигая на первый план конфессиональные различия, религия в значительной степени препятствовала выработке национального единства: духовно объединения православных сербов, она в то же время обособляла их от групп сербского населения, исповедовавших иную религию. Кроме того, «религиозное сознание затрудняло развитие светского мировоззрения, т. е. задерживало перестройку духовного мира человека в соответствии с потребностями времени, консервировало отжившие представления и, следовательно, сужало горизонт общественного видения», оно способствовало «сохранению старых, не соответствовавших эпохе складывания нации, форм духовной культуры на базе церковнославянского языка», тормозило «развитие и принятие сербского литературного языка на основе народной речи...»².

Следует учитывать также то, что «в югославянских землях находившихся под властью Турции, было много горных, отрезанных

от внешнего мира районов, очень отсталых в общественном и экономическом развитии (в Черногории, Герцеговине, Старой Сербии). У населения этих земель стойко сохранились архаичные представления о своих этнических связях (кровное родство, общий предок и т. д.). Они преодолевались и заменялись осознанием национального единства отдельных соседствующих групп медленно и с трудом, несмотря на близость языка, происхождения и традиций»³.

Д. Обрадович, один из первых идеологов нарождавшейся сербской буржуазии, ввел новые для того времени в сербском обществе понятия — «нация», «национальная гордость», которые отражали процесс этносоциальной консолидации сербского общества. «Пребывает и навсегда останется в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость!»⁴ — писал он, стремясь пробудить национальные чувства сербов. Видя деструктивное влияние религиозного сознания, сепаратизм, порождаемый церковью и наследием феодальных отношений и предрассудков, Д. Обрадович разъяснял, что религиозные различия не влияют на национальную принадлежность. В соответствии с господствующими в европейской науке XVIII в. представлениями о признаках, обуславливающих национальную общность, он считал, что главными факторами, объединяющими группы людей в национальном отношении, является общность их происхождения и языка. Представителями сербской нации он считал жителей Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации, Славонии, Хорватии, Срема, Баната и Бачки, говоривших на штоковском диалекте сербохорватского языка, независимо от религиозных, государственных, административно-политических, местных и других разграничений и различий, которые их разъединяли. «Говоря о народах, которые живут в этих королевствах и провинциях, — писал Д. Обрадович, — я понимаю последователей как греческой, так и латинской церкви, не исключая ни самих турок-боснийцев и герцеговинцев, ибо религия и вера могут перемениться, а род и язык — никогда. Босниец и герцеговинец-турок, турком он по религии зовется*, а по роду и языку, как были некогда его прадеды, так будут и его последние внуки боснийцами и герцеговинцами, пока существует мир»⁵.

Говоря о сербах, боснийцах, далматинцах и жителях других областей, говоривших на штокавском диалекте сербохорватского языка, Д. Обрадович называл их общим именем — «славяносербская нация». «Славная славяносербская нация в Сербии, Боснии, Далмации с Герцеговиной, — обращался он к сербам, — когда ты ум наукой просветишь и соединишь с просвещенной добродетелью, избраннее нации над тобой не будет!»⁶. «Я хотел и старался познать различные нации, — писал он в другом месте, — а особенно нашу, славяносербскую, от Баната до Албании»⁷. Пользовался Д. Обрадович и названием «славяносербский народ»: «Тебе, о любезнейший и милый славяносербский народ, посвящаю я как этот, так и те,

* В Боснии и Герцеговине в эпоху османского господства этноним «турки» применялся в отношении славян-мусульман.

которые последуют далее, плоды и дары моего пера»⁸. Одновременно с этим он называет свой народ сербским, сербами. «Я знал и знаю, — писал он, например, — что мои сербы — красивой и славной души и прекрасного сердца, поэтому я и хочу, насколько могу, жить им на пользу...»⁹ Или: «Славы или лучше сказать славяне — это всеобщее имя: под этим именем подразумеваются русские, поляки, богемцы, хорваты (кайковцы. — П. Д.), словаки или тоты в Венгрии, сербы и болгары»¹⁰.

Терминами «славяносербы», «славяносербский народ» и т. п. пользовались в XVIII и в начале XIX в. многие политические и общественные деятели, ученые и литераторы Сербии и Воеводины. Прилагательное «славяносербский» часто употреблялось также в сочетании со словами «архиепископ», «митрополит», «юност», «введомости», «училиште», «школа», «књига» и др.¹¹ В начале XIX в. некоторыми югославянскими деятелями неоднократно выдвигалась идея создания «славяносербского государства»¹². Употреблялось это прилагательное в то время в значении «сербский, принадлежащий, свойственный сербам». Н. И. Толстой справедливо отмечает, что широкое использование сочетаний с прилагательным «славяносербский», функционировавшим в XVIII в. наряду с прилагательными «славянорусский», «славяноболгарский» в русском и болгарском языках, следует рассматривать в культурно-историческом плане: эти термины употреблялись для того, чтобы указать «на принадлежность к более широкой культурной сфере, к так называемому греко-славянскому миру, миру православному, миру *Slavia orthodoxa*»¹³. Очевидно, однако, что слова «славяносербский», «славяносербы» могли иметь и более широкое назначение — указывать на принадлежность вообще семье славянских народов: Д. Обрадович, как было показано выше, термином «славяносербский народ» называл не только сербов православных, но и католиков, и мусульман¹⁴.

Язык сербского народа в то время часто назывался соответственно славяносербским, причем и в этом случае прилагательное «славяносербский» также употреблялось в значении «сербский», «народный сербский». Однако само понятие «сербский язык», «сербский народный язык» в XVIII в. и в первой половине XIX в. не было однозначным: представители различных общественных кругов и социальных групп, используя термин «славяносербский язык», как правило, вкладывали в него разное содержание. О славяносербском языке говорил и Д. Обрадович. Так, например, издавая свои «Басни» («Басне», 1788), он даже в названии книги писал, что они «с различных языков на славяносербский переведены». Под славяносербским Д. Обрадович понимал «простой сербский язык», т. е. язык простого народа, на котором говорят жители черногорские, далматинские, герцеговинские, боснийские, сербские, хорватские (кроме кайковцев), славонские, сремские, бачванские и банатские (кроме влахов)¹⁵. Другие авторы славяносербским называли различные разновидности книжного языка, употреблявшегося в сербской литературе XVIII и первой половине XIX в., причем каждый из них именно свою разновидность считал подлинным серб-

ским народным языком и обычно противопоставлял ее просто сербскому, простонародному языку. В результате такого понимания славяносербскими назывались литературно-языковые системы, не только характеризующиеся смешением церковнославянских и сербских элементов, но и представляющие собой перенесение на сербскую почву церковнославянского языка русской редакции. Так, например, славяносербским называл свой язык Х. Жефарович, тексты которого «обнаруживают сознательное употребление четко нормализованного языка, далекого от народной основы и лишенного связи с сербульской традицией»¹⁶.

Из сказанного видно, что в то время отсутствовал единый взгляд на природу языка сербского народа и его соотношение с церковнославянским языком. Это осложняло формирование национального самосознания сербского народа.

В XVIII и в первой половине XIX в. в образованных кругах сербского общества (особенно среди духовенства и писателей) господствовало обусловленное общим уровнем развития славистики в то время убеждение, что «славянский язык», а точнее — церковнославянский язык русской редакции, принятый с 30-х годов XVIII в. в сербской православной церкви, был когда-то общим языком всех древних славян, следовательно и сербов. Никто не сомневался, например, в истинности утверждения И. Раича, что «начало и корень» древнейшего языка славян «и доньше в своих пределах старых, в нынешней России пребывает»¹⁷. Говоря об общем языке древних славян, И. Раич имел в виду не современный ему русский или украинский языки, а «другой, особенно чистый язык, называемый своим именем, — славянский, который в общем разговоре не употребляется, а является церковным»¹⁸. Д. Обрадович разделял это мнение. Он также считал, что общим для всех древних славян был тот язык, «который сейчас в благополучной России во всевысочайшее совершенство проведен, и поскольку он там царствует, все высокие науки и знания на нем издаются»¹⁹.

Д. Обрадович первым из сербских писателей теоретически обосновал важность и необходимость отказа в светской литературе и науке от церковнославянского языка и введения в литературу языка народного. «Пока какой-либо народ не имеет книг на своем родном языке, — писал Д. Обрадович, — он вынужден пребывать в темноте ума и варварстве и все к худшему преуспевать»²⁰. В 1783 г. в «Письме Харалампию» («Любезни Харалампіе, здравствуй, Христость воскресе»), являвшимся своеобразным объявлением о подписке на «Советы здравого разума» («Совѣти здраваго разума Досіфеємь Обрадовичемь сложени») и одновременно литературно-языковым манифестом Д. Обрадовича, сербский просветитель обращал внимание на то, что все народы просвещенной Европы стремятся совершенствовать свой диалект, считал это «дело весьма полезным» и заявлял о своем намерении издавать книги на «простом сербском языке». «Знаю, — писал Д. Обрадович, — что может кто-нибудь возразить: если мы начнем писать на простом диалекте, старый наш язык придет в небрежение и постепенно исчезнет. Отвечаю, какая

нам польза от языка, который во всем народе понимает как следует лишь один человек из десяти тысяч и который чужд матери моей и сестрам?»²¹ Д. Обрадович не исключал возможности использования в новом литературном языке элементов старого славянского языка. Лексические и грамматические славянизмы, по его мнению, могли служить обогащению языка литературы. «Наш старый язык не пропадет, — писал он, — так как ученые всегда будут его знать и с помощью старого новый язык изо дня в день будет приводить в лучшее состояние»²². Д. Обрадович фактически сформулировал программу создания литературного сербохорватского языка на народноречевой основе, которую впоследствии реализует В. Караджич. Однако самому Д. Обрадовичу и его сторонникам в последней четверти XVIII в. и в начале XIX в. осуществить ее не удалось. После опубликования в 1783 г. литературно-языкового манифеста сербского просветителя и его других трудов («Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича», «Советы здравого разума», «Басни» и др.) опыты создания литературных произведений на народном языке другими сербскими писателями стали предприниматься чаще. Однако они по-прежнему имели разрозненный характер, народный язык не занимал монопольного положения в литературе, он не имел строгих норм и у всех писателей (в том числе и у Д. Обрадовича) не был лишен примеси церковнославянских и русских лексических, фонетических и грамматических элементов.

Несмотря на то, что Д. Обрадович и его последователи дали образцы качественно нового литературного языка, который, учитывая незначительность содержащихся в нем церковнославянских и русских элементов, можно квалифицировать как преимущественно народный, у определенной части сербской интеллигенции продолжало сохраняться представление о народном языке сербов как об испорченном варианте «славянского», возникшем в результате его деградации. В соответствии с этим продолжались попытки закрепить навсегда в качестве литературного языка сербов господствовавший в сербской литературе 1740—1760 гг. «славянский язык», т. е. церковнославянский язык русской редакции. Неслучайно В. Караджич, характеризуя положение в сербской литературе начала XIX в., писал: «Мы имели два языка в употреблении, церковный и народный, и были между нами такие, даже из высшего сословия и умные люди, например, архиепископ Карловицкий Стратимирович и архимандрит Кенгелац, которые думали, что церковный язык есть собственно сербский, а народный язык есть не что иное, как испорченный древний славянский, и потому надлежит его совсем покинуть, и на его место возвысить и ввести в употребление между народом церковный язык»²³.

Следует отметить однако, что в начале XIX в. сторонников использования в светской сербской литературе церковнославянского языка русской редакции, на котором велось богослужение в сербской православной церкви и печатались книги религиозного содержания, было немного. Кроме названных В. Караджичем С. Стратимировича и П. Кенгелаца, на этом языке издавали свои переводы и

оригинальные произведения П. Юлпнац, Г. Терлаич и некоторые другие авторы²⁴. Как правило, они сами не надеялись на успех своих попыток гальванизировать литературу на церковнославянском языке и в предисловиях сожалели, что язык их произведений понятен малому числу читателей, выражали надежду, что в будущем придет время, когда можно будет писать для сербского народа на его «праотеческом», т. е. на «славянском» языке, призывали читателей изучать этот язык по их книгам и т. п.²⁵ Писателей, которые хотели писать исключительно на церковнославянском языке, с каждым годом становилось все меньше, и серьезной опасности для В. Караджича, боровшегося за содание сербохорватского литературного языка на основе живого народного языка, т. е. фактически за осуществление программы Д. Обрадовича, они не представляли²⁶.

Главными идейными противниками В. Караджича были сторонники закрепления в качестве литературного языка, сложившегося в сербской литературе в последней четверти XVIII в. так называемого «языка образованных городских сословий». Этот язык не был ни церковнославянским, ни чисто народным и в то же время характеризовался наличием особенностей как церковнославянского русской редакции, так и народного языков²⁷. Именно такой язык, представлявший нечто среднее между церковнославянским языком русской редакции и разговорной речью сербов, многие писатели считали подлинным народным языком в отличие от простонародного языка, который, по их мнению, в чистом виде, без предварительной обработки и исправления не имел права на употребление в литературе. Теоретиком и законодателем такого среднего языка, выражавшим взгляды целого поколения сербских писателей, выступал известный в то время романописец М. Видакович. «Мы должны, — заявлял он, — между нашим сербским диалектом и между славянским, как исконным языком нашим, избрать некий средний путь... и по нему все вместе идти и писать»²⁸.

При выборе грамматических форм, лексических и иных средств выражения, по М. Видаковичу, образцом для писателя должен служить в первую очередь не язык простых людей, «которые чистые свойства языка и правила соблюдать не умеют», а церковнославянский, так как он представляет собой «источник всем прочим, от него происходящим диалектам», а «раз так, то не лучше ли нам из самого этого источника нашей словесности пить, нежели из далеко оттекающих от него мутных ручейков»²⁹. В соответствии с этим М. Видакович при употреблении сербских слов часто славянизировал их, добавлял им «славянские окончания», полагая, что «даже простейший и молодой еще читатель или любезнейшая читательница» не могли пожаловаться, что его не понимают³⁰. Высказывая ряд правильных положений о литературном языке, о необходимости его нормирования, о различиях между литературным и разговорным языком, М. Видакович стремился к тому, чтобы создать эти различия искусственно. Считая «славянский» язык более возвышенным, он неоднократно повторял, что необходимо исправлять сербский

язык по образцу «славянского», сохраняя нужные церковнославянские слова и особенно окончания.

Программа «исправления» сербохорватского языка, которую наметил М. Видакович, кроме устранения иностранных слов и замены их «своими», сочинения грамматики («чтобы все по ней одинаково писали»), предполагала обязательное исправление «испорченных» сербских слов по образцу более правильных церковнославянских. Так, он предлагал «твердые письмена, которые произносятся без гласных, смягчить и разделить гласными письменами» (*сербски, гречески, гердний*), считал, что следует писать *пройде* вместо *прође*, *прежде* вместо *пређе*, *не има* вместо *нема* и т. д. Осуществив такие исправления, полагал М. Видакович, «мы будем иметь наш настоящий сербский язык»³¹.

Следует отметить, что в ряде случаев он наоборот сознательно исключал церковнославянские формы (предлагал писать, например, *читао, говорио* и т. д., а не *читал, говорил* и т. п.), часто допускал отражение то сербских, то церковнославянских особенностей в одних и тех же условиях (например: молчаніе, но сузно; благосовѣстна, но сан и т. д.). Современный исследователь языка М. Видаковича Й. Кашич в своей обстоятельной монографии справедливо отмечает, что «большой недостаток языковой практики, которую проводил Видакович, заключался в отсутствии строгих правил и установленной нормы использования «словенского языка»³².

Положение осложнялось тем, что и те писатели, которые не разделяли взгляды М. Видаковича и старались подобно Д. Обрадовичу писать на чистом народном языке, не могли до конца осуществить своих замыслов, так как настоящего народного языка не знали, а научиться ему в зрелом возрасте уже не имели возможности, «так как ни букварей, ни грамматик не было; некоторые брали Мразовича (грамматику церковнославянского языка. — П. Д.) и по ней по-сербски писали, некоторые же при этом пользовались немецкими и латинскими грамматиками. . .»³³. В таких условиях они не могли избежать стихийного, неосознанного использования в своих произведениях наряду с народным языком элементов церковнославянского, которому обучались в школе. В конечном счете получалась некая разновидность того же смешанного «языка образованных сословий», который сознательно культивировал М. Видакович.

Таким образом, господствующий в сербской литературе до победы реформы В. Караджича литературный язык представлял собой конгломерат различных вариантов смешанного языка, которые в зависимости от количественного и качественного соотношения народных и церковнославянских фонетических, морфологических и лексических элементов сближались в различной степени то с народным языком (как у Д. Обрадовича и его последователей), то — с церковнославянским (как у М. Видаковича, А. Стойковича и большинства других писателей). Это обстоятельство дало основание В. Караджичу заключить в 1818 г.: «Голько в 1783 г. Досифей Обрадович первым сказал, что нужно писать на сербском языке так,

как говорит народ, и сам, насколько я знаю, начал так писать. За ним пошли и другие ученые сербы. Однако до сих пор нет ни одной книги, которая бы была написана так, как говорит народ»³⁴.

В своей литературно-языковой практике М. Видакович и его сторонники исходили из ошибочного представления о церковнославянском языке русской редакции как о «праотеческом» языке сербов, из желания облагородить за счет его лексику и грамматику «испорченного» языка простых, необразованных людей. «Это правда, — писал М. Видакович, — что наш славянский язык благозвучен и правилен, что он в выражениях приятен, нежен и силен. И мы можем из него как из источника красивые слова брать, чтобы исправлять наш сербский язык. Этого нам никто не запрещает, ибо берем мы не из чужого языка, а опять-таки из нашего»³⁵. Стремление М. Видаковича и его сторонников осуществить синтез церковнославянского и народного языков в значительной степени поддерживалось теорией о происхождении старославянского (в понимании большинства образованных сербов того времени — церковнославянского русской редакции) языка, которую развивал патриарх славянской филологии Й. Добровский, утверждавший, что язык Кирилла и Мефодия был древнесербским³⁶.

В. Караджичу пришлось вести борьбу в основном с теми писателями, которые стремились закрепить в сербской литературе так называемый «средний слог» — «язык образованных городских сословий», и прежде всего с главным представителем и теоретиком этого направления — М. Видаковичем. В ходе полемики произошло уточнение содержания термина «славяносербский язык». В. Караджич сам в начале своей деятельности допускал использование прилагательного «славяносербский» в значении «сербский», «народный сербский». Изданный им первый сборник песен он назвал «Мала простонародња славеносербска песнарица». Однако уже в рецензиях на произведение М. Видаковича он стал четко различать язык сербского народа, имеющий строгие грамматические правила, и искусственный язык, представляющий собой смесь сербохорватских, церковнославянских и русских элементов и допускающий произвольное сочетание этих элементов каждым писателем «по правилам бабы Смиляны». Для названия языка сербского народа В. Караджич стал использовать термины «сербский народный язык» или просто «сербский язык». Смешанный же книжный язык независимо от того, появлялся ли он в результате сознательной деятельности писателей или в результате плохого знания народного языка и неумения писателя избавиться от влияния языка, изучавшегося им в школе, а также независимо от того, в какой степени представлены в нем церковнославянские и русские фонетические, грамматические и лексические черты, В. Караджич стал называть «славяносербским»³⁷. Такое разграничение в значении этих терминов приняли и другие участники спора: характерно, например, что один из главных противников реформы В. Караджича в области правописания Й. Хаджич в 1830 г. выступил анонимно со статьей «Разговор славяносерба и серба» («Разговор између Славеносербина и Сербина»), содержа-

ние которой и даже название свидетельствует о том, что предложенное В. Караджичем противопоставление значения прилагательных «славяносербский» и «сербский» было в его время общепринятым. Большинство современных исследователей также используют термин «славяносербский язык» для названия смешанного книжного языка, господствовавшего в сербской литературе в последней четверти XVIII в. и в XIX в. до победы реформы В. Караджича³⁸.

Ничем не регламентированное и иногда очень широкое использование некоторыми авторами в славяносербском языке фонетических, грамматических, лексических элементов церковнославянского языка у людей, не знакомых с настоящим народным сербохорватским языком, создавало ложное представление о структуре сербохорватского языка, о его исключительной близости церковнославянскому языку русской редакции, ставя тем самым под вопрос языковую самостоятельность и самобытность сербов. Гипертрофированное представление о близости сербохорватского и церковнославянского языков особенно впечатляюще сказывалось на практике перевода сербскими авторами русских книг. По авторитетному заключению А. Младеновича, применительно к тому времени следует говорить не о переводе русских книг, а об известном транспонировании, преобразовании текстов, незначительном «осербливании», т. е. придании сербохорватских черт отдельным словам, формам, иногда предложениям³⁹. Даже переводы таких известных писателей, как Й. Раич, Д. Обрадович и его ученики, практически представляли собой переводы-адаптации.

О том, как воспринимался в начале XIX в. сербохорватский язык в других странах, можно судить по письму, которым в 1815 г. откликнулся на предложение о переводе на сербохорватский язык «Нового завета» петербургский представитель Британского библейского общества Р. Пинкертон. В этом письме он, в частности, писал: «В ответ на ваши важные вопросы относительно серба (сербского переводчика. — П. Д.) честь имею напомнить, что Священное писание на *сербском диалекте* (подчеркнуто нами. — П. Д.) словенского языка существует уже более 900 лет. Это перевод Кирилла и Мефодия, который употребляется не только в русской и сербской церкви, но и среди всех славянских племен, принадлежащих греческой церкви, и обычно называется «Славянской библией». Так как эта библия, по словам ученых людей в этой стране, написана на сербском диалекте словенского языка, сербы ее понимают лучше, чем какое-либо другое славянское племя»⁴⁰. Свои суждения о том, что язык сербов мало отличается от церковнославянского языка, Р. Пинкертон подтверждал не только ссылками на мнение ученых людей, но и личными наблюдениями над имеющимися в его распоряжении текстами сербской литературы. «Современный сербский язык, — продолжал он, — отличается от библейского словенского языка, но не в такой степени, как современный русский. Передо мной краткая система «Этики» на современном сербском языке, опубликованная в Венеции в 1803 г., которую я с достаточной лег-

костью понимаю. Однако в ней употреблено известное количество слов неславянского происхождения, которые, по-видимому, проникли в язык в результате контактирования сербов с турками. С другой стороны, я заметил, что их поэтические произведения сохраняют значительно больше особенностей старого языка. В одном, недавно опубликованном стихотворении, названном «Плач Сербии», язык почти чисто словенский. Во многих случаях современный сербский язык, кажется, берет за образец русский, так как часто оказываются идентичными (русским. — П. Д.) целые предложения»⁴¹.

Показательно, что свои заключения о языке сербов Р. Пинкертон делает на основании произведений, написанных на той разновидности славяносербского языка, которая характеризуется преимущественным использованием народного языка: он сравнивает «Этику»⁴² Д. Обрадовича и «Плач Сербии»⁴³ З. Орфелина. Язык Д. Обрадовича, как характеризуют его новейшие исследователи, «был в общем единым в его произведениях»⁴⁴. Заслуга его состоит в том, что «он закрепил язык, близкий к народному (подчеркнуто нами. — П. Д.), на большом числе объемистых текстов»⁴⁵. В этом языке довольно четко ощущается воеводинская диалектическая основа. Однако Д. Обрадович использует церковнославянские лексикализованные формы (*собрание, орудья, камня* и т. п.), допускает отступления в пользу церковнославянской морфологии (*ногами, заслугами*), словообразования (использование суффиксов *-ски, -ство* и т. п.). Эти элементы «старого языка в произведениях Д. Обрадовича не столь значительны»⁴⁶. Лексика его произведений на 93, 57—87, 10% была сербохорватской (народной), на 0,98—2,59% — русской, на 3,10—8,31% — общеславянской, на 2,34—1,64% — заимствованной (не считая русской)⁴⁷.

«Плач Сербии» З. Орфелина также написан на языке, близком к народно-разговорному, и имеет ту же самую воеводинскую диалектную основу. Наряду с народной лексикой автор использует ряд лексических славянизмов и русизмов (*непрорьзають, са вои, возлюбили, надежде* и т. д.)⁴⁸. Язык стихотворения в большей степени, чем язык произведений Д. Обрадовича, характеризуется церковнославянскими фонетическими и морфологическими особенностями. По подсчетам С. Стийовича, сделанным по известной методике А. Младеновича⁴⁹, в этом стихотворении историко-фонетические и морфологические особенности, характерные для народного сербохорватского языка, составляют 64,29%, особенности церковнославянского языка — 7,14%, случаи, где в тексте параллельно проявляются то народные, то церковнославянские особенности — 28,57% (отражение полугласного то как *a*, то как *e* и т. п.)⁵⁰. Даже если к «чистым» славянизмам (7,14%) добавить те случаи, в которых автор использует слова и формы с церковнославянскими особенностями наряду с народными (28,57%), абсолютное господство народного языка в стихотворении очевидно. Тем не менее очевидно и то, что в общей совокупности славянизмов у З. Орфелина больше, чем у Д. Обрадовича. Р. Пинкертон справедливо заметил, что по сравнению с «Этикой», язык «Плача Сербии» более близок церков-

нославянскому языку. Это, разумеется, не давало ему оснований распространять свои заключения на язык всей сербской поэзии и вообще на сербохорватский язык. Но если бы Р. Пинкертон проводил свои наблюдения над языком произведений М. Видаковича, сознательно «выправлявшего» народный язык по образцу «словенского», или кого-либо из других славяносербских писателей этого направления, его суждения о непосредственном родстве и близости церковнославянского и сербохорватского языков были бы, несомненно, еще более категоричными.

Широко распространенное среди сербских и зарубежных филологов-славистов, среди сербского духовенства, писателей и других представителей образованных кругов сербского общества ошибочное мнение, что церковнославянский язык русской редакции является древнесербским, и обусловленное этим стремление большинства сербских писателей конца XVIII—первой половины XIX вв. создать литературный язык посредством синтеза церковнославянского языка и языка сербского народа выдвинули в число наиболее актуальных проблем определения различий между этими языками, раскрытия национальной специфики сербохорватского языка, установления границы между церковнославянским и сербохорватским языками и их взаимоотношения в процессе создания общего литературного языка сербов.

В начале своей деятельности В. Караджич в соответствии с общим уровнем развития славянской филологии того времени полагал, что церковнославянский язык по происхождению является древнесербским (такое решение вопроса в начале XIX в. не исключал и его учитель В. Копитар)⁵¹. Он даже допускал возможность использования его наряду с народным языком в литературе теми писателями, которые этого пожелают, но, по мнению В. Караджича, эти языки должны были функционировать в литературе отдельно друг от друга, не смешиваясь. «Мы можем иметь, — писал он в 1817 г., — в качестве литературного только славянский или сербский языки, как итальянцы имеют латинский и итальянский; но мы должны их полностью отделить друг от друга»⁵². В объявлении о словаре он писал, что церковнославянский язык остается «источником обогащения сербского языка, как и русского»⁵³. Это утверждение, по-видимому, появилось под влиянием В. Копитара и Л. Мушицкого. Вскоре, верный своему принципу «пиши, как говоришь» или «пиши, как говорит народ», В. Караджич решительно отказывается церковнославянскому языку в праве на использование в сербской литературе и приходит к выводу, что только чистый народный язык может и должен стать литературным языком у сербов. Истинное отношение В. Караджича к церковнославянскому языку в то время более точно выражает его высказывание о том, что «славянскому языку» следует предоставить то место, которое ему более подобает — в церкви, где на нем поют и совершают богослужение⁵⁴. Уже ранние высказывания В. Караджича свидетельствуют о том, что он не боролся против церковнославянского языка вообще⁵⁵, он никогда не возражал против использования этого языка в церкви и даже полагал, что разграничение и разделение церковно-

славянского и сербохорватского языков приведет к тому, что каждый из этих языков сербы будут знать лучше, а, значит, церковь от этого лишь выиграет⁵⁶. Уже в то время он понимал, что ему не удастся совершенно прервать связь с предшествующей книжной традицией и избавиться абсолютно от всех славянизмов, во всяком случае от тех, которые употребительны в народе, но он постоянно и сознательно боролся против использования церковнославянского языка в качестве литературного и за то, чтобы ограничить проникновение церковнославянизмов (и русизмов) в новый литературный язык.

Создавая литературный язык на народноречевой основе, борясь за ограничение использования в нем церковнославянизмов и русизмов, В. Караджич, естественно, должен был установить различия между церковнославянским и сербохорватским языками. Поэтому он неоднократно обращается к проблеме разграничения этих языков и их взаимоотношений. В 1826 г. в альманахе «Денница» («Даница») В. Караджич опубликовал статью «Главные различия между нынешним славянским и сербским языками»⁵⁷. В этой статье он не касается неясного для него в то время вопроса об отношениях церковнославянского и сербохорватского языков в генетическом плане, а сразу переходит к характеристике основных фонетических и грамматических различий между ними, сопровождая свои рассуждения примерами из древних памятников, из современных сербохорватского и русского языков. Охарактеризовав 8 фонетических и более 10 грамматических особенностей сербохорватского языка, существенно отличающих его от церковнославянского, В. Караджич убедительно показал, что эти особенности, составляющие специфику сербохорватского языка возникли в глубокой древности, некоторые из них во всяком случае «не моложе, чем Кирилл и Мефодий», т. е. появились до создания старославянского языка⁵⁸. Таким образом В. Караджич не только охарактеризовал основные особенности, отличающие язык сербов от церковнославянского, установил закономерности основных фонетических и морфологических соответствий между сербохорватским и церковнославянским (а частично и русским) языками, но и развеял миф о том, что сербохорватский народный язык появился в результате порчи церковнославянского.

Во время работы над переводом «Нового завета» В. Караджич заново пересматривает, уточняет и дополняет теоретические принципы, которыми он руководствуется при создании литературного языка. И снова обращается к проблеме взаимоотношения нового литературного сербохорватского языка и языка церковнославянского. Значительное место обсуждению этой проблемы В. Караджич посвятил в «Письмах о сербском языке и правописании»⁵⁹, являвшихся теоретическим обоснованием перевода «Нового завета». К этому времени В. Караджич был хорошо знаком с работами П. Шафарика, доказавшего, что сербохорватский и церковнославянский являются разными языками, что наряду со старославянским языком существовали его сербская, русская и другие редакции, ни одна из которых не являлась языком древнесербским⁶⁰. Все это, с одной стороны, облегчало борьбу со сторонниками славяносерб-

ского языка, с другой — осложняло, так как генетическое родство сербохорватского и старославянского (церковнославянского) языков предполагало определение не только различий между ними, но и общего для них лексического фонда. В. Караджич считал церковнославянскими те слова и формы, которые употреблялись в церковных книгах, но отсутствовали в народных говорах, сербскими — те, которые употреблялись в народном языке, но не использовались в церковных книгах; к общему фонду он относил «то, что употреблялось в церковных книгах точно так же, как в народном языке»⁶¹.

И снова встал вопрос о путях пополнения лексического фонда литературного языка, о заимствовании церковнославянской лексики. На этот раз суждения В. Караджича более определены — в 1845 г. в письме в Общество сербской словесности, в котором он прямо писал: «Я не утверждаю, что при написании книг мы сможем совершенно обойтись без славянских и новых слов»⁶². При этом он, однако, снова подчеркивал, что к заимствованиям церковнославянских слов следует прибегать лишь в случаях крайней необходимости, причем заимствоваться могут лишь такие слова, звуковой строй и форма которых не противоречат закону сербохорватского языка.

Концепцию общего сербохорватского литературного языка, теоретическую разработку которой В. Караджич завершил в «Письмах о сербском языке и правописании» 1845 г., он реализовал практически в переводе «Нового завета». «Новый завет», как известно, характеризуется широким диапазоном лексики — от слов, относящихся к земледелию, к сельскому хозяйству вообще, рыбной ловле, семейным отношениям, свадебным обрядам, болезням и другим областям повседневной жизни человека, до абстрактных терминов, обозначающих названия душевных состояний человека, его мыслей, различных качеств и их оттенков, природных явлений (реальных и фантастических) и т. п. Широко представлены в нем и названия реалий, неизвестных славянским народам. Переводя эту книгу и не имея в Сербии предшественников в области перевода на народный язык подобных текстов, В. Караджич должен был по многим вопросам принимать решения, имеющие принципиальное значение не только для осуществления данной задачи, но и для определения дальнейших путей развития сербохорватского литературного языка. Ему предстояло для каждого понятия оригинала найти соответствующие слова или выражения (В. Караджич отказался от дословного перевода) в народном языке, понятные носителям всех штокавских диалектов сербохорватского языка, пополнить словарь этого языка в тех случаях, когда в нем не оказывалось подходящей лексики для обозначения того или иного понятия. В предисловии, которое было опубликовано в части экземпляров первого издания «Нового завета» в 1847 г., В. Караджич сам раскрывает особенности своей творческой лаборатории, рассказывая, какими принципами он руководствовался и как поступал, не находя в языке народа полноценных соответствий словам и понятиям оригинала.

Завершая работу над переводом «Нового завета», В. Караджич окончательно пришел к решению, что диалектной базой нового об-

щего литературного языка должен быть повощтокавский (и)екавский южный (в нынешней терминологии — восточногерцеговинский) диалект, освобожденный от некоторых ярко выраженных локальных диалектизмов и обогащенный введением ряда особенностей, сближающих его с другими штокавскими диалектами (восстановление согласного *x*, сочетаний *tj* и *đj*). Этот диалект явился основой при кодификации фонетических, грамматических и словообразовательных норм нового литературного языка. Еще в 1817 г. В. Караджич писал, что при создании литературного языка правила изменения слов и синтаксис надо взять у пастухов и земледельцев⁶³. Тогда он полагал, что все диалекты имеют одинаковый грамматический строй. Теперь единые грамматические правила он ищет только в восточногерцеговинском диалекте и в соответствии с провозглашенным им принципом «общей правильности» распространяет их на весь литературный язык. Что касается необходимой ему лексики, он ищет ее в родном тршичком говоре, во всем восточногерцеговинском диалекте и в языке фольклора, и во всех других штокавских диалектах, используя отобранные слова в соответствии с принципом «общей правильности», т. е. подчиняя грамматическим нормам восточногерцеговинского диалекта. Важно было, чтобы в литературном языке употреблялись слова и формы, которые используются в языке простого народа — крестьян, никогда не учившихся в школе. Такой подход при сохранении национальной самобытности народного языка открывал широкие возможности использования лексического богатства всех носителей сербохорватского языка, создавал основы для выработки среднего слога, понятного и приемлемого для представителей всех сербохорватских диалектов. Открывались новые пути обогащения поэтики и стилистики литературного языка. В научной литературе справедливо отмечалось, например, что в переводе «Нового завета» В. Караджич, стремясь передать поэтический и духовный смысл новозаветных текстов, сохранить их архаичный колорит, в ряде случаев вместо новых народных слов *обала*, *киша*, *видело*, *ватра* употреблял более старые *бријег*, *дадж*, *свијет*, *огањ*⁶⁴.

При переводе «Нового завета» В. Караджич вынужден был прибегнуть и к созданию новых слов. В предисловии он сам заявляет, что образовал 84 слова и перечисляет их: *викач*, *гудач*, *измишљач*, *карач*, *кушач*, *мјенач*, *препирач*, *ругач*, *сијач*, *слушач*, *трубач*, *шаптач*, *осветник* и др.⁶⁵ Характерно, что в 1845 г., когда «Общество сербской словесности», членом которого был и сам В. Караджич, выступило с идеей создать «Терминологический словарь» («Називословный рѣчникъ»), он решительно выступил против этого плана. В. Караджич утверждал, что члены общества еще не были настолько хорошо знакомы с народным сербохорватским языком, чтобы успешно выполнить эту задачу⁶⁶. Сам он ранее избегал как заимствований, так и новообразований. Только теперь, когда им были окончательно разработаны основные принципы построения литературного языка, определены его структурные особенности, он на практике показывает, как это следует делать, чтобы не нарушать

народный характер литературного языка. Анализ слов, образованных В. Караджичем, свидетельствует о том, что он строил их по таким словообразовательным моделям, которые были живыми и продуктивными в народном языке. Так им были образованы группы слов на *-ач* (*викач, вребач* и т. п.), *-љив* (*грабљив, преварљив* и т. п.), *-ње* (*посињење* и т. п.), *-ик* (*изабраник, осветник* и т. п.), *-ица* (*преступница*), *-ост* (*гостолубивост, мртвост* и т. п.) и др. В. Караджич сам подчеркивал, что, создавая новые слова, он старался это сделать так, как сделал бы простой серб, если бы эти слова ему потребовались⁶⁷. Он даже предполагал, что в пародии где-нибудь эти слова и употребляются. И действительно, позднее В. Караджич убедился в том, что 30 из 84 образованных им слов употребляются в народном языке, и включил их во второе издание своего словаря.

Работая над переводом «Нового завета», В. Караджич вынужден был прибегать к заимствованиям из других языков. В предисловии он отмечает, что в переводе: 1) употребил 30 турецких слов (*аждаха, амајлија, Аджуван, бадава, басамак, долама, занат* и др.), показав тем самым, что иноязычные слова (и в том числе турецкие), давно вошедшие в лексический фонд сербохорватского языка, не следует изгонять из него, если в народном языке нет хороших соответствий;

2) сохранил 49 церковнославянских слов, которые в народном языке не употребляются, «но легко могут быть поняты и с народными словами смешаться» (*гонитель, наказатель, ревнитель, писатель, тјешитель, утјешитель* и др.); употребил также слова *посредник, природа, постојан, непостојан*, которые считал не церковнославянскими, а скорее русскими, но почти не отличающимися по форме от народных и нетрудными для понимания;

3) 47 церковнославянских слов лишь частично изменил, придав им форму в соответствии с законами сербохорватского языка (*богоборац, богомрзац, богомрски, среброљубац, стријелац, двојезичан, јединодушан* и др.).

4) сохранил ряд слов из еврейского, древнегреческого и латинского языков для обозначения понятий и реалий, неизвестных сербам, и при передаче собственных имен (*ава, алоје, ареонаг, антихрист, Ваал, Велијар, Гог и Магог, дидрахма, епикуровац, идол, идолопоклонство, Израиль, Израильцац, јерес* и др.)⁶⁸.

Заимствования из турецкого языка, по-видимому, в меньшей степени доставляли беспокойство В. Караджичу. Он исходил из того, что не существует языков, в которых не было бы чужих слов, и утверждал при этом, что некоторые турецкие слова настолько глубоко и прочно вошли в народный язык, что стали его неотделимой, составной частью. «Есть такие турецкие слова, — писал он еще в 1818 г., — которые мы должны сохранить и усвоить»⁶⁹. Не представляли собой проблемы и слова из еврейского, греческого и латинского языков — они воспринимались как обычные при переводах заимствования для обозначения отсутствующих у сербов реалий.

Главную трудность представляло решение вопроса о заимствованиях из церковнославянского языка. В существовавшей в то время в Сербии языковой ситуации В. Караджич опасался чрезмерно широкого проникновения церковнославянизмов в литературный язык, что могло бы привести к затемнению или устранению его национальной, народной природы. Поэтому к заимствованиям из церковнославянского языка он относился чрезвычайно осторожно.

В своем предисловии В. Караджич указал, что в «Новом завете» он использовал в неизменном или частично измененном виде всего около 100 церковнославянских (в числе их — и русских) слов. Уже Й. Стейч в рецензии на «Новый завет» в 1849 г. отметил, что фактически количество церковнославянизмов в книге значительно превышает то число, которое указано В. Караджичем (только в предисловии, в евангелии от Матфея и в послании апостола Павла римлянам он насчитал еще около ста церковнославянизмов, не учтенных В. Караджичем)⁷⁰. На неучтенные В. Караджичем церковнославянизмы указывали и другие исследователи языка «Нового завета»⁷¹. Эти расхождения вполне объяснимы, ибо наличие общего лексического фонда у церковнославянского и сербохорватского языков значительно затрудняет решение вопроса о происхождении каждой лексемы, а в некоторых случаях требует и специального исследования. Кроме того, не исключено, что многие из тех слов, которые позднейшие исследователи определили как славянизмы, во время В. Караджича были употребительны в народном языке сербов, поэтому он и не считал их церковнославянскими.

С другой стороны, очевидно и то, что среди тех слов, которые В. Караджич обозначил как церковнославянизмы, были такие, для которых он мог бы легко подобрать соответствия в народном языке. Не лишено основания предположение А. Белича, что некоторые из этих слов В. Караджич употребил, сделав уступку образованным кругам общества, сербской интеллигенции, язык которой был обильно насыщен церковнославянизмами⁷².

Стремясь поднять народную речь на уровень литературного языка, В. Караджич использовал церковнославянизмы не только для пополнения лексического фонда сербохорватского языка, но и для обогащения его поэтических и стилистических возможностей. Неоднократно отмечалось, что использование церковнославянской лексики дало ему возможность в ряде случаев тоньше дифференцировать понятия, имеющие отношение к духовной жизни, придать им торжественный, возвышенный тон, в отличие от понятий обыденных, повседневных. Так, например, «подчеркивая, что слово *спасти* народ наш употребляет только тогда, когда говорится о «душе» или о «том свете», даровитый переводчик сохраняет его только в этом, основном значении (*Koји узвјерује и крсти се спаšће се*), все же остальные значения он перевел на сербохорватский язык так, как они передаются в народном языке: *избави, помагај, оздрави, остао, исцијели, оживљење, сачува, устаће*»⁷³.

Большое внимание уделил В. Караджич «осербливанию» церковнославянских слов, т. е. приданию им сербских фонетических и

морфологических особенностей, справедливо полагая, что, будучи подвергнуты такой адаптации, они органически войдут в общий лексический фонд и не нарушат самобытность народного языка, не изменят естественный ход его развития. Преобразования эти он проводил, строго учитывая фонетические и морфологические соответствия, установленные им между церковнославянским и сербохорватским языками. Так церковнославянские *o* и *e*, восходящие к *ъ* и *ь*, он заменял на *a* (*стријелац*), сочетания *er*, *or*, *re*, *ro* в необходимых случаях заменял на слогообразующее *p* (*богомрзац*, *сведржителъ*, *уздржање*), вместо церковнославянских окончаний *-ик*, *-ник*, ствиѣ, *-чество* использовал народные *-је* (*сујеверје*, *неверје*), *-ње* (*искушење*, *обрезање*), *-ство* (*невјерство*, *савршенство*), *-штво* (*пророштво*) и т. п. Соответственно вместо церковнославянских *шч* (из старого *tj*), *жд*, *ж* (из старого *dj*) он в «осербленных» словах восстанавливал *ћ* (*будући*), *ђ* (*непоштеђење*, *новорођење*) и т. п. Таким образом, прибегая к практике «осербливания», В. Караджич не столько осуществлял заимствования из церковнославянского языка московского типа, сколько реставрировал и вводил в литературный язык лексику церковнославянского языка времен Г. Венцловича, т. е. сербской редакции⁷⁴. Для характеристики отношения Караджича к заимствованиям из церковнославянского языка в то время существенно, что при подготовке второго издания словаря он подверг церковнославянскую лексику, употребленную в «Новом завете», еще более жесткой селекции. Из 49 названных им церковнославянских слов в словарь 1852 г. он включил только 9 (*списатељ*, *проповједник*, *пророчица*, *јединство*, *духовни*, *непрестани*, *величати*, *изобилувати*, *осјенити*). Можно предполагать, что употребительности этих слов он нашел подтверждение в сербохорватском языке после 1847 г. В словарь также были включены не все слова «осербленные», т. е. частично измененные в соответствии с закономерностями сербохорватского языка. Вообще во второе издание словаря В. Караджич включил значительно меньше церковнославянских слов, чем в издание 1818 г. Результаты исследования югославских ученых свидетельствуют о том, что второе издание словаря и последующая деятельность В. Караджича характеризуется общей тенденцией дальнейшего вытеснения церковнославянских элементов⁷⁵. Это соответствовало концепции В. Караджича, считавшего, что заимствования из церковнославянского языка являются временным явлением, и полагавшего, что в дальнейшем сербохорватский литературный язык должен обогащаться не столько за счет других языков, сколько за счет внутренних резервов⁷⁶.

При создании общего литературного сербохорватского языка В. Караджич видел свою основную задачу в мобилизации и раскрытии самобытных средств выражения народного языка сербов, говоривших на новоштокавском диалекте. Тем не менее перевод «Нового завета», как впрочем и другие его работы, свидетельствует, что в практической деятельности, несмотря на неоднократно декларировавшееся им отрицательное отношение к предшествовавшей ему сербской литературе на церковнославянском и славя-

носербском языке, В. Караджич «не разрывал совсем и не порывал целиком связи со старой сербской литературно-книжной традицией, а тем самым до некоторой степени и с русским национальным литературным языком, сохранившим в своей структуре церковнославянизмы и следы церковнославянской орфографической традиции...»⁷⁷. Многие церковнославянские (и русские) слова, в том числе и те, которые В. Караджич не включил во второе издание своего словаря, продолжают жить в литературном языке сербов, хорватов, черногорцев и югославских мусульман. В дальнейшем развитии сербохорватского литературного языка отдельные церковнославянские по происхождению словообразовательные модели не только сохранились, но даже активизировались. Старославянские и церковнославянские (прежде всего в русской редакции) образцы влияли и на выбор лексем из диалектов сербохорватского языка, особенно на их семантику⁷⁸.

Издание «Нового завета» В. Караджича, наряду с появлением в том же 1847 г. книги Дж. Даничича «Борьба за сербский язык и правописание»⁷⁹, стихотворений Б. Радичевича⁸⁰ и поэмы «Горный венец» П. П. Негоша⁸¹, явилось переломным моментом в истории борьбы двух концепций литературного языка у сербов в середине XIX в. И В. Караджич и его противники заявляли, что они боролись за введение в сербскую литературу «настоящего сербского народного языка». Из высказываний некоторых современных исследователей может создаться впечатление, что различия между этими концепциями состояли лишь в принципе отбора лексики, и оба языка, предлагавшиеся в качестве литературных, были действительно народными. Н. Н. Соколов, например, писал, что в 1847 г. на народном сербохорватском языке у сербов было издано 71 литературное произведение и первый номер сербского журнала «Вестник сербской словесности» (Гласник српске словесности)⁸². Известно, между тем, что в 1847 г. в Воеводине и Сербии было издано всего около 80 книг⁸³. Если руководствоваться данными Н. Н. Соколова, можно сделать вывод, что в середине XIX в. народным языком в литературе пользовалось абсолютное большинство сербских писателей.

Между тем такой вывод был бы неправильным. Дело в том, что В. Караджич и его оппоненты, борясь за «настоящий народный сербский язык» в литературе, понимали этот народный язык по-разному. В. Караджич вводил в качестве литературного язык, основанный на новоштокавском (и)екавском восточногерцеговинском диалекте, ориентирующийся не только в лексическом, но и в грамматическом и словообразовательном отношении исключительно на живую речь сельского населения и на образцы фольклора, т. е. стремился сохранить его самобытную национальную специфику: он допускал употребление лишь минимального числа церковнославянизмов и русизмов⁸⁴, использовал новую графику и правописание, основанное на фонетическом принципе. Его противники боролись за сохранение господствовавшего тогда в сербской литературе славяносербского языка. О национальной специфике

этого языка судить затруднительно: в нем в различной степени паличествовали элементы штокавского экавского воеводинского диалекта, однако наряду с ними довольно стабильно и широко использовались и элементы церковнославянского языка русской редакции. Влияние церковнославянского языка отражалось не только в лексике, но и в значительной степени и в грамматике. А. Младенович, указывая на «известную языковую организованность» славяносербского языка, отмечает, например, что для него были характерны такие особенности, как обобщение окончания *-iju* в творительном падеже единственного числа существительных, женского рода на *-ост* (*милостију, радостију* и т. п.), употребление суффиксов *-ески, -ество* вместо народных *-(с)ки, -ство, -штво* (*мужески, јуначество, друшество* и т. д.), употребление префиксов *со-* вместо народного *са-* (*собрао, сотворио* и др.)⁸⁵. Таким образом, сторонники славяно-сербского языка не только в лексическом, но и в грамматическом и словообразовательном отношении ориентировались не на язык простого народа, а на язык «образованных городских сословий». Они допускали ничем не регламентируемое, подчас очень широкое употребление церковнославянизмов и русизмов, использовали старую славяносербскую графику и правописание, основанное на морфологическом принципе. Этот искусственный, смешанный язык не был ни народным, ни церковнославянским (язык лишь некоторых писателей можно назвать преимущественно народным, так как в нем народные элементы преобладали)⁸⁶.

В процессе работы над переводом «Нового завета» В. Караджич завершил теоретическую разработку своей концепции литературного сербохорватского языка. Введя принцип «общей правильности», он создал основу языка, не только общего для всех носителей штокавских диалектов, но и довольно близкого для говорящих на других диалектах. В. Караджич определил главные контуры и принципы дальнейшего развития литературного языка, обеспечивающие ему единую основу, связь с народными диалектами и возможности обогащения за счет новообразований и заимствований из других языков. Эта концепция была реализована в тексте «Нового завета», язык которого убедительно свидетельствовал о том, что В. Караджич отказался от монолитной диалектной базы, а создал образец некоего среднего языка на народной основе⁸⁷.

А. Белич, говоря о значении перевода «Нового завета», писал: «Этот перевод, хотя он и не был принят официальными кругами в Сербии и Воеводине, своими позитивными литературными особенностями влиял на молодое поколение, учил его, как следует сблизиться с родным языком, как сделать его в полном смысле слова орудием всей нашей духовной культуры. То, что поколение 50-х годов так быстро нашло себя и свой язык и начало свободно, а иногда и более чем свободно, употреблять его в литературе, в значительной степени является заслугой этой книги»⁸⁸. Готовя свой перевод, В. Караджич надеялся, что сербы будут читать его как книгу и по нему не только познакомятся с содержанием «Но-

вого завета», но и узнают настоящий народный язык⁸⁹. Эта цель была достигнута. Уже в 1857 г. вышло второе издание «Нового завета», в 1864 г. — третье, впоследствии он переиздавался неоднократно. Широкое распространение этой книги среди различных слоев сербского общества способствовало закреплению нового литературного языка и одновременно с этим усиливало в общественном сознании сербов представление об их этнической, культурной и языковой целостности и самобытности. Кодификация подлинно народного языка в качестве языка литературного явилась еще одним свидетельством самостоятельности сербов среди родственных славянских народов, их самобытности, этнокультурной общности и единства и тем самым способствовала ускорению дифференциации сербов от других этнических групп Балканского полуострова и формирования их национального самосознания.

Перевод «Нового завета» стал решающим актом в реформаторской деятельности В. Караджича. В нем был дан образец литературного языка, общего для всех сербов, говоривших на штокавских диалектах. В 1868 г. были сняты последние ограничения, мешавшие его функционированию в Сербии, в 1871 г. — в Воеводине. Новый сербохорватский литературный язык стал средством общения всех сербов, были устранены препятствия на пути его дальнейшего развития. Таким образом обеспечивалось «одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»⁹⁰, и тем самым — условие консолидации сербов в одну нацию.

¹ См., например: *Даничић Ђ.* Вуков пријевод Новог завјета. — В кн.: *Даничић Ђ.* Сјтњиј списи: Критика, полемика и историја књижевности. Сремски Карловци, 1925, кн. 1, с. 56—72 (статья написана в 1847 г.); *Срезневский И. И.* Рец. на кн.: Нови завјет Господа нашего Исуса Христа. Превео Вук Стефановић Караџић. Беч, 1847, с. XV, 607 — Журнал Министерства народного просвещения, 1848, т. LVII, отд. 6, с. 139—157; *Белић А.* Вукова борба за народни и књижевни језик. Београд, 1948, с. 229—256; *Павловић М.* Стил Вука Караџића, — Јужнословенски филолог, 1963—1964, кн. XXVI, св. 1—2, с. 44—50; *Грицак И.* Вуков превод Новог завета као споменик великог филолошког настојања. — Там же, с. 219—246; *Поповић М.* Вук Стеф. Караџић. Београд, 1964, с. 363—377; *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд, 1970, кн. 1, с. 56—69; *Мошин В.* Вуков Нови завјет. — В кн.: Сабрана дела Вука Караџића. Београд, 1974, кн. 10, с. 489—710.

² *Лециновская И. И.* Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 93.

³ *Достян И. С.* О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов. — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 228.

⁴ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Београд, 1961, кн. 1, с. 323.

⁵ Там же, с. 65—66.

- ⁶ Там же, с. 551.
- ⁷ Там же, с. 684.
- ⁸ Там же, с. 83.
- ⁹ Там же, 1961, кн. 3, с. 276.
- ¹⁰ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Београд, 1961, кн. 2, с. 280.
- ¹¹ *Младеновић А.* О неким питањима и особинама славеносрпског типа књижевног језика. — Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1978, кн. 21/1, с. 95—96.
- ¹² *Достјан И. С.* Плани основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. — В кн.: Славяне и Россия. М.: 1972, с. 98—107.
- ¹³ *Толстой Н. И.* К историко-культурной характеристике «славяно-сербского» литературного языка. — В кн.: Формирование национальных культур..., с. 279.
- ¹⁴ Наиболее четко такое понимание термина «славяносербы» выразил один из наиболее активных пропагандистов идей Д. Обрадовича П. Соларич: «Мы были славянами, а теперь мы — славяносербы» (*Соларич П.* Ключић у мое землеописаніе. Венеция, 1804, с. 9).
- ¹⁵ *Обрадовић Д.* Сабрана дела, кн. 1, с. 65.
- ¹⁶ *Толстой Н. И.* Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.). — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М.: 1979, с. 173.
- ¹⁷ *Раич И.* История разныхъ славянскихъ народовъ, наипаче болгаръ, хорватовъ и сербовъ, изъ тмы забвенія изъята и во свѣтъ историческій произведенная. СПб., 1795, с. 29.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Обрадовић Д.* Сабрана дела, кн. 2, с. 280.
- ²⁰ *Обрадовић Д.* Сабрана дела, кн. 1, с. 284.
- ²¹ Там же, с. 64.
- ²² Там же, с. 65.
- ²³ Цит. по: *Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов в конце XVIII—начале XIX в. — В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: 1978, с. 313.
- ²⁴ К. Попов в своей содержательной и интересной статье неправомерно включает в число писателей, борющихся за закрепление церковнославянского языка в сербской литературе Д. Обрадовича. (См.: *Попов К.* Общность и различие в образуето на балканските литературни езици — български и срѣбски. — Език и литература, 1975, № 1).
- ²⁵ Подробнее см.: *Гудков В. П.* Борьба концепций «славянского» и «простого» языка в истории литературного языка у сербов. — В кн.: Славянское и балканское языкознание, История литературных языков и письменность. М.: 1979, с. 208 и след.
- ²⁶ *Белић А.* Вукова борба..., с. 129.
- ²⁷ *Младенович А.* Норма и книжный язык у сербов во второй половине XVIII—первых десятилетиях XIX вв. — В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976, с. 118.
- ²⁸ *Видаковић М.* Предисловие. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Београд, 1894, кн. 1, с. 114—115.
- ²⁹ Там же, с. 114.
- ³⁰ Там же, с. 115.
- ³¹ *Видаковић М.* Примѣчаніе о сербскому языку. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића, кн. 1, с. 109—110.
- ³² *Кашић Ј.* Језик Милована Видаковича. Нови Сад, 1968, с. 115.
- ³³ *Караџић В.* Предговор. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Београд, 1894, кн. 2, с. 6.
- ³⁴ Там же, с. 5—6.
- ³⁵ *Видаковић М.* Примѣчаніе о сербскому языку, с. 107.
- ³⁶ *Dobrowsky J.* Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntniss für Böhmen. Pr., 1809, S. V—VI. Позднее он пришел к выводу, что старославянский язык по происхождению является сербско-македонско-болгарским

- (см.: *Dobrowsky J.* Cyrill und Method der Slaven Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch. Pr., 1823).
- ³⁷ *Караџић В.* Мали одвѣраћак на мали одговор М. Видаковића. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. књ. 1, с. 173. В этом языке довольно четко различались сербохорватские, церковно-славянские и русские элементы, поэтому в соответствии с современными правилами русской орфографии в термине «славяносербский язык», употребляемом в этом значении, мы сохраняем написание дефиса в отличие от термина «славяносербский», употребляемого в значении «сербский», «народный сербский».
- ³⁸ *Грицкат И.* У чему је значај и какве су специфичности славеносрпског периода у развоју српскохрватског језика. — В кн.: Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1966, т. 9, с. 65; *Младеновић А.* Норма..., с. 118. Н. И. Толстой предлагает более широкое понимание этого термина, различая «славяно-сербский язык на русской основе» и «славяносербский язык на сербской основе». (См.: *Толстой Н. И.* Литературный язык сербов в XVIII в. до 1780 г., с. 176). Ср.: *Младеновић А.* Нови радови Н. И. Толстоја из историје књижевног језика код Срба. — Зборник за филологију и лингвистику, 1980, т. 23/4, с. 212.
- ³⁹ *Младеновић А.* О народном језику Јована Рајића. Нови Сад, 1964, с. 12.
- ⁴⁰ *Ибровац М.* Копитар и Французи: Прилог биографији са неиздатом преписком. — В кн.: Зборник филозофског факултета Београдског универзитета. Београд, 1952, кн. 2, с. 193.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² [*Обрадовић Д.*] Етика или филозофија наравоучителна по системи г. професора Соави. Досифеємъ Обрадовичемъ издата. Венеција, 1803.
- ⁴³ [*Орфелин З.*] Плачь Сербїи еаже Сыни в различныхъ государства разсълиса. Обявлennyй от с.с. с. Млеци, 1761.
- ⁴⁴ *Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов в конце XVIII—начале XIX в., с. 298.
- ⁴⁵ Там же, с. 299.
- ⁴⁶ Там же, с. 300; *Деретић Ј.* Поетика Доситеја Обрадовића. Београд, 1970, с. 65.
- ⁴⁷ *Купа Н.* Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića. Sarajevo, 1970, s. 270—271.
- ⁴⁸ *Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов в XVIII в. (до 1780 г.), с. 189.
- ⁴⁹ *Младеновић А.* Однос између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове Вукове стандардизације. — Зборник за филологију и лингвистику, Нови Сад, 1969, књ. 12, с. 43—51; *Он же.* О неким рускословенским и српскохрватским језичким особинама у Орфелиновом «Магазину». — Зборник за филологију и лингвистику, 1970, т. 13, књ. 1, с. 110—116.
- ⁵⁰ *Стујковић С.* О међусобном односу неких рускословенских и српскохрватских особина у Орфелиновим песмама. — Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1970, т. 6, с. 26.
- ⁵¹ *Копитар Ј.* Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark, 1808, S. XVI, XXX.
- ⁵² *Караџић В.* Друга рецензија србска. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића, књ. 1, с. 159.
- ⁵³ *Караџић В.* Објављење о сербском рѣчнику. — Там же, с. 93.
- ⁵⁴ *Караџић В.* Предговор, с. 17.
- ⁵⁵ *Младеновић А.* Норма..., с. 126.
- ⁵⁶ *Караџић В.* Предговор, с. 17.
- ⁵⁷ *Караџић В.* Главне разлике између данашњег славенског и српског језика. — В кн.: Даница. Забавник за годину 1826. Изд. Вук Стеф. Караџић, Беч, с. 41—69.
- ⁵⁸ Там же, с. 41.
- ⁵⁹ [*Караџић В.*] Вука Стеф. Караџића и Саве Текелије: Писма високопреосвештеноме господину Платону Атанацковићу са особитијем додацима о српском језику. Беч, 1845.

- ⁶⁰ *Schafarik P. J.* Serbische Lesekörner, oder historischkritische Beleuchtung der serbischen mundart. Pesth, 1833, 135 s.
- ⁶¹ [*Караџић В.*] Вука Стеф. Караџића и Саве Текелије Писма високопреосвештеноме господину Платону Атанацковићу, са особитијем додацима о српском језику. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Караџића, књ. 3. Београд, 1896, с. 179.
- ⁶² Там же, с. 154.
- ⁶³ *Караџић В.* Друга рецензија србска, с. 159.
- ⁶⁴ *Поповић М.* Вук Стеф. Караџић, с. 372.
- ⁶⁵ *Караџић В.* Предговор. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића, књ. 3, с. 267.
- ⁶⁶ [*Караџић В.*] Вука Стеф. Караџића и Саве Текелије Писма високопреосвештеноме господину Платону Атанацковићу, са особитијем додацима о српском језику, с. 154.
- ⁶⁷ *Караџић В.* Предговор, с. 267.
- ⁶⁸ Там же, с. 266—270.
- ⁶⁹ *Караџић В.* Предговор, с. 25. Это обстоятельство, между прочим, дало основание некоторым исследователям отмечать, что В. Караджич в ряде случаев турецким словам отдавал большее предпочтение, чем славянским. См.: *Срезневский И. И.* (Рец. на кн.: Нови завјет Господа нашега Исуса Христа: Превео Вук Стефанович Караџић. Беч, 1848, с. XV, 607) — Журнал Министерства народного просвещения, 1848, т. LVII, отд. 6, с. 154; *Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов в конце XVIII—начале XIX в., с. 326.
- ⁷⁰ *Стејић Ј.* Езикословне примјетбе на предговоръ г. Вука Стеф. Караџића къ преводу Новогъ завјѣта. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића, књ. 3, с. 471—593.
- ⁷¹ См., напр.: *Ђорђевић П.* О Вуковом Новом завјету. — Богословље, књ. II, Београд, 1934, с. 97—115; *Џевић О.* О неким речима у преводу Новог завета. — Јужнословенски филолог, књ. XXVI, св. 1—2. Београд, 1963—1964, с. 401—412.
- ⁷² *Белић А.* Вукова борба за народни и књижевни језик, с. 245.
- ⁷³ *Поповић М.* Вук Стеф. Караџић, с. 372.
- ⁷⁴ Там же, с. 376.
- ⁷⁵ См. например: *Ђорђевић П.* Око старословенске (српкословенске) лексики у Вуковом рјечнику. — В кн.: Научни састанак у Вукове дапе: Реферати и саопштења. Београд, 1972, с. 79; *Ивић П.* Из дискусије. — Там же, с. 81.
- ⁷⁶ Так, например, В. Караджич писао: «Разве язык сам по себе не может совершенствоваться и улучшаться без (влияния) чужих языков? А как же смог греческий, который считается наиболее совершенным среди других языков». См.: *Караџић В.* Неколико ријечи мојим овогодишњим рецензентима. — В кн.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. кн. 2, с. 137.
- ⁷⁷ *Виноградов В. В.* Революционная роль Вука Караджича в формировании сербского национального литературного языка. — Анали филолошког факултета Београдског универзитета. 5. Вуков зборник. 11. Београд, 1965, с. 37.
- ⁷⁸ Ср.: *Толстой Н. И.* Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића. — Там же, с. 230.
- ⁷⁹ [*Даничић Ђ.*] Рат за српски језик и правопис. — Написао Даничић Ђ Будим, 1847, с. 63.
- ⁸⁰ *Радичевић Б.* Песме. Беч, 1887, књ. 1. 162 с.
- ⁸¹ [*Његош П. П.*]. Горскій Виенацъ, историческо событіе при свршетку XVII вјека. Сочиненіе П. П. Његоша, владике Црногорскога. Беч, 1847. 116 с.
- ⁸² *Соколов Н. Н.* Литературная жизнь в современной Югославской республике. УЗИС, 1948, т. 1, с.407. Позднее это утверждение не критически было воспроизведено В. В. Виноградовым в докладе «Революционная роль Вука Караджича в формировании сербского национального литературного языка» (с. 42) и мною в написанной совместно с Г. И. Сафроновым книге «Из истории русско-югославянских литературных и научных связей» (Л., 1975, с. 60).

- ⁸³ *Новаковић С.* Српска библиографија за новију књижевност. 1741—1867. Београд, 1869, с. 282—294.
- ⁸⁴ Основываясь на том, что В. Караджич допускал употребление в «Новом завете» и вообще в литературном языке «посербленных» церковнославянских слов, М. Попович делает вывод, что он боролся только против русизмов («слов и форм, которые русскими внесены в славянский письменный слог») и, создавая новый литературный язык, осуществил «слияние старого письменного языка» сербов, т. е. сербскославянского языка (церковнославянского языка сербской редакции) с живым языком сербского народа (*Поповић М.* Вук Стеф. Караџић, с. 370 и сл.). Для такого утверждения, как нам кажется, нет достаточных оснований. Используя в переводе «Нового завета» «посербленные» слова, В. Караджич тем самым указал на один из путей обогащения сербохорватского литературного языка за счет церковнославянской лексики. Этот акт не является свидетельством якобы осуществленного им «слияния» старого письменного языка и языка народного, так как число таких слов, введенных В. Караджичем, было незначительно. Выше было показано, что в течение всей своей деятельности и особенно после выхода «Нового завета» В. Караджич последовательно боролся за ограничение и сведение до минимума церковнославянских слов любого происхождения (в том числе и русизмов).
- ⁸⁵ *Младенович А.* Норма и книжный язык у сербов во второй половине XVIII—первых десятилетиях XIX в., с. 121 и сл.; *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971, с. 169 и сл.
- ⁸⁶ *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975, с. 37 и сл.
- ⁸⁷ *Новаковић С.* Српска краљевска академија и његовање језика српскога.— Глас српске краљевске академије. Београд, 1888, № 10, с. 62.
- ⁸⁸ *Белић А.* Вукова борба за народни и књижевни језик, с. 255.
- ⁸⁹ *Караџић В.* Предговор, с. 265—266.
- ⁹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.

СТАНОВЛЕНИЕ ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ХОРВАТСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XVIII—НАЧАЛА XIX в.

М. Л. Бершадская

В центре внимания автора стоят процессы формирования хорватской нации и его органической части — развития хорватской национальной культуры, охватывающие преимущественно период с 60-х годов XVIII в. по начало XIX в. Именно тогда в Хорватии так же как и в большинстве славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы начинают развиваться капиталистические отношения, пробуждается национальное самосознание, идет процесс складывания буржуазной нации и формирования национальной идеологии и национальной культуры. Это была эпоха необычайно сильного культурного подъема, формирования национальных языков и литератур, время зарождения национального театра и национальной периодики, отмеченное самым пристальным интересом к историческому прошлому народа, к его фольклору. Нацио-

нально-просветительское движение, охватывающее указанный период, в 30—40-е годы XIX в. перерастает в хорватское национальное возрождение, получившее название иллиризма.

Нам представляется в высшей степени плодотворным проследить разные фазы становления национального самосознания в научном и художественном мышлении хорватского общества, прошедшей эпоху далматинско-дубровницкого Возрождения XV—XVI вв. и спиравшейся на богатые традиции национального героического эпоса, который отразил исторический опыт хорватов, идею их кровного единства с другими югославянскими народами и всем славянским миром в целом.

Хорватия вошла в XVIII столетие в условиях иноземного (австрийского и венецианского) гнета, расчлененной на четыре части: Банскую Хорватию, Дубровник, Славонию, освобожденную из-под турецкого ига и присоединенную к Австрийской империи в 1699 г., и Венецианскую Далмацию, подчинявшуюся республике святого Марка вплоть до ее падения в 1797 г. Само собой разумеется, что подобное расчленение Хорватии на четыре части с тремя различными диалектами и с различными типами правописания в значительной степени осложняло и замедляло процесс становления национального самосознания и без того отягощенный рядом общественно-политических факторов.

Все это задерживало становление национального самосознания, тормозило развитие культуры в хорватских землях. Вместе с тем при оценке хорватской литературы XVIII в. следует также исходить из того, что «начальные этапы национальной культуры у каждого народа опираются на достижения развитых культур феодального общества, на наличие тенденций, элементов, а у некоторых народов — уже и определившихся явлений национальной культуры»¹. Таким «определившимся явлением национальной культуры» стало в Хорватии далматинско-дубровницкое Возрождение XV—XVI вв., представители которого неоднократно и очень плодотворно обращались к историко-патриотической и общеславянской проблематике.

Одним из основных жанров далматинской гуманистической литературы был жанр исторический. В этой области далматинские ученые создали несколько чрезвычайно интересных для всего славянского мира сочинений, таких как «О местоположении Иллирии и городе Шибенике» (1487) Юрия Шижгорича, «О происхождении и истории славян» (1532) Винко Прибоевича, в которых утверждалась мысль о единстве всех славянских народов от Адриатики до далекой Московии. Многие далматинские и дубровницкие историки не только считали славян автохтонным населением Балкан, но даже относили к славянам народы, ранее жившие на этой территории. Тот же Прибоевич доказывал, что славяне — мощный и многочисленный народ, расселившийся с Балканского полуострова; само название славян Прибоевич возводил к слову «слава».

XVII в. ознаменовался дальнейшим развитием хорватской историографии. Именно в этот период получает особенно широкое

распространение идея об этническом и языковом родстве славянских народов, у которых было столь славное прошлое и которых ожидает великое будущее. Тогда же были опубликованы первые сочинения, посвященные общей истории славян. Широкой известностью пользовался труд дубровчанина Мавро Орбини «Славянское царство» (1601), написанный на итальянском языке и переведенный (с сокращениями) на русский язык по приказу Петра Великого Саввой Владиславлевичем-Рагузинским в 1732 г. О содержании этой книги говорит уже ее подзаголовок: «Царство славян, которых неправильно называют склавонцами. Повествование дона Мавра Орбини, рагузского аббата, где говорится о происхождении почти всех народов, говорящих на славянском языке, и о многих различных войнах, которые они вели...; успехи их империи...; а в особенности их королей, которые в древности владели Далмацией, Хорватией, Боснией, Сербией, Распией и Болгарией». В этой книге «главной мыслью, — по утверждению хорватского историка М. Решетара, — является желание показать, насколько были сильны и славны древние славяне, что все славяне составляют один великий народ; среди современников и соотечественников Орбини пользовался большим успехом, пробуждая в них национальное самосознание и чувство солидарности с остальными славянами»².

Идея славянского единства, интерес к своему историческому прошлому, чувство национальной гордости и пафос свободолюбия стали основой не только исторических, но и многих художественных произведений, прежде всего историко-патриотических поэм, таких как «Вила словинка» Юрия Бараковича (1548—1628), «Дубровник возрожденный» Якова Пальмотича (1623—1680), «Взятие Сигета» Брне Крнаутича (1520—1572), «Разбой турок» Антуна Сасина (ок. 1524—1595), «Труба словинская» Владислава Менчетича (1600—1666).

Особенно яркое выражение нашли эти идеи в великом творении крупнейшего дубровницкого поэта XVII в. Ивана Гундулича (1589—1638), его эпической поэме «Осман». Изображая победу польских войск над турецкими в битве под Хотином (1621), Гундулич выдвигает на первый план поэмы идею всеславянской общности, необходимости объединения и совместных действий всех славянских народов в борьбе за свободу. Пример первой победы над турками под Хотином вдохновил поэта на то, чтобы призвать славян на дальнейшую борьбу до полного торжества идеи освобождения.

Крупнейшими писателями северной части Хорватии (т. е. автономного «Королевства Хорватия» в составе Венгерского королевства), обратившимися к разработке патриотической и всеславянской проблематики, стали Петр Зрински (1621—1671) и Юрий Крижанич (1618—1683). Первый из них перевел с венгерского языка знаменитую в истории венгерской литературы поэму своего брата Николы Зринского (Миклош Зрини) «Адриатического моря сирена» («Осада Сигета»), добавив к ней 100 новых строф. Поэма эта, посвященная героической борьбе и славной гибели венгерско-

хорватского полководца Николы Шубича Зринского (хорвата по происхождению), пронизана антигабсбургскими тенденциями и любовью к родной земле, к героическому хорватскому народу.

Идеалом Юрия Крижанича было всеславянское государство, представляющее политический и культурный союз равноправных славянских народов под эгидой России. В своих сочинениях «Политика или разговор об управлении», «О Сибири» и др. Крижанич пользовался созданным им искусственным «всеславянским» языком, представляющим собою смесь русского, хорватского и старославянского.

Мысли Крижанича о единстве славянских языков были для хорватской литературы далеко не новыми. Еще дубровницкий историк Лудовик Туберон—Приевич (1459—1527) в своей книге «Истолкование событий нашего времени» (*Commentaria suorum temporum*), утверждал, что славяне, живущие в Венгрии, пользуются тем же языком, что и далматинцы, и что чехи, поляки и далматинцы также имеют один славянский язык. Винко Прибоевич тоже полагал, что все славяне говорят на «далматинском» языке.

Фауст Вранчич (умер в 1617 г.), составивший фундаментальный лексикон пяти европейских языков, также говорил об этническом и языковом единстве славян, которые, по его мысли, ведут происхождение из русских земель.

Язык южных славян в то время чаще всего называли далматским или словинским. Иезуит Бартол Кашич (1575—1650) издал в 1604 г. в Риме грамматику «иллирского» языка и тем самым ввел в обиход новый термин, впоследствии получивший очень широкое распространение. Основой этого языка Кашич считал штокарское наречие, которое позже, уже в XIX в., легло в основу единого сербо-хорватского языка.

Идея славянского единства, выдвинутая в XV—XVI вв. писателями и учеными Далмации, укрепившаяся в XVII в. на почве возрастающих взаимосвязей славянских народов и усиления их борьбы с иноземным гнетом, приобретает новое звучание в XVIII в. Большое значение для эволюции хорватской исторической мысли имели сочинения Павла Риттера-Витезовича (1652—1713) и Адама Балтазара Крчелича (1715—1778).

Павел Риттер-Витезович является одним из самых выдающихся деятелей югославянской культуры конца XVII—начала XVIII в. Обладая энциклопедическими знаниями и необычайно широкими научными и литературными интересами, Витезович — так же как и многие предшественники и современники — был поборником идеи славянской общности. Вместе с тем Витезовича привлекали и проблемы национальной дифференциации югославянских народов. С этой целью он описал и сгруппировал по областям все югославянские земли и тщательно рассмотрел все названия, обозначающие представителей сербской и хорватской национальности. При этом он пришел к выводу, что «все южнославянское пространство представляет собой единое национальное целое и что наименования иллирийский, славянский (или словинский, славон-

ский) и хорватский являются лишь тремя синонимами одного и того же понятия»³. Выбрав из этих синонимов обозначение «хорватский», Витезович поступил совершенно справедливо, однако практически под определение «хорват» в его трудах попали все югославянские народы. Эта позиция Витезовича, отмеченная югославянским патриотизмом и религиозной терпимостью, нашла очень яркое выражение в его широко известной среди югославянских народов «Стематографии» (1701). Здесь автор рассматривает историю 56 областей древней Иллирии, помещает их гербы и пишет об основных проблемах освобождения южных славян, не обращая внимания на различие их вероисповеданий. В этом плане особенно характерен тот факт, что Витезович активно сотрудничал с религиозными и культурными деятелями Сербии и писал по их заказу историю Сербии. В другой своей работе он в каталог иллирийских святых внес не только католических, но и сербских православных святых, в частности представителей династии Неманичей, канонизированных после их смерти.

Подобной же широтой и терпимостью отмечен и подход Витезовича к проблемам литературного языка. К сожалению, основные лингвистические труды Витезовича не сохранились, но и дошедшие до нас работы свидетельствуют о том, что «его концепция о национальном единстве основывалась на идее, согласно которой это единство надо строить на основе равноправного участия и стихийного слияния всех отдельных частей при условии, что новое великое целое отнюдь не будет означать отрицания отдельных особенностей. В то время как другие лингвисты до него и в его время создавали литературный язык и его грамматику главным образом на основе одного наречия, а это значит отрицая все другие, он решение вопроса языка искал, опираясь на всеобщее богатство диалектов всех наших областей... Начав писать на чакавщине, он впоследствии приблизился к кайкавщине, чтобы в конце жизни ориентироваться на языковой синтез, в котором преобладало штокавское влияние»⁴.

Витезович оставил значительный след не только в развитии отечественной историографии и лингвистики, но и в развитии хорватской поэзии. Используя народно-поэтическую образность и метрику, он написал поэму, в которой изобразил важнейшие исторические события XVI—XVII вв., в том числе осаду Сигета и борьбу сеньских ускоков с турками. Яркое выраженный патриотический и общественный характер деятельности Витезовича, его борьба за единую хорватскую литературу и единый литературный язык делают его прямым предшественником деятелей национального Возрождения.

Деятельность Витезовича продолжил загребский каноник Адам-Балтазар Крчелич, автор широко известного исторического сочинения «De regnis Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae notitiae preliminaries» (1770), в котором критически рассматриваются важнейшие хорватские исторические документы с древнейших времен до начала XVII столетия. Будучи сторонником сильной королевской власти Габсбур-

гов и защитником прав хорватско-венгерских феодалов на земли, которые Витезович именовал «*tota Croatia*», Крчелич однако — и в этом его главная заслуга перед хорватской историографией — критически отнесился к стремлениям многих своих предшественников и современников чрезмерно расширить территорию обитания славян и включить в их число неславянские народы, например, иллирийцев. Он первым в истории хорватской культуры ощутил настоятельную необходимость перейти от «исторических панегириков» к подлинно научным историческим исследованиям.

На рубеже XVII и XVIII вв., в то же самое время, когда Витезович, находясь в Загребе, мечтал о создании Великой Хорватии, несколько оживилась культурная жизнь в далматинских городах, пришедшая было в упадок в последней четверти XVII в.

В этот период в Сплите публикует свою поэму «Богатство и убожество» Иероним Каванин (1640—1714). Итальянец по происхождению, получивший образование в Падуанском университете, Каванин тем не менее был страстным патриотом Хорватии и славянского мира. В VI—XVI песнях поэмы (а всего их в ней 30) автор изображает знаменитых людей славянского происхождения, причем замечательным личностям русской истории посвящена вся XIII песня. При этом внимание привлекает образ Петра Великого, которому Каванин предрекает блестящее будущее, победу над Османской империей и господство над восточными землями. «Твой бояре, твои полки, — обращается он к Петру I — свалят османских правителей и ты станешь восточным царем»⁵.

В VIII песне «Богатства и убожества» Каванин, обращаясь к проблеме происхождения славянских народов, считает всех славян потомками древних далматинцев:

«Чех, Рус и Лех, три молодых брата-далматинца,
Образовали три королевства.
Первый — Богемию,
Второй — Россию, сейчас именуемую Московией,
А третий выбрал польскую корону»⁶.

Интересен язык этой поэмы, представляющий не очень удачную смесь дубровницкого литературного языка и сплитского разговорного диалекта, свидетельствующий о стремлении Каванина (пусть и не очень успешном) создать единый литературный язык для всех далматинцев.

Одной из важных особенностей далматинской и дубровницкой литературы того времени было все более усиливающееся внимание писателей к фольклору. Эта тенденция особенно ярко выразилась в творчестве двух далматинских монахов: Филиппа Грабоваца и Андрия Качича-Миошича, явившихся непосредственными предшественниками хорватских просветителей второй половины XVIII в.

«Консервативный до мозга костей, связанный каждой каплей крови с нашей живучей крестьянской патриархальной средой, Филипп Грабовац (1695—1749) носил в себе старый глаголянский

протест и старую уверенность в том, что все, что чужеземец приносит в славянскую среду, представляет собой уродливое несчастье для народа и людей. В противоположность дворянской знати в Паннонии, он точно знал, что такое народ «иллирийский или же хорватский», он знал его стихийную и этическую постоянность, его подлинную и бессмертную силу, потому что и он сам вышел из этого народа... Этот монах был плохим поэтом, но в нашей новой истории, в период возникновения национального самосознания, он первый непосредственно обратился к народным массам с целью их разбудить и с призывом к единству и согласию:

«Далмация, корона мира,
ты спишь уже много лет.
Было много знаменитых людей,
но никто не смог тебя разбудить.
Грабовец поздно пришел
и взялся сам тебя будить.
А ну-ка проснись, встань
и со мной поговори...
Почему ты так низко пала
и в землю закопалась?
Где твоя старая сила,
Почему ты не такая, какой когда-то была?
Предатели тебя топчут
и не обращают внимания на то, чем ты когда-то была.
Если бы хорваты согласны были,
не были бы теперь в несчастье:
говоря, было бы у них согласие,
они бы могли управлять всем миром»⁷.

Стихотворные строки, которые цитирует хорватский историк, взяты из книги Грабовца «Цвет беседы народа и языка иллирийского или же хорватского», вышедшей в свет в 1747 г. Она состоит из двух частей в стихах и в прозе. Первая часть носит преимущественно религиозно-дидактический характер, вторая, более оригинальная и самостоятельная, написанная в форме исторической хроники, проникнута ярко выраженным стремлением автора пробудить национальное самосознание читателей. С этой целью он простым, доступным для народа языком излагает важнейшие события сербской и хорватской истории, перемежая изложение вставками народных песен.

Патриотический характер книги, призыв к свержению чужеземного гнета, заключенный в ней, вызвал гнев венецианских властей, конфисковавших сочинение Грабовца. Сам Грабовец был арестован и из Вероны, где он был военным священником, отправлен в печально известную венецианскую тюрьму «Сотто и пьомби». После следствия и суда он был переведен в другую тюрьму, где год спустя умер.

Начинание Грабовца продолжил А. Качич-Миошич (1704—

1760), посвятивший себя изучению национальной истории и фольклора. Опираясь на исторические факты и многочисленные народные предания и песни, записанные им, он пишет свою широко известную книгу «Разговор приятный народа словинского» (1756), составленную по словам автора «для бедных крестьян и пастухов». Так же как и Грабовец, Качич описывает наиболее значительные события истории югославянских и соседних с ними народов, начиная с древних времен и кончая серединой XVIII в., рисует героические образы борцов с турецким нашествием, приводит народные песни. Эта книга не только воспитывала патриотические чувства, но и была своеобразным итогом развития далматинской литературы на пути ее демократизации, сближения с народом и его культурой.

Сто лет спустя после смерти Качича выдающийся представитель иллиризма Векослав Бабукич писал: «Находится и будет находиться в рабстве каждый народ до тех пор, пока не узнает, что такое народная гордость», — сказал где-то в своих сочинениях сербский Анахарсис Доситей Обрадович. Эту же гордость народную пробудить в такой степени, как это сделал наш Андрия Качич-Миошич и у простого крестьянского народа, до сих пор еще никому не удавалось из наших многочисленных славянских литераторов; потому что во-первых, и в его жилах текла кровь героев, а во-вторых, он предмет своих стихотворений черпал из народной жизни, воспевая славные и богатые подвиги народных героев, и делал это простонародным... языком, которым и сам народ разговаривает и поет»⁸.

Весьма интересен тот факт, что Качич переписал свой «Разговор» кириллицей, предназначив его князю Потемкину, и послал ему этот экземпляр со стихотворным посвящением, в котором прославляет Потемкина как великого борца против турок. Рукопись эта хранится в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде.

Всего на шесть лет позже качичевского «Разговора» издал свою известную сатирическую поэму «Сатир или дикий человек» (1762) славонский просветитель Матия-Антуан Релькович (1732—1798). Однако его творчество — качественно новая страница в истории хорватской литературы. В произведениях Рельковича проявилось стремление прогрессивной хорватской интеллигенции путем просвещения разрешить назревавшие общественные вопросы и улучшить положение народа, которое на родине поэта, в Славонии, сто пятьдесят лет находившейся под турецким гнетом, было сложным и нелегким.

Матия-Антуан Релькович родился в семье офицера-граничара и в шестнадцать лет поступил в австрийскую армию, где дослужился до звания капитана. Будучи участником Семилетней войны, Релькович попал в плен и провел несколько лет во Франкфурте-на-Одере, где познакомился с немецкой и французской просветительской литературой.

Свою литературную деятельность Релькович начал в 1761 г. с издания молитвенника, предназначенного для славонских солдат,

лишенных возможности во время богослужения петь молитвы на родном языке. С этой целью Релькович переводит на хорватский язык несколько молитв и публикует их, сопроводив свой перевод предисловием, которое отражает не только личный жизненный опыт Рельковича, но и его просветительскую ориентацию. «Воюя в чужих странах, мы видели, дорогие мои герои, как хорошо устроены повсюду церкви и общественные учреждения; и только тот не сможет воспользоваться приобретенным опытом, кто ничего не знает и ничему не обучен... А жизнь такого человека подобна дню, лишенному солнца»⁹. Подобные мысли Релькович будет высказывать и впоследствии, стремясь избавить своих соотечественников от отсталости и невежества, дабы их жизнь не была подобна «дню, лишенному солнца». Весь военный опыт — и его собственный, и его соотечественников — является, по мнению, Рельковича, школой для молодых людей, имеющих возможность увидеть «прекрасно возделанные земли, образцовые крепости, благородные города, процветающие села». «Кто при этом, — спрашивает Релькович, — не сравнит их со своей собственной отчизной, кто не захочет представить себе, какой бы она была и какой может стать, если убрать с дороги камни, оставленные турками, т. е. предрассудки и скверные обычаи, оставшиеся от них»¹⁰.

Подобными настроениями и проникнута написанная в Германии поэма «Сатир», изданная в Дрездене в 1762 г. В ней Релькович рассказал о прошлом величии Славонии и о ее тяжелом современном состоянии, являющемся во многом последствием полуторауголового гурецкого гнета. Релькович обличал недостатки быта и нравов, вредные обычаи, доставшиеся славонцам в наследство от турок — «турецкие школы» лени, невежества и суеверия.

Все недостатки общественного и хозяйственного устройства Славонии он рассматривал как результат невежества, духовной нищеты, незрелости мысли, господства вредных предрассудков. Истинное и подлинное благополучие — по мнению Рельковича — является результатом просвещения ума. Именно поэтому Релькович так стремился в своей поэме дать читателям как можно больше нравственных и хозяйственных советов, призванных исправить их недостатки.

Вскрывая и остро критикуя общественные и нравственные пороки своих современников, Релькович стремился помочь им преодолеть привитые турками обычаи, воскресить чувство национальной гордости за свою — столь славную в прошлом — родину. Вся первая часть поэмы и посвящена восхвалению героического прошлого Славонии. Ее сыновья, утверждает поэт-просветитель, всегда славно сражались с врагом, поэтому их и называли славонцами. В глубокой древности, продолжает он, — Славонией правил король Иллирик, создавший королевство Иллирию, из которого и произошли все славянские народы. Как видим, и Релькович не смог избежать влияния «иллирийской» теории, оказавшейся в Хорватии столь популярной и живучей.

Славонский просветитель понимал важную роль национального чувства в деле национального прогресса и стремился к пробужде-

нию национального самосознания хорватского народа, долгое время подавлявшегося иноязычным, иноверным миром угнетателей.

Однако для Рельковича — в отличие от его предшественников — характерен принципиально новый подход к национальной проблеме. Исторический общеславянский, югославянский, иллирийский аспект играет и в «Сатире» весьма важную роль в ее истолковании, но на первом плане все-таки стоят бытовые, нравственные, социальные аспекты. Родовая, религиозная, языковая общность перестают быть единственными критериями для оценки бытия народа, ибо к ним присоединяется критерий нравственно-социальный, учитывающий развитие материальных связей в зависимости от нужд и потребностей зарождающихся буржуазных отношений.

Отказ от бездумного восхваления всего славянского, христианского, признание того факта, что это славянское, христианское подвергалось отрицательному влиянию турецкого, мусульманского мира были причиной того, что с резкой критикой «Сатира» выступили многие католические деятели. Так Джууро Рапич издал в 1765 г. книгу «Сатир прирученный», направленную против Рельковича. Рапич утверждал, что исцеление всех недугов — вера. Появилась и анонимная книга против Рельковича «Тамбураш Славонский» (1767). В защиту Рельковича выступил талантливый сатирик Вид Дошен (1720—1778). В многих своих произведениях и особенно в сатире «Змей семиглавый» (1768) он обличал реакцию, в моральном отношении ставил крестьян выше дворян, однако пытался примирить религию и просвещение. В 1788 г. против Рельковича выступил Антуан Иваношич, противопоставлявший просвещению веру, чудеса, терпение и страдание как средства морального очищения. В этой борьбе участвовали и другие общественные и научные деятели, например, уже упоминавшийся выше, историк Адам Балтазар Крчелич, ставший на сторону Рельковича.

Таким образом, демократические тенденции в литературе постепенно укреплялись.

Их дальнейшее развитие и углубление связано с деятельностью хорватского драматурга конца XVIII—начала XIX в. Тито Брезовачкого (1757—1804), значительно расширившего социальный круг героев художественной литературы, представившего самые различные слои тогдашнего общества.

В отличие от Рельковича, изображавшего в своем творчестве славонское село, Брезовачки уделяет преимущественное внимание жизни города, отразив некоторые начальные этапы урбанизации, общественно-политического и экономического развития в Хорватии. В условиях распада дворянства и усиления отдельных крестьянских семей хорватские города (в данном случае — Загреб) становились средоточием наиболее предприимчивых крестьян, откупившихся от феодальной зависимости и отправлявшихся в город на поиски новой жизни, а также разорившихся дворян, вынужденных поступать на службу. Брезовачки очень хорошо почувствовал, что его время создает чрезвычайно интересный тип предприимчивого человека, ничем не брезгующего во имя достижения материальных благ, независимо от того,

является ли этот «рыцарь первоначального накопления» безграмотным выходцем из крестьянства или разорившимся дворянином, облаченным в пышную судейскую мантию блюстителя отживающего феодального порядка.

Сложнейшие социальные процессы городской действительности и стали материалом для двух комедий Тито Брезовачкого — «Матияш, чародей — ученик» (1804) и «Диогенеш» (эта комедия, видимо, была написана Брезовачким менее года спустя).

Первая из них посвящена проделкам молодого и энергичного студента Матияша, выдающего себя за «начинающего чародея». Матияш издевается, над сапожником Смолко, который одержим жаждой разбогатеть, над обедневшим дворянином-юристом Юговичем, мечтающим поправить свои дела женитьбой на дочери состоятельного скорняка Вуксана, над жадными и беспутными чиновниками, существующими за счет взяток и шулерства. Сатирические портреты всех этих персонажей оттеняют образ главного героя, в котором воплощен просветительский идеал образованного и разумного человека, ненавидящего праздность, жадность и суеверия. Об этом свидетельствуют дух смелого протеста, которым проникнуты речи Матияша, судьба дворянина Юговича, мечтающего о браке с дочерью простого скорняка.

Об этом говорит и вторая комедия Брезовачкого — «Диогенеш». В центре комедии — ловкий и умный слуга Диогенеш и студент Змекниреп, играющий ту же роль, что и Матияш. Перед этими героями проходят представители всех сословий тогдашней Хорватии, с которых они беспощадно снимают маски, показывая их моральное ничтожество.

Первым появляется дворянин Светлоглас, королевский советник, который получает огромную плату за несколько должностей сразу, между тем как всю работу за него выполняют многочисленные, нищенски оплачиваемые секретари. Написанный с нескрываемым сарказмом, этот образ свидетельствует о ненависти Брезовачкого к бюрократическому аппарату, стоящему на службе дворянских привилегий. Рядом с фигурой Светлогласа стоит Себирад, управляющий богатым имением, который за несколько лет службы сумел построить себе дом и собрать весьма значительную сумму денег. Диогенеш открыто заявляет Себираду, что он смог достичь этого только благодаря тому, что обкрадывал своего господина. В сатирических тонах изображает Брезовачки и доктора Похаби (т. е. калечащего своих пациентов), и цирюльника Гулибрада.

Более сложным было его отношение к торговцам Шундibunди и Пазаровичу. Людей этой профессии Брезовачки также критиковал, утверждая, что «торговля и истина несовместимы». Вместе с тем считая, что страна богатеет именно благодаря торговцам, Брезовачки относился к ним с некоторой долей симпатии, чего нельзя сказать о его отношении к дворянству.

С полным сочувствием и пониманием драматург относился только к хорватскому крестьянству, задавленному бесчисленными налогами и податями (напр., крестьяне Загорья, родного края Брезовачкого,

платили более тридцати податей в пользу государства, феодалов и церкви). По сути дела комедия «Диогенеш» была первым в хорватской литературе произведением, в котором крестьяне изображались не как шутовские карнавалы, а как достойные уважения и сочувствия люди.

Брезовачки точно отражал не только социальную, но и этносоциальную структуру общества. Неслучайно один из его торговцев носит типично хорватскую (Пазарович), а второй — юмористическую, инациональную фамилию (Шуддибунди). Подобная ситуация ярко характеризует соотношение национальных и инациональных элементов в торговом сословии.

Таким образом Брезовачки описал все социальные слои своего времени (дворянство, мелкую буржуазию, ремесленников, чиновничество, торговцев, крестьян), показал процесс разложения дворянства и его последствия, дал ценные сведения о путях создания бюрократического аппарата, о взаимоотношениях отдельных социальных слоев между собой, о торговых связях Хорватии с другими землями.

Как видим, в анализируемых комедиях Брезовачкого собственно национальные аспекты отражены гораздо слабее, чем социальные. Однако Брезовачки уделял значительное внимание и разработке национальной темы, посвятив ей многие поэтические произведения, в частности широко известное в то время латинское стихотворение «*Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae, trium sororum recursus ad novum pro-regum comitem Joannem Erdödy*». В этом произведении нашел отражение хорватско-венгерский конфликт 1790 г. Три сестры: Далмация, Хорватия, Славония обращаются к новому бану Ивану Эрдеди с просьбой защитить их от венгров, которые стремятся отнять у них свободу и заменить их родной язык «грубым скифским» (т. е. венгерским) наречием, пытаются навязать им свои якобы «дикие» обычаи и порядки. Поэт возмущается поведением тех представителей хорватского народа, которые готовы смириться с насилием и отказаться от борьбы за свободу.

Это произведение, так же как и другие стихотворения Брезовачкого, посвящено национально-патриотической проблематике: утверждению единства всех хорватских земель, прославлению их героического прошлого, призыву не посрамить традиций, завещанных предками и т. д.

Сильной стороной творчества Брезовачкого является новаторская попытка рассмотреть социально-экономический, политический и национальный аспекты современности в их неразрывной взаимосвязи. Подобный подход позволяет нам говорить о новом, более высоком уровне хорватского общественного сознания, в формировании которого немалую роль сыграла просветительская идеология.

Даже краткий обзор произведений хорватских просветителей XVIII—XIX вв. и их предшественников позволяет прийти к следующим выводам.

Процесс складывания хорватской национальной идеологии в XVIII в. шел интенсивно и опирался на богатые традиции, заложенные представителями далматинско-дубровницкого Ренессанса и хорватской общественной и художественной мыслью XVII столетия. Кроме этих традиций важную роль в развитии указанного процесса играл фольклор, воплотивший исторический опыт хорватов, идею их родства с другими югославянскими народами и всем славянским миром в целом.

Наличие сильной национально-патриотической традиции привело к тому, что рассмотрение национальной проблематики велось хорватскими историками указанного периода под влиянием идей славянской общности, идей этнического единства южных славян, в результате чего «национальное если и не растворялось в славянском, то было ему очень близко»¹¹. Кроме идеи славянского единства некоторой национальной неопределенности концепций хорватских просветителей способствовала и «иллирийская» теория, необычайно живучая и популярная в Хорватии не только в XVIII, но и в XX в. Один лишь Крчелич сумел не только отказаться от смешения славян с иллирийцами, но и понять необходимость перехода к новым историографическим принципам.

Таким образом, важнейшим достижением хорватской историографии XVIII в. — с точки зрения формирования национального самосознания — явилось утверждение П. Риттера-Витезовича о том, что главным критерием единства и целостности нации является язык. Такое толкование было весьма распространенным среди европейских просветителей и несомненно передовым для той эпохи.

Так же как и на предшествующем этапе развития идея национальной самобытности и целостности хорватского народа привлекала не только историков, но и авторов художественных произведений. При этом четких границ между художественным и историческим мышлением не было. Очень часто художественное произведение являлось сплавом собственно литературных элементов, истории и фольклора. Особенно ярко это проявилось, например, в творчестве А. Качича-Миошича.

Некоторые хорватские просветители выступали с резкой критикой господствующей нации, но, например у Рельковича, эта критика велась с целью утверждения идей разума, просвещения и борьбы против невежества и фанатизма.

Представляет интерес и тот факт, что внимание некоторых авторов к «народу», «нации» привело их к пониманию сложной социальной структуры общества, как это произошло в творчестве Т. Брезовачкого.

¹ Злыднев В. И. Некоторые аспекты изучения проблем формирования национальных культур. — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 15—16.

² Решега М. Орбини Мавр. — Народна Енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Београд, 1927, с. 212.

- ³ *Sišić F.* Hrvatska historiografija od XVI. do XX. stoljeća. — Југославенски историски часопис, 1935, № 1—2, с. 45.
- ⁴ *Crnja Z.* Kulturna historija Hrvatske. Zagreb, 1962, s. 314, 315.
- ⁵ *Kavanjin J.* Bogatstvo i ubožstvo. Zagreb, 1861, s. 139.
- ⁶ *Ibid.*, s. 248.
- ⁷ *Crnja Z.* Kulturna historija..., s. 324—325.
- ⁸ Цит. по: *Crnja Z.* Kulturna historija..., s. 325—326.
- ⁹ *Kombol M.* Povijest hrvatske književnosti do Preporoda. Zagreb, 1961, s. 367—368.
- ¹⁰ *Ibid.*, s. 368.
- ¹¹ *Мыльников А. С.* Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: Формирование национальных культур, с. 46.

К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО САМОНАЗВАНИЯ БОЛГАР В ЭПОХУ ИХ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Г. К. Венедиктов

В 1858 г. в издававшемся в Константинополе журнале «Български книжици» была опубликована небольшая заметка под названием «Собственно о наименовании *болгарин*»¹. Автор ее не указан, но есть мнение, что она написана И. Богоровым² — известным деятелем национально-культурного возрождения Болгарии. То, что эта заметка может принадлежать его перу, подтверждается как самим ее содержанием, о чем речь пойдет ниже, так и тем, что она вышла в свет в одном из выпусков журнала, которые редактировал Богоров. Заметка эта начинается словами: «Странно в самом деле, что столь многочисленный народ (имеется в виду болгарский. — Г. В.) еще не знает, как правильно писать свое имя»³. Заканчивается она так: «Нам кажется, что никто не имеет права коверкать («да искривява») по своей воле имя народа без общей договоренности («без общий зговор») и заставлять миллионы людей ломать свой язык по пришедшим кому-то в голову орфографическим правилам, или, наконец, потому, что так обстоит дело в их селе»⁴.

Заметка эта крайне любопытна и показательна как свидетельство высокого уровня развития национального самосознания, достигнутого болгарами к середине прошлого века, когда идея национального единства уже владела болгароязычным населением и когда образованным и патриотически настроенным представителям болгарского общества было уже не безразлично, каким должно быть общеполгарское, т. е. национальное, литературное самоназвание болгар.

Вопрос, поставленный в цитируемой заметке, был порожден тем, что в написании этнонима *болгарин*, *болгары* в середине XIX в. у болгар царил разнобой. В книгах, журналах, газетах того времени можно встретить: *болгаринъ*, *българинъ*, *бжлгаринъ*, *българинъ*,

българинъ, блъгаринъ, бльгаринъ, бугаринъ и др. Чаще других встречались написания *болгаринъ, българинъ* и *блъгаринъ*, о которых прежде всего и пойдет речь. Различия в написании этого этнонима, отражающие соответствующие различия в его произношении, касаются, как это видно и из перечня приведенных вариантов, корневой части этнонима между буквами (соотв. звуками) *б* и *г*: *ол, ъл, лъ, у* и др. Эти различия в написании и произношении самоназвания болгар обусловлены, с одной стороны, книжной традицией церковнославянского письма, достаточно широко распространенного у болгар в XVIII—первой половине XIX в. (*болгаринъ*), а с другой — разным произношением сочетания согласного *л* и соседствующего с ним гласного, который в этом этнониме, как и в других словах, в одних говорах предшествует согласному (*българин*), а в других — следует за ним (*блъгарин*); в говорах юго-западной части болгароязычной территории вместо *ъл* или *лъ* произносится *у* (*бугарин*). Сам звук *ъ* книжниками той поры обозначался разными буквами, что создавало картину еще большей пестроты в написании самоназвания болгар (ср.: *българинъ, бжлгаринъ, балгаринъ, българинъ, балгаринъ, бьлгаринъ*; ниже написания данного этнонима приводим без конечного *ъ*).

Значительный разноречивостью в написании и произношении самоназвания болгар в середине XIX в. отражал общее состояние неустойчивости орфографии и орфоэпии сформировавшегося литературного языка, связанное с тем, что ввиду некодифицированности норм языка книжники того времени следовали разным принципам его нормализации и опирались на разные местные говоры (диалекты), как правило, каждый на свой родной. История литературного самоназвания болгар, которое болгары употребляли и предлагали установить в качестве общеполитического, тесно связана с решением двух важнейших общих вопросов истории современного болгарского литературного языка: 1) об основе — чисто народной или архаизованной (церковнославянизированной) в большей или меньшей степени; и 2) о диалектной базе этого языка. С тем, как решались эти общие вопросы, было непосредственно связано и решение одного более частного, но в истории современного литературного языка (особенно в истории его орфографии и в меньшей мере орфоэпии) чрезвычайно важного и сложного вопроса, имеющего прямое отношение к установлению литературного самоназвания болгар. Мы имеем в виду вопрос о месте звука *ъ* в сформировавшемся литературном языке и о предлагавшемся разными книжниками его обозначении. В зависимости от того, какой основе — архаизованной или чисто народной — следовали в своей литературно-языковой практике книжники, в качестве литературного самоназвания болгар ими предлагался или книжный (церковнославянский) вариант с гласным *о* — *болгарин*, отражающий произносительную и орфографическую норму церковнославянского языка, или один из вариантов этого этнонима с другим гласным — не *о*, отражающий особенности его произношения в местных говорах (*българин, блъгарин* и др.).

Рассмотрим сначала книжный вариант *болгарин*, который ут-

верждался в качестве литературной нормы прежде всего сторонниками создания архаизованного типа литературного языка. За его признание выступали, однако, и некоторые книжники, придерживавшиеся в целом чисто народной основы литературного языка.

Вариант *болгарин* в формировавшемся литературном языке прошлого столетия — слово, несомненно, книжного происхождения. Его источник — церковнославянский язык. Сторонники архаизаторского пути создания литературного языка избрали этот вариант этнонима не только потому, что он представлен в церковнославянском, но еще и потому, что другие его варианты, а именно те, которые содержат звук *ъ*, были для них совершенно не приемлемы в силу их отрицательного отношения к некоторым специфическим особенностям живого народного языка. Они полагали, что в создававшемся в XIX в. болгарском литературном языке не следует закреплять ряд характерных черт народного языка, в том числе членных форм и звука *ъ*, отсутствующих в церковнославянском языке, и что вместо них следует избрать церковнославянское написание слов (и произношение). Например, вместо *дѣбъ, сѣн, пѣрво*, как произносятся эти слова в некоторых народных говорах, следует писать и произносить — в соответствии с церковнославянской нормой — *дубъ, сонъ, перво*. Ориентация на церковнославянский язык объясняется тем, в частности, что болгарские книжники первой половины XIX в. считали церковнославянский собственно древнеболгарским языком и что он должен быть использован в качестве критерия правильности при утверждении тех или иных норм нового литературного языка.

Отвергая некоторые особенности народной речи, сторонники известной архаизации литературного языка обычно расценивали их как грубые, неблагозвучные явления, свойственные только речи необразованных болгар. В этом отношении типично мнение одного из виднейших представителей архаизаторского направления в создании литературного языка Хр. Павловича, изложенное в предисловии ко второму изданию «Славяноболгарской грамматики» (1845). В ней сравнительно с первым изданием (1835) новоболгарский в своей основе язык значительно архаизирован путем введения ряда черт церковнославянского языка и устранения некоторых характерных особенностей народной речи. Объясняя мотивы изменений в языке «Грамматики» и давая оценку некоторым языковым явлениям, Павлович писал (приводим текст средствами, приближенными к современной болгарской графике, без перевода, чтобы дать представление о характере литературного языка, который отстаивал этот книжник в середине 40-х годов XIX в.): «... Издавамъ ю («Грамматику». — Г. В.) уже второ многу по совершенно от първия: защо многу недостатки въ ней дополнихъ, излишня (кои то са членове) изгнахъ, падежи умножихъ и къ Старо-Болгарскому (Славенскому) языку ю приближихъ, щото да можешъ и ты, мила юности, да списувашь гладко и сладко, еще же и сошь ритмы, какъ то и сродни тебѣ Сербинъ, думамъ, и Русъ, а простый слогу простымъ да оставяшь сошь о, атъ, та та та, то то то и сошь разны други гнусоты

сиречь ж, ѝж, и други, кои то се въ тыя времена, от небытия произведени, появиха, да го украшаватъ или, по добре, огнушаватъ: защо сички тии с воистинну квась Фарисейский, кой то осквернява сичкое смѣшение, сирѣчь причинява языку безобразие, гнусота и премногое потемнѣние, а наипаче реченая ж и ѝж коихъ силу и произношение само Бжлгари знаятъ, а Болгаринъ нити единъ не познава, нити находя да нѣкое отъ нихъ въ Старо-Болгарскомъ языкѣ, или, по добре, въ сущей майцѣ, с чиею цыцею е неговъ Ново-Болгарский отдоевъ. Она ги нема: и нема ги, защо то и са непотребни, а непотребное майцѣ, непотребно быва и дщерѣ, защо то дщера подобна е майцѣ; нити ражда жена обезяну (маймуна), или обезяна челоуѣка: понеже това е естеству противно, какъ то сички реченни языку Новоболгарскому»⁵.

В приведенной цитате, отражающей общий подход Павловича к нормализации литературного языка, применительно к рассматриваемому в настоящей статье вопросу обращают на себя внимание два момента. Во-первых, юсы (здесь и ниже речь идет о юсах больших), которыми многие его современники в 40-е годы (И. Богоров, Н. Геров, Г. Бусилин, И. Стоянов и др.) исключительно или наряду с другими буквами (например, њ, ѣ) обозначали звук њ, Павлович причислил к «гнусностям», неизвестно откуда взявшимся и лишь уродовавшим язык. Среди них именно юсы вызывали у Павловича особенно отрицательную реакцию, поскольку они якобы более других обезображивали язык и лишали его необходимой ясности. Во-вторых, Павлович ясно разграничивал, с одной стороны, «простой слог», т. е. живой народный язык, с отмеченными им разными «гнусностями», и, с другой стороны, лишенными этих «гнусностей» и приближенный к церковнославянскому (принимаемому им за собственно древнеболгарский), язык литературный, который в противоположность «простому слогу», с позиций Павловича, можно было бы определить как «высокий слог». «Простой слог» присущ «простым», т. е. не получившим образования, неграмотным болгарам (ср.: «простый слогъ простымъ да оставяшь»). Другой слог — достояние образованных, культурных болгар. Он предназначен и для того, в частности, чтобы «писать гладко и приятно, а также и с рифмами», т. е. и для стихотворства.

Внимательное прочтение приведенной цитаты легко убеждает в том, что Павлович достаточно ясно указывает на социальную принадлежность каждого из названных «слогов», т. е. типов языка, и что каждому из них, по его мнению, должен быть присущ свой вариант наименования болгар: народному («простому слогу») — вариант *българи* (с гласным њ, который Павлович, передавая написание данного звука его защитниками, обозначает юсом), а литературному языку в отличие от «простого слога» — вариант *болгари* с гласным о. Ср. у Павловича: «силу и произношение» юсов, обезображивающих язык, «само Бжлгари знаятъ, а *Болгаринъ* нити един не познава нити находя да нѣкое отъ нихъ въ Старо-Болгарскомъ языкѣ» (курсив паш. — Г. В.).

Другие примерженцы архаизованного типа литературного языка

тоже отвергали звук ъ и необходимость его отображения на письме. Так, К. Фотинов считал, что этот звук, обозначаемый некоторыми из его современников юсами, — не исконно болгарский, а привнесённый извне (как он полагал из татарского), которого не было в языке Кирилла и Мефодия и нет в речи подавляющего большинства болгар. Этот гласный («това юсово звучене», определяемое им и как «странно звучене», «иностранно звучене», «иностранно юсово от нос произношение») встречается, по его мнению, «совсем редко»: он присущ речи лишь немногих необразованных обитателей лачуг в Стара-Планине. Согласно принципу устройства литературного языка с ориентацией на безъюсовый церковнославянский язык («церковное наречие»), Фотинов отвергает звук ъ и его различные обозначения и признаёт единственно правильным «гладкое и подлинное народное произношение» звуков на месте этого ъ и их обозначение с помощью букв *a, e, o, y*, т. е. именно так, как писались соответствующие слова в церковнославянском (например, *слава, перво, создание, мужъ*)⁶. В соответствии с этим и в написании самоназвания болгар Фотинов следовал церковнославянской традиции и писал его не с «чужезычным» ъ, а с *o* — *болгарин, болгаре*.

Подобной практики придерживались и другие книжники, ориентировавшиеся при нормализации болгарского литературного языка в большей или меньшей мере на церковнославянский. Важно при этом подчеркнуть, что почти все они, подобно Павловичу, не просто выступали против закрепления звука ъ в литературном языке и того или иного его обозначения, но нередко и всячески поносили его. Поскольку вопрос этот имеет непосредственное отношение и к истории литературного самоназвания болгар, приведем еще два три высказывания книжников середины XIX в. как иллюстрацию их острой, чрезвычайно отрицательной реакции на попытки современников утвердить звук ъ и его графическую передачу в литературном языке.

О том, что выступления против звука ъ и после Павловича носили действительно очень острый характер, можно судить по небольшой заметке (без заглавия) некоего Драгойского, опубликованной в 1851 г. В ней подвергнут критике язык изданных к тому времени книг И. Богорова и прежде всего, хотя это прямо и не сказано, то, что Богоров последовательно отражает в них звук ъ, обозначая его юсом. Драгойский пишет, что Богоров полагает, будто только он один умеет писать по-болгарски, между тем как язык его книг в действительности гнусный и смешной («гнуснав и смехлив»). По мнению Драгойского, Богоров слышал «от некоторых совсем старых и убогих беззубых старопланинских старух и греков, которые, с одной стороны, потому что не имеют во рту зубов, а с другой стороны, потому что слепая простота из-за обстоятельства времени изменяла в их среде природный древнеболгарский язык, не могут произнести слово хорошо и чисто («остро»), а говорят на языке, на котором и г-н Андреев (Богоров. — Г. В.) издает Граматики, Географии, Истории и разные другие книги» и на котором якобы говорят только неграмотные старухи, пастухи-валахи да цы-

гане-веретенщики (это «просто-старо-бабо-влахо-вѣртинаро-циганоболгаро-никаквыи языкъ»). Далее Драгойский отмечает, что Богоров думает, будто его книги используются в школах в качестве учебных пособий и потому «старается и еще издавать, чтобы учились его *блжгарски-е* дети. — Хорошо! Каждому приятно такое новое предприятие. Однако *болгарски-е* дети, прежде чем взяться за чтение его книг, должны с помощью клещей вырвать свои зубы из рта или должны родиться совсем беззубыми, чтобы могли их читать, и все, подобно г-ну Андрееву (Богорову. — Г. В.), должны быть достойны осмеяния («за смях») и гнусавы, как старопланинские неграмотные старухи» (курсив наш. — Г. В.)⁷. Драгойский советует Богорову — этому «блестящему филологу болгарскому» — оставить чистой бумагу, не марать ее своими писаниями, чтобы ее можно было использовать для более достойных целей, а не для продажи в ней черного перца в бакалейных лавках.

Как видим, и Драгойский противопоставляет два варианта написания этнонима *блжгарин* и *болгарин*, относя первый к необразованным старухам и детям, живущим в области Стара-Планины, в говорах которой широко представлен звук *ѣ* (в обозначении Богорова — юс), а второй — к образованной части болгарского населения. То, что изложенное выше имеет прямое отношение к самоназванию болгар, видно и из следующего. В конце заметки Драгойский указывает, что написание *блжгаре*, посредством «таких смешных букв» неправильно и что следует писать *болгаре*, как это делает в своей заметке и сам Драгойский (см. п производные имена в ней — *Болгаря*, *болгарски*). Доказывая это, он в отличие от Павловича и Фотинова, опиравшихся на церковнославянский язык, исходит из этимологии данного этнонима: Драгойский считает, что наименование *болгаре* происходит от имени болгарского царя *Болга*, точнее — от места обитания болгар на Волге, реке в России, а не от имени царя *Блжгъ* или реки *Бльга*.

Крайне неодобрительно к введению юса и обозначению им звука *ѣ* отнеслись К. Теодорович и Г. Владикин, которые считали, что болгарский литературный язык («книжный наш языкъ») должен быть «нито много высокоъ стиль нито пакъ совсемъ униженъ и испорченъ, но колико е возможно да ся приближаваме къ славенскому». Использование юса для обозначения звука *ѣ*, имеющего, как они писали, «настоящее цыганское произношение», Теодорович и Владикин расценивали как стремление некоторых книжников польстить чувствам необразованных людей («да възблагодарятъ ласкательнo чувства простыхъ чeлoвѣкoвъ»). Иными словами, написания с юсом и произношение слов с *ѣ* как не чисто болгарским, а якобы цыганским звуком вообще и самоназвания болгар в частности, по мнению Теодоровича и Владикина, совершенно недопустимы. Сами они пишут этот этноним с *o*: *болгари*, производные *болгарски* и др. Любопытно, что введение юса для обозначения звука *ѣ* грозило, по их мнению, непоправимыми последствиями для преодоления культурной отсталости и для совершенствования родного языка. «Того ради, -- предупреждали они, -- ако пишеме по мнѣнию выше-

реченныхъ (т. е. книжников, считающих необходимым употребление юса для обозначения звука ѣ. — Г. В.) и употребляеме непристойны буквы, всегда ще быдем на послѣдний степенъ простоты и невѣжества и никогда не ще ся сравнимъ съ други около насъ просвѣщенны народы, кои всегда обогащать и украшавать языкъ свой. Послѣ, ако по злополучию надвие това худомнѣние тогда бы всяка Болгарска Баба могла да списува книги на велико посрамление Болгарскаго Рода»⁸.

Довольно образную картину борьбы с юсом рисует неизвестный автор небольшой заметки, подписавшийся «Гласовит». По его словам, некоторые учителя боролись с юсом столь энергично, что они готовы были даже заточить его в Крыму, где он якобы качался в колыбели и пребывал в пеленках (намек, очевидно, на то, что источником юса эти учителя считали язык крымских татар). Многим учителям, пишет далее автор заметки, юс «показался настолько гнусным, что они сражались с ним до тех пор, пока не выбились из сил»⁹.

Резкой критике подвергался не только юс, но и другие буквы (ѣ, ъ), которыми книжники также обозначали звук ѣ. Ярким примером этого могут служить статьи И. Константинова (Джинота), посвященные юсам и ѣ в болгарском языке. Константинов обрушивается на эти буквы целый поток более чем неодобрительных слов и выражений. Это и «каравлашские буквы», и «пугало»¹⁰, и буквы, «великое зло творящие» и «пять ядовитых источников рождающие»¹¹. Он почти проклинаяет их как нечистую силу, вводящую в соблазн и искушение: «Пусть идут в тартары эти три буквы, которые бесчувственно существуют!!!» И в другом месте: «Хочется сказать этим трем буквам: Иди за мною сатана яко соблазнь ми еси!». В отличие от тех книжников, кто в этих буквах видел древнюю и характерную особенность болгарского языка, Константинов считал, что именно введение этих букв лишило болгарский народ и его язык своеобразия и исторического значения. Обращаясь к «юсопоследователям», мнящим, что эти три буквы якобы создают славу всему болгарскому («болгарството») и украшают его «большой ученостью», он восклицал: «Нет, нет, не в них состоит образованность («учение») и красота языка («красноречие»)!»¹². Он считает, что эти буквы — свойство не болгарского, а «каравлашского языка», и книжники, ратующие за утверждение этих букв в болгарском языке, по его мнению, силой принуждают болгар быть бродягами («чергаре», буквально — кочевниками) и цыганами, т. е. людьми, не имеющими родины и лишенными чувства национальной гордости. В таком случае каждый «болгарозавистник» будет иметь полное основание хулить болгар и смеяться над ними. В этой связи Константинов, имея в виду предложения о чисто народной основе литературного языка и обозначение названными буквами «просто-народного» звука ѣ, подчеркивал в частности, что эти буквы дадут повод другим народам утверждать, будто болгары «заимствовали у них основу и образование болгарского языка». Болгары, указывает Константинов, не могут продать свой приоритет за «миску чечевицы», как он пазвал здесь ѣ и юсы¹³.

Из приведенных примеров (число их может быть легко умножено) видно, какую непримиримую позицию в отношении звука ъ и его обозначений, прежде всего посредством больших юсов, занимали те болгарские книжники, кто выступал за большую или меньшую архаизацию литературного языка и за недопущение в нем ряда характерных особенностей народной речи. Резко отрицательное отношение к звуку ъ определялось, как правило, тем, что он рассматривался ими как чуждый болгарскому языку звук, привнесённый из других языков, не пользующихся к тому же в их глазах никаким авторитетом и уважением. Естественно поэтому, что все эти книжники отвергали любое написание самоназвания болгар со звуком ъ и признавали единственно правильным его написание в церковнославянской форме с о в корне — *болгарин*.

Противоположную точку зрения в отношении звука ъ и его обозначения, а вместе с этим и написания самоназвания болгар, занимали сторонники создания литературного языка на чисто народной основе. Как и их оппоненты, уже в самом противопоставлении написаний *бѣлгарин*, *бѣлгарин* и др., с одной стороны, и *болгарин*, с другой, они также указывали на два принципиально разных подхода к нормализации литературного языка, с той, однако, существенной разницей, что у них явное неодобрение вызывала позиция архаизаторов языка.

Сторонники создания литературного языка на чисто народной основе исходили из того, что в нем должны быть закреплены те особенности, которые свойственны народной речи. В соответствии с этим В. Априлов, И. Богоров, И. Стоянов, Н. Геров и другие в 40-е и их единомышленники позднее выступали в горячую защиту звука ъ как одного из отличительных признаков болгарского языка. Одним из веских аргументов, выдвигавшихся некоторыми из них в полемике с противниками этого звука, было глубокое убеждение в том, что этот звук сохранился неизменным в болгарском языке со времен Кирилла и Мефодия и что само наличие его в народной речи служит неоспоримым доказательством перевода славянскими первоучителями книг именно на древнеболгарский язык. Так, В. Априлов, неоднократно выступавший в 40-е годы в защиту этого тезиса, писал, что юс, произносимый как «твердое а», т. е. как ъ¹⁴, и теперь звучит так, как он звучал тысячу лет назад. В связи с этим он указывал на бесплодность усилий противников юса изгнать его из речи болгар. «Неужели вы думаете, — писал он, — что заставите народ идти по вашей воле? Ошибаетесь, любезные! Этого никогда не будет; большинство не следует за меньшинством. Мы должны следовать за народом и согласно его речи сочинять грамматики и писать друг другу; в противном случае мы поплывем против течения. Произношение, которое как чудо удержал до сих пор наш народ, — это для нас бисер бесценный, мы должны гордиться им, а не уничтожать»¹⁵.

Мнение Априлова о закреплении в литературном языке звука ъ — этого «бисера бесценного» народной речи, разделяли и другие сторонники чисто народной основы литературного языка. Так, в го-

рячую защиту юса и обозначаемого им звука ѣ выступил Т. Хрулев, который, по его словам, сам до недавнего времени был «гонителем юса». В 1850 г. в предисловии к «Букварю или начальному учению» он писал: «Нужно сказать здесь кое-что о юсе, т. е. спросить: должны ли мы его писать или нет. Вопрос: Должны ли мы писать с юсом? Ответ. Должны. — Почему? — Потому что юс — главный признак [«знакъ (нишанъ)»] нашего происхождения, который доказывает, что мы суть славенское племя, а не сербы, чехи, русские и пр. Хотя они и однородные племена, не приличествует им присваивать древнеболгарский язык, который ближе всего болгарам, что ясно доказывается нынешним болгарским звуком (имеется в виду звук ѣ. — Г. В.)»¹⁶. Указав на невозможность использования буквы ѣ вместо юса (написание *рѣкъ* вместо *ржжж* — неправильно: «колко е криво», а написание *рака* делает слово очень грубым и тяжелым: «дебела и тежка речѣта»), Хрулев заключал: «Что бы ни говорили, юс нам очень необходим, во-первых, потому, что без него мы не можем обойтись, а, во-вторых, потому, что он показывает наше происхождение; следовательно, юс — это светило и красота болгарского языка»¹⁷.

В таком же духе характеризовались некоторыми книжниками и другие буквы (ѣ, ъ), использовавшиеся для обозначения звука ѣ. Неизвестный рецензент «Болгарского букваря» А. Гранитского (1849 г.), например, писал, что тот «изменил в нашем болгарском языке самые отличительные признаки» («най-распознавателните бележки») нашей народности», а именно: вместо юса, ѣ и ъ (*влькъъ*, *пржтъ*, *прѣчка*) написал *о*, *у*, *е* (*волкъъ*, *прутъ*, *пречка*)¹⁸.

Иногда преследователей юса и звука ѣ просто высмеивали за боязнь употребить нужное слово, содержащее этот звук. И. Богоров, например, заметил, что приверженец «гладкого правописания», т. е. безюсового, Хр. Сичан-Николов в пословице «Всяко начало нелесно» в книге «Болгарска аритметика» (Букурещ, 1845) вставил слово *нелесно* вместо нужного *мъчно* (в написании Богорова — с юсом) только потому, чтобы не писать это слово с *у* — *мучно*, которое неизбежно связывалось бы с глаголом *муча* «реветь»¹⁹. Давая отпор преследователям звука ѣ и его буквенному обозначению, защитники его, как и его гонители (см. выше), прибегали порой даже к личным грубым нападкам. Наглядным примером этого может служить резкая критика известным учителем середины XIX в. Е. Васкидовичем приведенного выше мнения К. Теодоровича и Г. Владикина. Будучи противником радикальной реформы азбуки и орфографии, Е. Васкидович подчеркивал, что юсы, ѣ, ъ и другие «в болгарском языке естественные и не подлежащие изгнанию буквы». Его особенно возмутило то, что звук ѣ признается ими не чистоболгарским по происхождению, а цыганским, и то, что отрицательное суждение о болгарской орфографии высказал и один чужестранец, каким был Владикин — русский, оставшийся в Болгарии после русско-турецкой кампании конца 20-х годов. Васкидович писал: «Достоин осмеяния тот, кто говорит, что юсы имеют настоящее цыганское произношение и что вместо юса можно кое-

где употреблять ъ; он здесь ошибается, потому что ъ иногда употребляли сербы, а истинная болгарская полугласная буква — это юс, и не подобает ему, если он настоящий сын болгарский, говорить, что его мать — цыганка...»²⁰. И далее, имея в виду несомненно Владикина, Васкидович писал: «А одному пастуху, который прибыл аж из Саратова и уже поносит болгарское правописание, не подобает это, потому что болгарского языка он не знает, а из своей головы едва лишь сделал главу (своеобразная игра слов: русск. *голова* и болг. *глава*. — Г. В.) и уже мнит себе, что у него в голове есть немного мозга...»²¹. И затем, намекая, вероятно, на бороду Владикина как типичную, по его мнению, внешнюю черту русского, Васкидович замечал: «Эта старая буква ж, потому что у нее три ноги, запутывается у него в бороде, и он не может ее проглотить»²².

Выступая единым фронтом за безусловное утверждение в литературном языке звука ъ, его защитники, однако, сильно расходились во взглядах на то, как обозначать этот звук — одной ли буквой и какой именно или же разными буквами. Как показала история современного болгарского литературного языка, это был один из наиболее сложных вопросов, которые предстояло решить его создателям. Здесь нет возможности и необходимости сколько-нибудь подробно останавливаться на этом интересном вопросе истории болгарской графики и орфографии. Отметим только, что в принципе различие в подходе книжников прошлого века к обозначению звука ъ сводится к следующему: одни предлагали обозначать его какой-нибудь особой буквой (например, *а, а̃, а̄, ъ, юс*); другие выступали за обозначение его разными буквами (*ъ, ъ, юс*) в соответствии с тем, что этими буквами обозначался, как они считали, данный звук в древнеболгарских рукописях (например, *сънь, първо, мжжъ*); третьи считали целесообразным ввести для звука ъ буквы *о, е, у*, с диакритическими знаками, чтобы не порывать радикально с церковнославянским написанием (например, *со̃нь, пѣрво, мѣжъ*).

В истории болгарской графики и орфографии не все эти способы обозначения звука ъ имели широкое распространение. Так, предложенный Ю. И. Венелиным принцип обозначения ъ буквами *о, е, у* с диакритическими знаками (у Венелина — ломаная черточка: *бѹде, тѣрѣдѣ*)²³ был поддержан, кажется, только М. Кифаловым — переводчиком брошюры Венелина — в целях «сохранения насколько только возможно словопроизводства и живого произношения в языке»²⁴. Но и он лишь изредка обозначает звук ъ буквами *а̃, ѣ̃, ѓ̃, ѣ̄* (*распрѣсналъ, вѣрви, бѣжлица, вѣншино, бѣрза, стѣпнки, сѣщъ* и пр.), а в целом следует в этом вопросе церковнославянской практике, в том числе и в написании самоназвания болгар: *болгаре*, производное *болгарскій* и др. Против такого способа обозначения звука ъ выступил Г. Крыстевич, указавший на неосновательность такого совета Венелина²⁵.

Разное распространение имело и обозначение звука ъ одной буквой, хотя сам принцип такого обозначения был предложен болгарскими книжниками-возрожденцами давно и именно он в конце

концов утвердился в современном болгарском языке (если не считать, конечно, известного отступления — обозначение звука *ѣ* буквами *а* и *я* в окончаниях 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени и краткой членной морфеме мужского рода).

Обозначение звука *ѣ* буквой *а* (без диакритического знака) предлагал в конце 30-х годов В. Априлов. «Я того мнения, — писал он в письме Венелину от 22 июня 1838 г., — чтобы писать *а* без всякого значка и паучиться произношению»²⁶. В соответствии с этим Априлов, паверное, предлагал тогда и название болгар писать с *а* — *балгаринъ*. Предложение Априлова, однако, не нашло поддержки, а вскоре и он сам от него отказался.

Более распространено было обозначение звука *ѣ* буквой *а* с диакритическими значками — *ǎ*, *ā*, хотя оно и было отвергнуто автором первой болгарской грамматики Неофитом Рильским, расценившим его как «суетенъ трудъ», в чем, как он писал, каждый может убедиться без каких-либо доказательств²⁷. Начало такого обозначения звука *ѣ* восходит к Петру Берону, который в знаменитом «Рыбном букваре» (1824) использовал, хотя и далеко непоследовательно, букву *ǎ* (с дужкой): *пǎтъ*, *вǎлкъ*, *какǎвъ гǎлчъ* и др. Однако название болгар Берон пишет по-церковнославянски, только с *о*: *болгарин*, *болгари*, также и производные *болгарски*, *Болгарія* (см. и *болгарскитѣ* в титульном названии его книги; ср. и рядом напечатанные на с. 24, *Българенъ*, но *Търново*, *Търновчаненъ*). В изданной годом позднее (1825) книге «Священное цветособрание» Анастас Кишиловский использует знак *ā* (с черточкой): *кǎща*, *крǎпа*, *члгā*. Так обозначается *ѣ* в основной части книги, напечатанной церковной кириллицей. В кратком же посвящении, напечатанном гражданской кириллицей, этот звук Кишиловский передает (только в двух словах) буквой *ā*: *tāzi*, *tāy*. Буквой *ā* обозначали позднее звук *ѣ* и другие книжники — П. Сапунов в «Новом завете» (1828), Р. Попович в книге «Христойтия или благонравие» (1837), П. Берон во втором издании «Рыбного букваря» (1841) и др. Однако название болгар все они писали с буквой *о* — *болгарин*. Из всех книжников, передававших звук *ѣ* буквой *ā*, кажется только В. Априлов писал и название болгар с этой буквой — *бǎлгарин*, *бǎлгари*. Эту букву он достаточно последовательно использует в брошюре «Бǎлгарските книжници, или на кое словенско племе собственно принадлежи Кирилловска азбука?» (Одесса, 1841). Здесь же и название болгар пишется с этой буквой — *бǎлгарин*, *бǎлгаре*, производные *бǎлгарски*, *бǎлгарщина* и др.

Букву *юс* для обозначения звука *ѣ* первым последовательно в печатном произведении стал употреблять В. Ненович в изданных в 1825—1826 годах книгах «Священная история церковна от ветхийет и новийет завет» и «Буквар за децата на славено-болгарскиет народ». Однако название болгар он писал с буквой *о*, как это видно и из приведенного заглавия второй его книги (ср.: *славено-болгарскиет*, а не *славено-бǎлгарскиет*). Предложение Неновича обозначать звук *ѣ* с помощью *юса* не находило поддержки почти два десятилетия. Правда, в середине 30-х годов Неофит Рильский считал целе-

сообразным написание с юсом некоторых слов, в частности турцизмов (*бакър* и др.), но в основном он полагал, что те слова, в которых в народной речи звучит *ъ*, следует писать согласно церковно-славянской орфографии²⁸. Только в самом начале 40-х годов Априлов, выступив в защиту юса как характерного признака болгарщины («явна българщина»), прямо указал, что звук *ъ* («твердое а») надо обозначать юсом: «пишущим собственно по-болгарски должно писать» *българин* и др.²⁹ Правда, в вышедшей в том же году брошюре «Българските книжници» этот звук он обозначает не юсом, а буквой *ā*, в том числе и в слове *българин*. На эту непоследовательность Априлова, между прочим, тогда же обратил внимание Г. Крыстевич³⁰. Чтобы не возвращаться больше к Априлову, отметим, что в 40-е годы он стал последовательным защитником юсового обозначения звука *ъ*. Уже в 1844 г. в несохранившемся письме (от 10 февраля) к Г. Крыстевичу он упрекает тех из болгар, кто не употребляет юса³¹. В письме к В. Ганке от 18/30 октября 1846 г. Априлов неодобрительно отзывается о тех своих соотечественниках, кто в сочинениях своих юсов не писал, хотя «с ними (т. е. со звуком *ъ*. — Г. В.) говорили с народом»³². Отметим, наконец, что, послав в 1846 г. в «Любословие» К. Фотинова статью, вышедшую вскоре и отдельной брошюрой «Мисли за сегашното българско учение» (Одесса, 1847), Априлов настоятельно просил Фотинова набрать статью с юсами («толко да има юсове») ³³. В этой брошюре Априлов название болгар регулярно пишет с юсом. Любопытно, однако, что в названии на титульном листе напечатано *българско* — с *ā*, а не с юсом. Сказанное здесь показывает, что так называемую болгаризацию названия болгар, т. е. написание со знаком, передающим звук *ъ*, следует связывать прежде всего с именем Априлова, а не, как полагают некоторые ученые, с именем И. Богорова³⁴.

И. Богоров и Н. Геров выступили за употребление юса в 1842 г.³⁵, т. е. годом позднее, чем Априлов. Несомненно, живя в Одессе, где жил и Априлов, они хорошо знали то, что писал о звуке *ъ* и юсе Априлов. Поэтому нельзя не допустить, что решение писать с юсом они приняли не без прямого влияния Априлова. В 1844 г. за употребление юса выступил и Г. Бусилин (см. изданный в Москве его «Български буквар»). Позднее этой же буквой последовательно передавали звук *ъ* З. Княжевский, известный писатель Л. Каравелов и др. Так же обозначал этот звук (в том числе и в названии болгар) в своих газетах и Хр. Ботев.

Нужно отметить, что некоторые из зачинателей юсового обозначения звука *ъ* со временем отошли от своей прежней практики и стали обозначать его иначе. Так, Н. Геров уже в конце 40-х годов принял точку зрения И. Стоянова об устройстве правописания на этимологических началах и стал обозначать *ъ* разными буквами — юсом, *ъ* и *ь*. И. Богоров впоследствии наряду с юсом стал писать и *ъ*, в название болгар — только с буквой *ъ* (*българин*). А за год до смерти (1892 г.), как указывает Б. Цонев, Богоров рекомендовал произносить название болгар «с русским произношением» корневого гласного, т. е. *болгарин*³⁶.

Обозначение звука *ѣ* буквой *ѣ* вошло в практику на рубеже 40—50-х годов наряду с использованием и других букв, при этом название болгар обычно писалось именно с *ѣ*.

Большая часть болгарских книжников начиная с середины 40-х годов приняла этимологический принцип устройства орфографии, согласно которому она должна базироваться на правописании древнеболгарских рукописей. Впервые с обоснованием такого принципа в болгарской литературе выступил И. Стоянов в 1844 г.³⁷ Он исходил из того, что новоболгарское произношение мало в чем изменилось сравнительно с древнеболгарским, и потому, сохранив старое («ръкописното») правописание, болгары «не только сохраняют основу старого языка, но и дадут прежде всего повод раскрыть богатство языка»³⁸. Так, он полагал, что в словах, которые в церковнославянском пишутся с *e*, *o* и *y*, а в древнеболгарских рукописях с *ерами* и *юсами*, в современном языке представлен тот же звук, какой был в них в древнеболгарском. В связи с этим он оставлял *ѣ*, *ь* и *юс*, писал соответствующие слова так, как они написаны в древнеболгарских рукописях: *крѣвь*, *крѣсть*, *рѣжа* и т. д. Обращение к старому правописанию, по его мнению, позволяло в частности решить, как именно нужно писать «народное имя» болгар. И. Стоянов считал, что это имя произошло не от названия реки *Волга*, а от *бългъ* — *благъ*, что значит «счастье», и, следовательно, *българтъ* (*болгарин*) значит «счастливый». И поскольку в древних рукописях это слово пишется *българтъ*, то и в современном языке его следует писать *българтинъ*.

С обоснованием такого же в принципе правописания одновременно с И. Стояновым выступил и Г. Крыстевич, посвятив ему одно из своих «Писем о некоторых трудностях болгарского правописания» (эти «Письма» были написаны в 1844 г., но увидели свет только в 1858 г.)³⁹. Правописание, предложенное ими, было поддержано многими видными деятелями культурно-национального возрождения и, можно сказать, было господствующим в болгарской печати вплоть до начала 70-х годов. С большими или меньшими упрощениями оно было принято и закреплено в грамматических трудах представителей так называемых пловдивской и тырновской нормализаторских школ (И. Груев, И. Момчилов, Г. Миркович и др.).

Опираясь на живое произношение самоназвания болгар, книжники прошлого века, однако, долго не могли прийти к согласию, какой именно вариант живого произношения надо принять в качестве общеполитического. Дело в том, что в разных говорах название болгар произносится по-разному: *българтин* или *българтин* в соответствии с тем, как в том или ином говоре произносится звуко сочетание сонорного *л* с *ѣ*. Именно различное произношение этого звуко сочетания и в самоназвании болгар породило жаркие споры о том, какой из данных вариантов следует предпочесть.

Одни грамматисты считали, что гласный *ѣ* должен всегда следовать за *н*. Н. Геров мотивировал это тем, что в болгарском нет ничего, что бы противоречило этому правилу, которому следовали

и древние болгарские писцы. Предложенное Геровым правило произношения и написания звукосочетания *лъ* (и *рѣ*) было принято и другими представителями пловдивской школы, например И. Груевым, Б. Петковым⁴⁰. В соответствии с этим правилом наименование болгар должно было произноситься и писаться с *ѣ* после *л*: *блъгарин*. Изложенное правило встретило возражения многих грамматистов середины XIX в., утверждавших, что произношение *лъ* и (*рѣ*) — это узколокальная особенность, не характерная для большинства современных говоров. Оппоненты Герова, Груева и др. считали, что поскольку в большинстве говоров эти звукосочетания произносятся и как *лъ* (*рѣ*), и как *ѣл*, *ѣр*, то и в литературном языке должно быть установлено правило двойного произношения этих звукосочетаний. В соответствии с этим некоторые книжники писали сами и предлагали закрепить в литературном языке в качестве нормы двойное написание и произношение самоназвания болгар: *българин* и *блъгарин*. Такова была точка зрения, например, Г. Крыстевича⁴¹, А. и Д. Цанковых⁴². Другие считали, что в литературном языке должно быть принято только написание и произношение *ѣ* после сонорного *л*. Тому, что литературное самоназвание болгар ставилось в прямую зависимость от установления общего правила произношения и написания звукосочетаний *ѣ* и сонорных, есть и прямые свидетельства. Н. Геров, например, хотя и признавал правильным написание и произношение этого этнонима с *лъ*, тем не менее отмечал, что для окончательного решения вопроса о том, «как лучше писать такого рода слова» (т. е. слова со звукосочетаниями *л* и *ѣ*), необходимо дополнительно изучить произношение таких слов в современном языке. «Это, — писал он, — послужит нам не только для того, чтобы установить правописание, общее и своеобразное со свойствами нашего языка, но еще и покажет нам, как правильно произносить и писать собственное народное имя, которое теперь одни пишут и произносят *българин*, а другие — *блъгарин*»⁴³.

Приверженцы того или иного написания и народного произношения самоназвания болгар твердо держались своей точки зрения, что нашло отражение и в целом ряде высказываний о написаниях *българин* и *блъгарин*. Любопытно, в частности, одно замечание Т. Шишкова по поводу этих написаний. Сознательно употребив в предисловии к одной из своих книг (1860) оба эти написания — *българин* и *блъгарин*, он заметил: «Да простят меня читатели, что я вынужден так называть наших (писателей), из которых одни пишут „по български“, а другие — „по блъгарски“ и этим хотят создать литературную партию „за българский и блъгарский язык“»⁴⁴. Позднее (1869), указав на архаизмы и неологизмы как на два важнейших недостатка литературного языка того времени, Т. Шишков писал: «К сожалению, этими недостатками («погрѣшности») избилуют многие изданные и еще издаваемые „български“ и „блъгарски“ книги» (курсив наш. — Г. В.)⁴⁵.

Любопытен в этом же отношении и такой документ. Собранный 11 мая 1868 г. в Тырнове учителя и книгоиздателя (в их

числе — Н. Михайловский, И. Момчилов, П. Славейков, А. Гранитский) дали критическую оценку изданных книг, особенно книг И. Груева и Хр. Данова (представителей пловдивской школы, сторонников написаний *лъ, рѣ*) и пришли к заключению, что надо приступить к изданию книг «българских», а не «бльгарских»⁴⁶.

О том, что в оценке книг с одним или другим написанием звуко-сочетаний сонорных *л, р* и гласного *ѣ*, в том числе и в наименовании болгар, иногда прибегали к довольно острому выражению, свидетельствует небольшая заметка в ежегоднике «Летоструй» (1869), перепечатанная в том же году в газете «Македония». Автор этой заметки указал на три главных наречия болгарского языка, одной из отличительных черт которых является как раз произношение указанных звуко-сочетаний (в том числе и в этнониме — *българин, бльгарин* и *бугарин*). Поставив вопрос о том, какое из наречий следует предпочесть, чтобы создаваемый на его основе литературный язык был общепонятным, автор заметки писал о двух из этих наречий (мизийском и фракийском), что «хотя различие между ними и ничтожно, все же найдутся такие люди, которые будут говорить о книгах, написанных на одном из них, что они представляют якобы отраву для детей другого наречия. . .»⁴⁷.

В истории установления варианта *българин* в качестве литературного самоназвания болгар показательно то, что против него по существу не было высказано каких-либо резких возражений, если не считать не обоснованных замечаний о том, что такое произношение неправильно и что оно встречается в речи редко, во всяком случае гораздо реже, чем *бльгарин*. Так, Б. Петков, опираясь на написание согласных *л, р* только после «полугласных букв *ѣ, ъ*» в древних рукописях, указывал, что произношение *българин* (как и *сърдце* в его написании — *сърдце, вълци, мълчание*) — неправильно, хотя во многих местах Болгарии и говорят так, а правильно «*бльгарин* (так же и *сърдце, вълци, мълчание*), как это пишется «в рукописях и как говорят во многих местах»⁴⁸. В действительности вариант *българин* встречается в значительной части болгарских говоров, а тот факт, что именно этот вариант представлен в северо-восточных говорах, с территории которого происходила большая часть книжников эпохи национально-культурного возрождения, оказался решающим в утверждении его в качестве общebolгарского, литературного наименования болгар. Показательно, что и уроженцы юго-западных областей болгароязычной территории того времени в своих сочинениях пишут *българин, българе*, а не *бугарин, бугари*, как произносится этот этноним в местных говорах. В этой связи отметим, что произношение *бугарин, бугари* расценивалось как иноязычная особенность этих говоров и в спорах о закреплении в литературном языке того или иного варианта народного самоназвания болгар во внимание, в сущности, и не принималось. Характерно в этом отношении мнение Н. Герова, который в 1867 г. писал: «Есть и такие, которые говорят и *бугарин*, но если так и говорят болгары («*бльгаре*»), это не по-болгарски («не е бльгарски»), и здесь нет речи о нем»⁴⁹.

Иное дело — вариант *българин*. Против такого написания и соответствующего произношения в прошлом веке было высказано немало возражений и острых замечаний. Так, некто Б. в 1873 г. писал в рецензии на «Историю болгарскую» Г. Крыстевича (1869), где имя болгар пишется с *лъ* — *българин*, *българе*: «Наше народное наименование „българи“, как до сих пор называет себя сам народ, как оно написано в латинских и греческих древних сочинениях, г. Крыстевич пишет *българи*, производя его в одном случае от *ури* или *ари*, *вулгури*, *вулгари*, и по-нашему (как он говорит) *българи*, а в другом случае от *благъ* — *благари*, *българи*. . . Мы не можем понять, почему, раз это наименование по-нашему — *българи*, мы должны называться *българи*?»⁵⁰. Решительно возражал против закрепления в литературном языке написания *българин* И. Богоров, мотивируя это тем, что такое написание отражает узко локальное произношение его только в Копривштице. В связи с высказанным в ежегоднике «Летоструй» и газете «Македония» (см. выше) мнением о произношении *българин* как характерной особенности всего фракийского наречия Богоров писал, что во время своего путешествия по Болгарии произношение *българин* он слышал только в Копривштице и что в других местах повсюду говорят *българи*. «Теперь, — продолжает Богоров, — мы видим, как один самоучка копривштинец без каких-либо научных познаний и предварительных доказательств хочет навязать всему народу свое деревенское произношение». Богоров был против такого решения вопроса. «Все мы, — писал он, — из любви к жителям Копривштицы не можем ломать свой язык и следовать их деревенскому наречию». Напомнив, что, по мнению некоторых, нужно якобы писать *търновци*, Богоров замечает: «Что бы сказали „търновци“ (т. е. жители Тырнова. — Г. В.), если бы кто-то заставлял их называть себя по-копривштенски — „търновци?“»⁵¹. В подтверждение того, что следует писать и произносить *българин*, Богоров приводил такие доводы: 1) весь народ говорит *българин*, 2) во всех народных песнях встречается *българин*, 3) в хрисовулах стоит *Блг* с титулом, 4) легче произнести *българин*, 5) греческие историки пишут Βῦλγαρος, а не Βλῆγαρος, 6) у латинских писателей находим *Vulgarus*, а не *Blugarus* и, наконец, 7) название *българин* происходит от *бълъ горенъ*, что равнозначно «gentilhomme», «кавалер» или «дворянин». Из приведенных аргументов в пользу написания *българин* решающим для Богорова было такое именно произношение в живой речи на обширной болгароязычной территории, в том числе и в его родном карловском говоре. Он, однако, заблуждался, полагая, что произношение *българин* свойственно говору одной только Копривштицы. Что касается большей легкости произношения *българин* сравнительно с *българи*, то тут Богоров высказывал явно субъективное мнение.

Выступая против закрепления в литературном языке узколокальных диалектных особенностей вместо особенностей, присущих обширным диалектным областям, Богоров полагал, что ориентация на территориально ограниченные говоры сильно затруднит создание подлинно общеполгарского (национального) языка, понятного для

всего народа, и может привести даже к утрате болгарями своего языка, а вместе с этим — и к утрате ими своей самобытности. «Так и мы, — писал он, — с нашими распрями («неразбории») и особенностями речи жителей Копривштицы («коприщантисми»), погубив свой народный язык, уже перестанем быть болгарями и называться народом»⁵².

Обратимся теперь к заметке «Собственно о наименовании *болгарин*», цитируемой в начале настоящей статьи.

Из изложенного выше видно, что автор этой заметки был совершенно прав, обратив внимание на разноречивость в написании самоназвания болгар и подчеркнув необходимость закрепления в литературном языке одного, определенного его варианта. Он считал, что поскольку произношение гласного после *л* «встречается в одном-двух селах» и этот гласный произносится скорее как *а* — *благарин*, то такое произношение как узколокальное «можно оставить в стороне»⁵³. Будучи уверен, что «в большинстве городов и сел народ называет себя *българе*, а не *блъгаре*, и поскольку большинство голосов («многогласето») создает закон, и легче произнести человеку *българин*, *испълневам*, чем *блъгарин*, *испльневам*, то мы удержим данное правописание, пока другие не покажут, как лучше писать имя (болгар — *Г. В.*)»⁵⁴. Он, впрочем, допускал, что могло бы быть установлено правило, согласно которому самоназвание болгар писалось бы не так, как оно произносится⁵⁵.

Приведенный материал показывает, что в середине прошлого века многие представители формировавшейся национальной болгарской интеллигенции проявили живой интерес к литературному самоназванию своего народа — интерес, который несомненно следует рассматривать как своеобразное преломление пробудившегося и утверждавшегося у болгар национального самосознания. Этот интерес прямо связан и с другим важным фактором формирования буржуазной нации — созданием единого общеполитического литературного языка. В этом языке в конечном счете утвердилось написание и произношение этнонима *българин*, *българе*. Это объясняется тем, что в основу звуковой (и не только звуковой) системы современного литературного языка легли центральнобалканские говоры восточно-болгарского наречия. Утверждению данной диалектной основы современного литературного языка способствовало прежде всего то внешнее обстоятельство, что многие грамматисты и большинство авторов других книг, изданных в период формирования этого языка, были уроженцами областей распространения центральнобалканских и некоторых других, соседних с ними, восточных говоров.

¹ Собственно за имя *българин*. — Български книжици, 1858, ч. III, № 1, с. 201—203.

² Шишманов И. Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите от езиково гледище и етимологичните на името «българин». — Сборник за народни умотворения, 1900, кн. XVI—XVII, с. 698—699. — Здесь же приведен и текст заметки «Собственно за имя *българин*».

³ Български книжици, 1858, ч. III, № 1, с. 201.

- ⁴ Там же, с. 203.
- ⁵ *Павлович Х.* Грамматика славеноболгарска. Белград, 1845, с. I—II.
- ⁶ *Фотинов К.* Мъчно е да познае човек сам себе си. — Любословие, 1846, ч. 24.
- ⁷ Цариградски вестник, 1851, 27 октябяр, № 58.
- ⁸ *Теодорович К., Владикин Г.* Библическа повест Ветхаго завета за юност. Будим, 1847, с. 9—10.
- ⁹ См. заметку «Отговор на размишленията Михайловски, или контрол на българският духовен отчет». — Цариградски вестник, 1857, 13 юлия, № 337.
- ¹⁰ *Константинов Й. Ъ, ж, ѝ* литери болгарски. — Цариградски вестник, 1852, 19 апр., № 82.
- ¹¹ Там же, 1852, 26 апр., № 83.
- ¹² Там же, 1852, 3 мая, № 84.
- ¹³ Там же, 1852, 19 апр., № 82.
- ¹⁴ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования. Одесса, 1841, с. 58.
- ¹⁵ *Априлов В.* Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847, с. 14.
- ¹⁶ *Хрулювский [Хрулев] Т.* Буквар или начальное учение. Будин, 1850, с. VII.
- ¹⁷ Там же, с. IX.
- ¹⁸ См. заметку без заглавия в газете «Цариградски вестник», 1849, 3 дек., № 76.
- ¹⁹ *И. А. [Богоров].* [Рец. на кн.:] Болгарска аритметика. Сочинена от Хр. К. Сичан-Николов, Букурещ, 1845. — Български народен известник, 1846, 20 сент., № 2.
- ²⁰ *Васкидович Е.* Детинско прибавление или различни правствени поучения и правоучителни истории. Цариград, 1852, с. 9.
- ²¹ Там же, с. 9—10.
- ²² Там же, с. 10.
- ²³ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 50.
- ²⁴ См. примечание М. Кифалова в кн.: *Венелин Ю.* Заради возрождение новой болгарской словесности или науки / Превел. М. Кифалов. Букурещ, 1842, с. 2, сноска.
- ²⁵ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание: Писмо I. За азбуката. — Български книжици, 1858, ч. II, № 2, с. 338.
- ²⁶ Цит. по изд.: *Унджиева Ц.* Документи по Българското възраждане в съветските архиви. — Известия на Института за литература, 1962, кн. XII, с. 145. В предложеной В. Априловым двумя годами ранее (1836) гражданской азбуке из 24 букв для формировавшегося болгарского языка отдельная буква для передачи звука ъ отсутствует, и В. Априлов, судя по всему, уже и тогда имел в виду обозначение его буквой *а*, о чем свидетельствует и написание *пагицата*. См. «Мнение на Василия Априлова относительно просветата на народа», изданное И. Снегаровым в «Известия на Архивния институт» (1957, кн. I, с. 222).
- ²⁷ *Рилски Н.* Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835, с. 34. Ср. отрицательное мнение о таком обозначении звука ъ, высказанное позднее и Г. Крыстевичем (*Кръстевич Г.* Указ. соч., с. 338).
- ²⁸ *Рилски Н.* Указ. соч., с. 33—40.
- ²⁹ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования, с. 58.
- ³⁰ *Кръстевич Г.* Указ. соч., с. 338—339.
- ³¹ Там же, с. 339.
- ³² Цит. по изд.: *Францев В. А.* Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, с. 14.
- ³³ См.: *АриAUDов М.* Документи по българското възраждане. — Известия на Института за българска литература, 1957, кн. V, с. 497.
- ³⁴ См., например: *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977, с. 191.
- ³⁵ См.: Математическа география / Преведена от... И. Богоев [И. Богоров]. Одесса, 1842; *Богоев [Богоров] И.* Непо за Няколкто думи на преводат на Математическата география на г. Ивана А. Богоева, написани от Найдена Герова. Одесса, 1842; *Герова Н.* Няколко думи за преводат на Математическата география на г. Ивана А. Богоева. Одесса, 1842.
- ³⁶ *Цонев Б.* Езикови взаимности между българии и русии. — В кн.: Памяти

- проф. А. К. Медведева: Русско-болгарский сборник. С., 1922, с. 38 (ссылка по: Шишманов И. Указ. соч., с. 699, сноска 1).
- ³⁷ Принципы устройства такого правописания изложены И. Стояновым в его послесловии «За употребенното правописание в преводат» в кн.: Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград, 1844, с. 220—229. Существует мнение, что этимологическое разграничение в употреблении юса, ъ и ѣ при обозначении звука ѣ было впервые проведено Н. Геровым в переведенной им книге «Извод от физика» (1849). (См., например: Русинов Р. Учебник по истории на новобългарския книжовен език. С., 1980, с. 106). В действительности это было сделано впервые И. Стояновым в 1844 г., о чем пишет и Р. Русинов в другой работе (Русинов Р. Езикът на Иларион Стоянов [Макариополски]. — Rocznik Slawistyczny, 1980, t 40, cz. 1, s. 35—36).
- ³⁸ Православное учение..., с. 223.
- ³⁹ Кръстевич Г. Указ. соч., с. 312—339.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Венедиктов Г. К. Фрагменты истории болгарской орфоэпии. — В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 204—207.
- ⁴¹ Кръстевич Г. Указ. соч., с. 339, сноска 8.
- ⁴² Sankoff A. und D. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852, S. 4.
- ⁴³ Мушак [Героу Н.]. Язикословни придирки. — Македония, 1867, № 55.
- ⁴⁴ Шишков Т. Първа храна на здравият чолешкий ум. Цариград, 1860, стр. II, сноска.
- ⁴⁵ Шишков Т. Наръчен учебник за начална математика в три курса: аритметика, алгебра и геометрия за народните ни училища. Търново, 1869, с. 7.
- ⁴⁶ См. протокол этого собрания в кн.: Радивоев М. Биография на Иван Момчилов. С., 1912, с. 45.
- ⁴⁷ См. заметку «Мнение за българското правописание (заето от Летоструй)», подписанную «Един българин», в газ. «Македония», 1869, 8 февр.
- ⁴⁸ Петков Б. За българският язык. — Цариградски вестник, 1857, 31 авг., № 344.
- ⁴⁹ Мушак [Героу Н.]. Указ. соч.
- ⁵⁰ См. газ. «Турция», 1873, 22 июня, № 19.
- ⁵¹ Богоров И. Упътване за българский язык. Виена, 1869, с. 6.
- ⁵² Богоров И. Второ упътване за българский язык. Виена, 1870, с. 15.
- ⁵³ Български книжици, 1859, ч. III, № 1, с. 202.
- ⁵⁴ Там же, с. 203.
- ⁵⁵ Там же. Высказанные в этой заметке мысли относительно литературного самоназвания болгар вполне созвучны тем, которые излагал И. Богоров в конце 60-х годов. Это может служить известным основанием утверждать, что названная заметка, возможно, написана Богоровым.

ОТРАЖЕНИЕ РОСТА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В СМЕНЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ЧЕХИИ (НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Н. К. Жакова

В чешской литературе начального периода национального Возрождения особенно заметно проявляется неравномерность развития в разных родах литературного творчества. Поэзия и драматургия первыми откликаются на требования национального движения, они более непосредственно и живо реагируют на изменения в обществен-

ных отношениях своей эпохи, в них быстрее протекают процессы, связанные с формированием новых художественно-эстетических принципов. Возможность более тесного контакта со слушателем или зрителем, а также сохранявшиеся в народе формы лирического самовыражения в песне и жившие среди широких масс различные виды театральных представлений (так называемый «соседский», а затем любительский театр) дали импульс для более быстрого восстановления прерванной традиции художественного развития в этих видах творчества, где уже в 80-е годы XVIII в. появляются оригинальные чешские произведения. Пусть они еще недостаточно самостоятельны и не достигают художественного совершенства, но они уже представляют собой отклик на поставленные перед чешским обществом задачи формирования национальной культуры.

Главной в начальный период национального Возрождения была борьба за восстановление в правах чешского языка как литературного языка народа, но способствовать этому должны были не только теоретические рассуждения о праве народа говорить и писать на родном языке и о выразительных возможностях самого языка в форме распространенного в ту пору жанра «защит», — не менее важным было дать примеры творчества на чешском языке. Первым таким опытом в поэзии стал сборник Вацлава Тама «Стихотворения» (1785), а затем поэтические альманахи Антонина Пухмайера (начали выходить с 1795 г.), в большинстве своем тяготевшие к поэтике и эстетике классицизма. В них нашло выражение стремление демократической и патристически настроенной чешской интеллигенции к творческому освоению современных форм европейской поэзии, ее литературных приемов, к выработке литературной техники и развитию чешского поэтического языка.

Выдвижению поэзии на первое место в литературном процессе Чехии конца XVIII в. способствовали теоретическое изучение чешской просодии Й. Добровским, его выступления в дискуссии о характере чешского стихосложения и разработка им теории чешского стиха, в основу которого, по его мнению, должна была лечь силлабо-тоническая система стихосложения, как наиболее соответствующая характеру языка и традициям древней чешской литературы.

Успехи в развитии драматургии в этот период связаны с созданием первого чешского театра «Боуда» (1786—1789), ставшего величайшим актом чешского национального самосознания и свидетельством его дальнейшего укрепления. Это была трибуна, с которой чешские будители во всеуслышание обратились к своему народу с призывом подняться на борьбу за восстановление своих национальных прав. Первые оригинальные пьесы Вацлава Тама и Антонина Зимы, ставившиеся в этом театре, черпали сюжеты из чешской истории: героическое прошлое народа должно было воздействовать на патристическое чувство чехов, пробуждая их национальное самосознание. Именно в воспитании патриотизма видел задачу чешского театра тех лет известный драматург Проккоп Шедивый¹. Как и чешская поэзия, драматургия этого периода тоже осваивала методы и приемы классицистической драмы. «Шло фор-

мирование традиционных для классицизма жанров. Однако одновременно с развитием классицизма в чешском театре конца XVIII в. существовали и другие художественные тенденции — просветительский реализм, сентиментализм. Всю драматургию этого времени объединяло преобладание рационалистических элементов классицизма в соединении с просветительской тенденциозностью»².

Именно национально-патриотическая драма играла на начальном этапе национального Возрождения решающую роль в формировании чешского национального самосознания.

Гораздо скромнее и незаметнее шло развитие чешской художественной прозы. В отличие от поэтического языка, язык прозы развивался в основном за счет научной литературы и публицистических жанров. Наибольшее распространение получил в 80-е годы жанр «защит» чешского языка, ярко представленный трактатом Карела Тама «Защита чешского языка от злобных его гонителей» (1783). Написанное в форме научного рассуждения с элементами страстного и риторически приподнятого обращения к читателю, это произведение представляло собой образец рационалистической эстетики классицизма. По мнению Ф. Водички, именно в этой области прозаического творчества на чешском языке классицизм достиг наибольших успехов³.

Другой областью, в которой получил развитие чешский прозаический язык, была журналистика, обязанная своими успехами прежде всего издательской деятельности В. М. Крамериуса. Сначала это была газета на чешском языке (1786), помещавшая статьи и заметки по самым разным вопросам общественно-политической и культурной жизни и способствовавшая тем самым развитию языка, выработке терминологии. Газета выполняла и еще одну важную функцию — приобщала читателя к чтению на родном языке. Наконец, она была одним из наиболее доступных и в то же время наиболее действенных средств пропаганды просветительских и патриотических идей среди самых широких слоев населения.

Средоточием национально-патриотической деятельности будителей стала «Чешская экспедиция» Крамериуса, издававшая лучшие произведения древней чешской литературы, что тоже служило делу национального воспитания. Однако в развитии собственно литературного творчества чешских прозаиков эти произведения могли играть лишь опосредствованную роль, вдохновляя на создание новых произведений и представляя материал, как языковой, так и тематический, для самостоятельного творчества.

Третьим источником для развития языка прозы стали переводы, сыгравшие важную роль в раскрытии выразительных возможностей чешского языка и в воспитании вкуса читателя, в его подготовке к восприятию художественной литературы. Чешская художественная проза как искусство слова со своими способами и формами словесной образности в первый период национального Возрождения еще не сложилась. Подобно тому, как возрождение театра началось с постановок немецких пьес в чешском переводе⁴, так и оригинальной чешской прозе нового времени предшествовали переводы. Про-

заические произведения представлены были полухудожественными книжками народного чтения, рыцарскими повестями и романами, переведенными преимущественно с немецкого⁵. Особенностью этих переводов была тенденция приспособления их к вкусам чешского читателя путем перенесения места действия на чешскую почву, в известные исторические места Чехии, в старинные чешские замки⁶. Такая локализация тоже способствовала формированию национального самосознания чешского народа, помогая ему почувствовать себя самобытным национальным коллективом, имеющим общие исторические корни и живущим на одной территории.

Одной из ступенек в подготовке к созданию художественной прозы на чешском языке могли служить и появившиеся в Чехии произведения с чешской тематикой, но написанные на немецком языке, подобно роману А. Зитте «Духовные путешествия Перегрина Штильвассера по Чехии» (1783)⁷. Они подготавливали почву для перехода от литературы, существовавшей на территории Чехии, к чешской литературе на родном языке.

К концу XVIII в. относится и появление первых самостоятельных чешских произведений. На отечественном материале построена повесть плодовитого переводчика и драматурга Прокопа Шедивого под названием «Чешские амазонки, или Девичья война в Чехии» (1792), представляющая собой обработку с некоторыми добавлениями в духе рыцарских романов сюжета из «Чешской хроники» Вацлава Гаека из Любочан (XVI в.), одной из первых изданной заново Крамериусом. В духе народного фарса построено юмористическое повествование чешского автора Яна Рулика «Веселый Кубичек, или вольтник, заколдованный в Кашперских горах» (1799). В 90-е годы к этим произведениям прибавляется еще ряд обработок народных сюжетов. Эти книжки удовлетворяли потребности чешского читателя в занимательном чтении на родном языке, а главное — в них проявилась попытка ответить на вопросы нарождающегося национального движения как в выборе героя — представителя своего народа (Кубичек), так и в стремлении привлечь внимание читателя к народным сюжетам (Девичья война), т. е. показать возможность создания прозаических произведений на национальном чешском материале.

Трудно дать правильное определение жанрово-стилистической принадлежности этих произведений, ибо они еще не являются художественной прозой в подлинном смысле, но определенная роль их в формировании самосознания чешского народа несомненна.

С начала XIX в. чешское национальное Возрождение вступает в новую фразу своего развития. Появляется поколение будителей из демократических слоев общества, вышедшее преимущественно из крестьянской среды, а потому хорошо знающее и народ и чешский язык, которое соединяет теоретические устремления своих предшественников с практическими шагами на пути пробуждения и формирования национального самосознания чешского народа.

Большими успехами ознаменовалось развитие чешской поэзии и драматургии, которые, преодолевая стиливые особенности класси-

цизма, осваивают постепенно поэтику сентиментализма. Четко наметить границы перехода от одного направления к другому весьма трудно: в рамках одного произведения часто совмещаются разные стилевые особенности, но в целом в первой трети XIX в. в чешской литературе преобладающим становится тип произведений, наиболее близких по настроению и своим художественным принципам к поэтике сентиментализма, или преромантизма. (В чешской научной литературе мы встречаем и тот и другой термины для обозначения стиля этого времени. Ф. Водичка и Ю. Доланский пользуются термином преромантизм, полагая, что он характеризует эпоху в целом и включает в себя более широкий круг явлений, чем сентиментализм⁸. К. Крейчи ставит знак равенства между понятиями преромантизм и сентиментализм и употребляет в своих работах последнее⁹. Для нас такая точка зрения представляется более правильной и привычной).

Собирание народной поэзии, создание поэтических произведений в народном духе (первые поэтические создания В. Ганки, Ф. Л. Челаковского и др.) — все это говорит и о глубоком интересе к жизни своего народа, возникающем из осознания задач национально-патриотического движения, и одновременно о стремлении освоить новые для чешской поэзии области духовной жизни человека, отмеченные повышенной чувствительностью, элегичностью, проникновенным отношением к природе. Поэзия бардов, прославляющих свой народ, нашла своего Оссиана в легендарном чешском певце Люмире. Героические песни Краледворской и Зеленогорской рукописей, созданные В. Ганкой и Й. Линдой, сыграли ни с чем не сравнимую по своей значимости роль в проявлении и яркой вспышке национального самосознания чехов.

Общий подъем национального движения, связанный с укреплением позиций чешских буржуазных слоев, с их стремлением противопоставить себя немецкой буржуазии и найти поддержку среди чешского народа, привел к подъему и чешского театра, в котором буржуазия хотела найти выразителя своих интересов. Появляется много самостоятельных пьес, рождаются чешские драматурги, оставившие заметный след в развитии своего национального театра — Я. Н. Штепанек, К. С. Махачек, и особенно В. К. Клицера, создатель национальной комедии с социальным подтекстом и реалистическим изображением жизни простых чешских тружеников. Происходит «усвоение новых для Чехии форм драмы, сочетавшей эстетические принципы классицизма и романтической трагедии рока»¹⁰.

И в этот период национального Возрождения поэзия и драматургия отчетливо выражают национально-освободительные устремления чешского народа и способствуют своим патриотическим пафосом развитию национального самосознания. По утверждению Л. С. Кишкина, «эти две области чешской литературы являлись той сферой, где прямо или косвенно выдвигались требования, отражавшие интересы народных масс и молодой чешской буржуазии, которые на первой стадии общей борьбы с уходящим феодализмом и национальным бесправием во многом еще совпадали»¹¹.

Однако и развитие прозы, успехи которой не столь заметны, связано с идеологией национального движения. В развитии чешской прозы намечаются два направления, отражающие разделение внутри чешского общества: на одном полюсе массы народа, которые нужно пробудить к сознательной национально-освободительной деятельности, на другом — убежденные борцы за национальное освобождение, представители чешской интеллигенции, которые вырабатывают программу национального движения и несут свои идеи народу, сплачивая его в единый национальный коллектив. В этом процессе призвана сыграть особо значительную роль литература «как часть национального самосознания, как художественное национальное самосознание народа»¹².

Для удовлетворения читательского спроса простых людей создаются рассказы из современной и исторически удаленной жизни чешского народа. Выросшие из переводов в основном немецкой сентиментальной литературы, они проникнуты повышенной чувствительностью, большая роль отводится в них изображению меланхолических размышлений героев, их погружения в мир чувств и настроения. Неизменным интересом у читателей пользовались циклы рассказов Ф. Б. Томсы и Яна Й. Марека, появившиеся в 20-е годы, хотя они и носят подражательный характер, и с нашей точки зрения не могут претендовать на высокие литературные достоинства. Использование характерной для сентиментального рассказа символики цветов проявилось даже в названии прозаических сборников этих авторов: Ф. Б. Томса «Вешние фиалки, или Приключения и истории давних и нынешних времен» (1823) и Яна Йндрижиха Марека (Яна из Гвезды) «Ландыши, или собрание оригинальных романтических повестей из старых и новых времен» (1824 и 1828).

Отставание чешской прозы, которая еще не могла соперничать не только с литературами других народов, но и с другими родами литературного творчества в своей стране, было связано прежде всего с неразвитостью ее языка. Это первым понял Йозеф Юнгман, вокруг которого сосредотачивается в начале XIX в. вся национально-патриотическая, общественная и культурная жизнь чехов. Если конец XVIII в. ознаменовался борьбой за создание языка поэзии, за разработку новых форм стиха и стихотворной речи, то теперь встает новая задача — выработка «поэтического», то есть художественного языка чешской литературы в целом, формирование высокоразвитого языка как литературного языка чешского народа, выражающего его духовную сущность: чем богаче и развитее язык, тем сильнее и сувереннее народ, который им пользуется. Юнгман выдвигает на повестку дня борьбу за создание звучного выразительного языка, способного передать любое самое возвышенное содержание, любую «поэтическую» мысль во всех ее оттенках, во всем блеске поэтических образов и разнообразных средств художественной образности. И сам же Юнгман создает первое прозаическое произведение, написанное таким «поэтическим», то есть подлинно художественным языком. Это был перевод повести Шатобриана «Атала» (1805). Юнгман выступил новатором и преобразователем как в об-

ласти лексики, введя в перевод множество неологизмов, расширивших синонимическое богатство языка, и поэтизмов, способствовавших созданию возвышенно-эмоционального стиля, так и в области синтаксиса, что делало язык более гибким и подвижным, также повышая роль эмоционального начала в прозе¹³.

Важно то, что источником языкового новаторства Юнгману служили чешские архаизмы и заимствования из других славянских языков, иными словами, то, что было связано с национальной традицией и с идеей славянской общности. А именно эти идеи в течение всего национального Возрождения были «движущей силой духовного развития чешского национального общества»¹⁴.

Знаменательно, что задачам национального развития Юнгман подчинил не только языковое перевоплощение оригинала, но и трактовку его содержания, превратив произведение христианского мистицизма с его погружением в религиозную символику в произведение с просветительской тенденцией¹⁵. Просвещение народа, освобождение его от средневековых предрассудков и религиозного фанатизма все еще оставалось насущной задачей будительского движения и также должно было служить целям воспитания национального самосознания.

Принципы разработки языка художественной прозы, заложенные Юнгманом, получили развитие в творчестве его учеников. Крупнейшим самостоятельным оригинальным произведением нового типа стала повесть Йозефа Линды «Заря над язычеством, или Вацлав и Болеслав» (1818). Хотя в основу ее легли истинные события из древней истории чешского народа, главное в ней не верность исторической правде, а создание поэтического образа далекой эпохи, поэтизация этого прошлого. Богатство душевной жизни героев, их размышления, предчувствия, чаяния и порывы, созвучность этому миру окружающей природы, символика наименований, игра мотивов, музыкальность языка, богатая звукозапись, переход к ритмизованной прозе, особо приподнятый эмоционально-возвышенный строй повествования — все это делает повесть Линды выдающимся произведением чешского сентиментализма, которым зачитывалась патристически настроенная молодежь. Роль Линды в создании поэтического языка чешской прозы невозможно переоценить. Она сопоставима с тем значением, которое имели для русской литературы повести Н. М. Карамзина.

Сентиментальное направление полнее всего отвечало настроениям чешского общества как выражение идеологии пробуждающегося к самостоятельной жизни национального коллектива. Способность к чувству, состраданию, сочувствию, как указывает П. А. Орлов, «драгоценный дар природы, в котором выразилась общественная натура человека. На ней, по мысли сентименталистов, основана солидарность людей»¹⁶, в нашем случае — появление чувства принадлежности к национальному коллективу у чехов.

Однако путь развития чешской прозы, по которому пошел Линда и его последователи, имел и свои недостатки: прежде всего, оторванность от народа. Из-за эстетической усложненности и вычурности

слога эти произведения оказывались мало доступными простому читателю. Возникла парадоксальная ситуация: произведения, созданные как непосредственный отклик на требования чешского национального развития, оказывались далеко позади по сравнению с примитивными в художественном отношении рассказами Томсы и Марека в смысле непосредственного воздействия на национальное самосознание масс. Их роль была в другом — в создании языка как первоосновы, на которой в дальнейшем строился синтез новой литературы: и развитый язык, и содержание, доступное народу.

Выражением литературно-эстетической программы нового периода национального Возрождения стала статья Й. Юнгмана «О классичности в литературе вообще, в чешской в особенности» (1827). В качестве главного требования выдвигалось создание литературы, связанной с жизнью народа и обращенной к народу, ибо народ — творец и потребитель духовных ценностей, и носитель национальной самобытности. Однако наряду с национальным содержанием литература должна была обладать и высокими эстетическими качествами, художественным совершенством¹⁷.

К выполнению этой задачи чешская литература подходит в 30—40-е годы XIX в. В эту пору прочные позиции в ней завоевывает романтизм, который начал заявлять о себе в поэзии в предшествующие десятилетия в творчестве Я. Коллара и Ф. Челаковского, а теперь выступает в форме революционного романтизма в поэзии К. Г. Махи.

В 30-е годы XIX в. происходят значительные сдвиги и в развитии чешской драматургии — театр становится подлинным выразителем народной жизни. В центре оказывается герой из народа, участник национальной борьбы — характерная фигура чешского романтизма, а главной темой патриотической романтической драмы становится тема гражданского долга, самоотверженного служения народу и родине.

Впервые появляются условия для создания чешской прозы, ибо сама чешская жизнь дает теперь примеры собственной национальной деятельности: «для того, чтобы появились отражавшие национальную жизнь прозаические произведения, нужен был сам опыт этой жизни, жизни чешского народа как формирующейся и борющейся за свое освобождение нации»¹⁸.

Более сложным и длительным оказался процесс усвоения романтического стиля и метода в прозе, особенно в прозе, предназначенной для широкого читателя и связанной с национально-патриотической проблематикой.

Создателем ее можно по праву считать чешского писателя-патриота, крупнейшего деятеля чешского национально-освободительного движения, организатора многих патриотических начинаний 30—40-х гг. XIX в. Й. К. Тыла. Он выступил с новой программой развития чешской литературы, суть которой сводилась к требованию сближения литературы с актуальными задачами общественного развития. По его мысли, это должна была быть литература, отражающая жизнь народа в формах, понятных, близких народу, при-

званных воспитывать народ в духе преданности своей родине и идеалам борьбы за национальное освобождение. Литература должна была представить нового героя — борца за эти идеалы, гражданина и патриота¹⁹. В качестве программного требования Тыл выдвинул необходимость создания чешской литературы на отечественном материале, используя средства художественной изобразительности родного чешского языка. Только оригинальное творчество способно отразить особенности и своеобразие нашей жизни! Этот лозунг Тыл осуществлял неукоснительно. В редактируемом им журнале «Кветы» он помещал только чешские материалы и никаких переводов! Он резко критиковал Ф. Л. Челаковского, печатавшего в своем журнале «Ческа вчела» преимущественно переводы и объяснявшего это тем, что оригинальное чешское творчество еще несовершенно. Лучше дать читателю добротную, высокохудожественную литературу, заимствованную у других народов, полагал Челаковский, чем портить его вкус третьесортными отечественными созданиями.

Вклад Челаковского в развитие чешской прозы тоже немаловажен именно благодаря его переводам. На страницах своего журнала он помещал переводы с русского, принадлежащие другим чешским авторам, что способствовало формированию языка и стиля нового для чешской литературы жанра — рассказа. Принадлежащие к сентиментальному и романтическому направлениям в русской литературе, эти рассказы помогали проникновению поэтики сентиментализма, а затем и романтизма в чешскую прозу. Достоинство этих переводов заключалось и в том, что они отражали «стремление освободить чешскую культуру от одностороннего немецкого влияния»²⁰. Несмотря на то, что они представляли в большинстве случаев второстепенных русских писателей (О. И. Сенковского, О. М. Сомова, Ф. В. Булгарина и др.), тем не менее они по своим литературным достоинствам стояли выше отечественной чешской прозы этого периода²¹. Их появление стало составной частью чешского литературного процесса, подготавливало создание оригинальной чешской прозы.

В смысле развития чешского прозаического языка свою роль сыграли и прозаические переводы Я. С. Томичка поэмы А. С. Пушкина «Цыгане», опубликованной в журнале «Чехослав» (1831), и Ф. Л. Челаковского «Сказка о царе Берендее» В. А. Жуковского (1835).

Тыл считал единственно необходимым путь совершенствования родной литературы, а потому сам, подобно Юнгману в предшествующий период, приступил к исполнению этой программы. По его мнению, лучше всего задачу пропаганды национально-патриотических идей мог выполнить рассказ, как наиболее подвижный и способный живо откликаться на злобу дня повествовательный жанр.

Образцом Тылу служил переводный рассказ, хорошо знакомый читателю, ставший традиционным в его сознании. Следуя установленным приемам сентиментальной прозы, Тыл широко использует форму монологов, писем, записок, дневников. Характерной чертой героев его первых рассказов является преувеличенная чувствитель-

ность, хотя сама природа этой чувствительности меняется, — в основе ее чувство братской любви, объединяющей рождающийся национальный коллектив, чувство любви к народу как высшей ценности в обществе, любовь к родине как высшее проявление человеческого духа.

Тематика рассказов Тыла связана исключительно с жизнью чешского общества. Одинаково широко привлекается как исторический материал, героические страницы прошлого («Билинский владыка», 1833; «Свадьба на Сионе», 1834; «Розина Рутгардова», 1839 и др.), так и современность («Жених без невесты», 1833; «Комедианты», 1834, «Через пять лет», 1836 и многие другие).

Новаторство Тыла заключалось в том, что используя привычные формы и повествовательные методы, он наполняет их новым содержанием, новым идейным смыслом, превращая сентиментальный рассказ в рассказ с ярко выраженной патриотической тенденцией. По мнению чешского исследователя К. Крейчи, возникающий в литературе культ патриота является завоеванием классицизма, но наиболее мощное его развитие связано с сентиментальным направлением.

Й. К. Тыл, выступавший как активный деятель национально-освободительного движения и организатор общественной жизни своего времени, и к литературе подходил с этих позиций, считая, что самой главной ее задачей является непосредственное воспитание национального самосознания. Стремление привлечь каждого чеха к национальному движению, сделать его активным членом общества, борцом за национальные идеалы проходит красной нитью через все творчество Тыла, отражаясь даже в заглавиях его рассказов «Любовь патриотки» (1841), «Любовь патриота» (1842), «Родина и мать» (1844) и др.

Тыл задается целью представить своим соотечественникам пример для подражания, показать образец поведения истинного патриота. Так возникает идеализированный образ героя-патриота, воплощающий общественный идеал своего времени.

Актуальность тематики ведет к изменению способа изображения действительности: на смену вычурности слога и слащавой сентиментальности приходит большая естественность языкового выражения, простота и доходчивость стиля. Для оживления повествования Тыл вводит рассказ от первого лица, появляются интонации живой разговорной речи.

Происходит постепенная эволюция художественного метода писателя. Теперь уже не просто душевная жизнь героя волнует его, а одухотворенность этого героя высокими идеалами борьбы за национальное освобождение, готовность на любые жертвы во имя этой высокой цели. Противопоставление идеального героя реальной действительности, которая еще не выдвинула таких людей, является свидетельством романтической устремленности к идеалу, под знаком которой развивается все его творчество 40-х годов XIX в., не только прозаическое, но и драматургическое. Именно Тыл стал создателем героической революционно-романтической драмы, появив-

шейся в период революции 1848 г. («Ян Гус», «Ян Жижка», «Кутногорские рудокопы»).

В 40-е годы Тыл осваивает новый повествовательный жанр. Стремясь овладеть художественной формой, свойственной зрелым европейским литературам, он создает романтические повести («Директор театра», 1840; «Любовь поэта», «Мятежная душа», 1842; «Последний чех», 1844 и др.), в которых ставит, наряду с другими, и проблему индивидуализма. Однако решает ее по-своему, противопоставляя личность коллективным усилиям народа в борьбе за национальное освобождение и развенчивая индивидуалистические устремления с помощью романтической иронии.

При этом в его творчестве все больше внимания уделяется раскрытию социальных противоречий общества, реалистическому изображению жизни простых людей («Из жизни бедных»). Намечается новый поворот в творческом методе, который связан с новыми задачами общественного движения, с необходимостью решения социально-политических вопросов в период подготовки революции 1848 г. Не только революционный порыв, но верность правде жизни, пристальное внимание ко всем сторонам и условиям существования нации, умение показать настоящее во всей его неприглядности, чтобы тем яснее была необходимость его изменения. Такова новая задача, которую ставит Тыл и перед собой и перед всей чешской литературой в целом.

Творчество Тыла представляет яркий пример взаимосвязанности и взаимообусловленности процессов литературного развития и роста национального самосознания в период национального Возрождения. Пробуждение и воспитание национального самосознания выдвигается Тылом как главная задача литературы. В свою очередь возрастающий уровень национального самосознания требует от литературы овладения новыми формами и методами эмоционального воздействия на читателя: от пробуждения чувства национальной принадлежности и любви к родине на первом этапе, связанном с сентиментальным направлением, — к осознанию необходимости беззаветного служения идее национального освобождения, которому наиболее полно отвечает романтическое мироощущение.

Множественность задач, незавершенность одних и необходимость решать новые создает распыленность границ при переходе от одного художественно-стилистического направления к другому.

Вообще слияние разных стилей и художественных методов в творчестве одного писателя и даже в рамках одного произведения — чрезвычайно характерно для всей литературы эпохи национального Возрождения²². Как указывает Ю. Доланский, «сосуществование всех трех направлений [классицизм, преромантизм, романтизм. — Н. Ж.] часто наблюдается в различных произведениях одного и того же автора. Оно проявляется очень часто даже в разных элементах одного и того же произведения, когда явственно выраженная романтическая идея и сюжет реализуются отчасти средствами классицистической образности и стилистики»²³.

По словам советского исследователя С. В. Никольского, на первом этапе национального Возрождения «в литературе явственно ощущались черты просветительской и классицистической поэтики», в дальнейшем «все более усиливается роль повышенной эмоциональности, типичной для преромантизма и романтизма. Однако своеобразии процесса состояло в том, что и просветительские явления не сходят на нет, они часто взаимопроникают, образуя своего рода «симбиоз». Ощущается, вместе с тем, в литературе и сентиментально-мещанская стихия, особенно заметная, пожалуй, в литературе австрийских славян, прежде всего у чехов»²⁴.

Художественное воплощение общественного идеала своего времени, связанное с формированием определенного уровня национального самосознания, нашло свое наиболее полное выражение в творчестве Й. К. Тыла.

Одновременно с Тылом вступает в литературу К. Г. Маха. Уже в 30-е годы он создает романтическую прозу (повести «Цыгане», «Маринка», 1836), тесно связанную с его поэтическим миром, глубоко лиричную, проникнутую страстной эмоциональностью, исполненную таинственности и трагизма. Маха не стоял в стороне от общественного движения своего времени, однако способ выражения его национально-патриотических чувствований был необычным, выпадал из общей тональности идиллического любования внутренним национальным миром. Все его творчество окрашено глубоким трагизмом, вытекающим из острой неудовлетворенности современной действительностью. Попытки разобраться в роковых вопросах бытия, определить причину зла, господствующего в мире, были уникальным явлением в чешской литературе, а потому не встретили понимания у современников.

Мятежная неудовлетворенность героев Махи, их тоска по недостижимому, их неприятие существующего мира намного опережали тот уровень национального сознания, который был свойственен чешскому обществу 30-х годов XIX в. В этом следует искать причину неприятия творчества Махи в этот период, резко отрицательное отношение к нему даже со стороны Й. К. Тыла, осудившего Маху за отход от национальной проблематики.

Еще и в 40-е годы предпочтение отдавалось романтическим произведениям, связанным с национальными темами, с идеалами жертвенного служения народу и родине. Именно поэтому большим успехом пользовались героико-романтические повести П. Хохолоушека, рассказывавшие о борьбе южных славян с турецкими завоевателями («Черногорцы», 1843; «Гайдуки», 1846; «Гайдуцкая смерть», 1847 и др.). Их центральной фигурой был борец за народное дело, отдающий жизнь за национальное освобождение. С этим связано и восторженное отношение к повести Гоголя «Тарас Бульба», издававшейся в 1839 и 1847 годах. Ее переводчик К. Зап руководствовался в своей работе потребностями развития отечественной литературы: его привлекали не только неповторимость, своеобразие и национально-освободительный пафос произведения, но и стремление

восполнить пробел в развитии чешской прозы, помочь тем самым ее совершенствованию²⁵.

Чешская литература 30-х и особенно 40-х годов XIX в. и формирует и отражает тот уровень развития национального самосознания, когда уже появилось понимание своей национальной принадлежности, закрепленное в общности языка (наиболее емко оно запечатлелось в афористических строках стихотворения Тыла «Где родина моя?»), в осознании особенностей национального чешского характера (воплощенном в поэтическом мире лирического героя Челаковского в «Отголосках чешских песен»), когда выкристаллизовалось представление об общности исторических судеб народа, о чем свидетельствовало широкое обращение чешских писателей к темам национальной истории. Тут и первые опыты освоения национальной тематики у П. Шедивого и А. Зимы, и «Заря над язычеством» Й. Ливды, и пьесы Кличперы и самого Й. К. Тыла, и наброски исторического романа «Палач» К. Г. Махи, а главное — это уже созданная и вошедшая в сознание народа прогрессивная концепция чешской истории в трудах Ф. Палацко.

Национальное самосознание чешского народа запечатлелось и в сложившейся системе национальной образности, которая веками накапливалась в фольклоре, а затем перешла в литературу в период увлечения народным творчеством. Это и образы героев народных преданий и легенд (Либуше, Пршемысл, Ольдржих и Божена, Далибор и Палечек и многие другие) и образы реальных исторических лиц, воплощавших лучшие черты национального характера (прежде всего народные вожди Ян Гус и Ян Жижка). Наконец, это и образы дорогих сердцу каждого чеха мест, сливавшихся в их представлении с образом родины: гора Ржип, полноводная Влтава, воспетая К. Г. Махой, и не менее вдохновенно запечатленная Тылом Прага.

К этому времени становится хрестоматийным и образ чешского патриота, борца за национальное освобождение родины. Все это было создано к 40-м годам XIX в. Закрепилось в сознании народа и представление об общности целей, объединяющее всех чехов.

По мере развития национального самосознания и дифференциации сил в национально-освободительном движении происходило обособление политических и культурно-исторических задач. Литература по-прежнему отражала потребности общества, высоко неся свое призвание просветителя и воспитателя масс, пропагандиста национальных идей. Этим объясняется и то, что среди идейных вдохновителей и участников революции 1848 г. оказываются такие чешские писатели как Й. К. Тыл, К. Гавличек-Боровский, К. Сабина.

Отражение в литературе возросшего уровня национального самосознания было возможно лишь на новой ступени творческого развития, связанного с освоением реалистического метода, для которого характерно изображение социальных конфликтов эпохи. Однако в творчестве чешских писателей социальное видение мира еще не перерастает в реалистическое его отображение. Черты реалистического подхода мы наблюдаем и у Махи, особенно в описании обста-

новки и быта пражской бедноты в «Маринке» или верно схваченный жизненно-реальный характер отставного Барты в «Цыганах». Еще более правдивые, взятые из самой жизни наблюдения находим мы у Тыла, рассказывающего о тяжелом существовании бедных горожан («Из жизни бедных», «Пепик и Пепичка» и др.). Все же это лишь отдельные реалистические черты, не сложившиеся в цельную художественную систему. Переход Тыла на позиции реализма так и не состоялся: его творчество находится на грани романтизма и реализма, сохраняя при этом и отдельные сентиментальные и просветительские тенденции.

Видный чешский писатель и публицист К. Сабина сыграл важную роль в развитии национального самосознания. Связана она не столько с оригинальным прозаическим творчеством писателя, сколько с его литературно-критической и общественно-политической деятельностью в период революции 1848—1849 годов. Так, написанная им тогда статья «Демократическая литература» содержала по сути дела программу дальнейшего развития прогрессивной чешской литературы. Она заложила фундамент формирования эстетической концепции реализма²⁶. К. Сабина, по сравнению со своими современниками, сумел наиболее четко сформулировать принципы движения чешской литературы на два-три десятилетия вперед. Однако, само творчество Сабины отставало от его теоретических принципов, как и от художественных достижений его друзей и современников К. Г. Махи и Й. К. Тыла.

Идейно-эстетические принципы К. Г. Махи, не принятые его современниками, были возрождены в творчестве маевцев в 60-е годы, однако в развитии прозы более сильны оказались традиции Й. К. Тыла. Именно Тыл стоит у истоков развития чешской прозы нового времени, он проложил ту колею, по которой двинулось дальнейшее развитие чешской литературы, воспринявшей его идею беззаветного служения делу национального освобождения, а вместе с этой идеей и стремление к созданию идеального образа чешского национального героя. Особенно ярко они проявились в творчестве наиболее значительных чешских прозаиков 50—70-х годов XIX в.: Б. Немцовой, В. Галека, К. Светлой.

И в их творчестве, тяготевшем к реализму, реалистическому мировоззрению противостояли сильные национально-романтические тенденции, со свойственным им стремлением представить идеал, достойный подражания, показать чешского человека в ореоле лучших человеческих свойств. У Немцовой — это бесконечная доброта, бескорыстие, отзывчивость и человечность ее героев и героинь, простых чешских тружеников, и победа света и добра над всеми трудностями и препятствиями, встающими на жизненном пути человека. У Светлой — негибаемая стойкость и нравственная сила ее героинь, способных на самоотречение и самоотверженное служение людям; у Галека — душевная чистота и красота простого человека, носителя народной мудрости и народной веры в лучшее будущее. Только Я. Неруда сумел целиком перейти на реалистические позиции.

- ¹ Солнцева Л. П. Театр Чехии и Словакии. М., 1977, с. 28.
- ² Тугова Л. Н. Чешский театр эпохи национального возрождения. М., 1980, с. 30.
- ³ Dějiny české literatury. Pr., 1960, díl II, s. 60.
- ⁴ Тугова Л. Н. Указ. соч., с. 49, 54.
- ⁵ Krejčí K. Klasicismus a sentimentalismus v literaturách východních a západních Slovanů. — In: Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Pr., 1958, s. 308.
- ⁶ Vodička F. Počátky krásné prózy novočeské, Pr., 1948, s. 167—169.
- ⁷ В научный оборот этот роман ввел А. С. Мильников в своей книге «Эпоха просвещения в чешских землях» (М.: Наука, 1977). Однако правильно было бы назвать это произведение не первым чешским просветительским романом, а первым просветительским романом в чешских землях.
- ⁸ Vodička F. Op. cit., s. 144—148; Dolanský J. Otázka periodisace romantismu ve vývoji slovanských literatur. — In: Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě: Literatura-folklor-historie. Pr., 1973, с. 7—20.
- ⁹ Krejčí K. Op. cit., s. 289.
- ¹⁰ Солнцева Л. П. Указ. соч., с. 33.
- ¹¹ Кишкин Л. С. Значение и роль литературных связей на разных стадиях формирования национальной литературы. — Slavia, 1979, № 2—3, с. 226.
- ¹² Никольский С. В. О некоторых задачах исследования литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху формирования наций. — В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979, с. 115.
- ¹³ Vodička F. Op. cit., s. 62—77.
- ¹⁴ Ibid., с. 77.
- ¹⁵ Ibid., с. 60.
- ¹⁶ Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977, с. 268.
- ¹⁷ Соловьева А. П. Роль литературных программ в формировании национальной литературы. — Slavia, 1979, № 2—3, с. 198.
- ¹⁸ Кишкин Л. С. Указ. соч., с. 227.
- ¹⁹ Otruba M., Kačer M. Tvůrčí cesta J. K. Tyla. Pr., 1961, s. 47—55.
- ²⁰ Задражил Л. Переводы русской литературы в журнале «Ческа вчела». 1834—1835. (Резюме) — In: Čtvero setkání s ruským realismem. Pr., 1957, s. 76—77.
- ²¹ Ровда К. И. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. Л., 1968, с. 50.
- ²² Krejčí K. Op. cit., s. 300—301.
- ²³ Dolanský J. Op. cit., s. 14.
- ²⁴ Никольский С. В. Развитие художественного мышления в славянских литературах эпохи национального возрождения. — Slavia, 1979, № 2—3, с. 187.
- ²⁵ Tábořská J. Gogol v české literatuře čtyřicátých a padesátých let. — In: Čtvero setkání s ruským realismem. Pr., 1957, s. 115.
- ²⁶ Соловьева А. П. Указ. соч., с. 201.

К ВОПРОСУ О РОЛИ РУССКО-СЛАВЯНСКИХ СВЯЗЕЙ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР НОВОГО ВРЕМЕНИ

И. М. Порочкина

Эпоха национального Возрождения у славян характеризуется деятельным самопознанием, базой которого стало представление о родственности исторических судеб, языков, литератур. «Поиски

генетического родства у славянских народов играли заметную роль в формировании их национального самосознания и тем самым защите их этнического существования»¹. Идея славянской общности восходит к далекому прошлому, ею проникнуты многие памятники письменности славян, как южных, восточных, так и западных. Однако представления о близости славян опирались главным образом на старинные предания и были весьма приблизительны, туманны. В начале XVIII в. в Чехии бытовала легенда о приходе славян в Иллирию, Хорватию и Далмацию и об их последующем расселении в Моравию, Чехию, Силезию, Польшу под предводительством братьев Чеха и Леха. Й. Х. Йордан в 1745 г. доказывал, что Хорватия была родиной третьего брата — Руса. Исподволь складывавшееся как самостоятельная отрасль науки славяноведение основывалось на воскрешении и актуализации давних, доисторических представлений о славянской общности, до поры до времени живших в народной памяти и распространившихся в массах в эпоху формирования наций.

Для этой эпохи характерно сочетание этнического и общеславянского патриотизма. «Само собой разумелось, — вспоминал чешский литератор Я. Малы (1811—1885), — что тот, кто нарекал себя почетным именем «патриот», считал своим долгом овладеть по крайней мере одним наречием южнославянским, а с остальными ознакомиться хотя бы настолько, чтобы без особого труда понимать написанные на них тексты»². Чешский поэт-будитель К. А. Винаржицкий (1803—1869) аллегорический характер одного из своих стихотворений объяснял особенностями не просто чешских, а славянских народных песен вообще³. С 1822 по 1827 г. вышли три тома «Славянских народных песен», составленные выдающимся чешским поэтом Ф. Л. Челаковским (1799—1852), — первый опыт общеславянской фольклорной антологии, ставшей источником вдохновения для многих славянских поэтов-романтиков.

И все же межславянские связи второй половины XVIII—самого начала XIX в. носили характер скорее научных и общекультурных, чем литературных. Это объясняется и относительно слабой развитостью литератур у некоторых славянских народов и первостепенностью задач национального Возрождения.

Важную роль в духовной интеграции славян и развитии русско-славянских культурных связей сыграла петербургская Академия наук. С нею был связан чешский астроном и физик К. Славичек (1678—1735), пионер теории электричества П. Дивиш (1698—1765), известный польский библиофил И. А. Залуский (1702—1774), избранный почетным членом Академии. В славянских землях, где не было своих академий, русская Академия, труды петербургской Академии наук и Российской академии пользовались постоянным вниманием. Прежде всего это касается работ по древнерусской истории В. К. Тредьяковского, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина. Выдающийся польский писатель А. Нарушевич (1733—1796), работая над шеститомной «Историей польского народа», пользовался «Древней российской историей» М. Ломоносова, а тот в свою оче-

редь обращался к польским источникам — трудам Я. Длугоша, М. Кромера, М. Стрыйковского. На «Историю русскую от древнейших времен» М. И. Щербатова и «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» Н. И. Болтина часто ссылались крупнейший польский историк и революционер И. Лелевель (1786—1861) и др.⁴

В Чехии в XVIII в. получили известность труды Ф. Прокоповича, А. К. Нартова, В. Н. Татищева, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова, М. М. Щербатова. Выводы русских ученых использовались в научной полемике, например, при переиздании Г. Добнером (1719—1790) «Чешской хроники» В. Гаека; велась переписка по вопросам, связанным с изучением восточных языков. «Довольно полезным своими познаниями» назвал Й. Дурих (1735—1802), один из первых чешских славистов, петербургского академика Г. З. Байера, автора «Grammatika sinnica»⁵. Публикации петербургской Академии наук в Чехии и Моравии использовались при составлении календарей⁶.

Проникновению русской книги на Балканы способствовало открытие там в ряде городов русских консульств. Русская книга стала поступать в частные и монастырские библиотеки, по русским пособиям велось обучение в начальных школах. Как показывает составленный И. А. Калосовой перечень «переведенных или перепечатанных русских изданий для южных славян в типографиях Рымника, Венеции, Сремски-Карловци, Вены, Буды»⁷, нужда в русской книге была столь велика, что ее перепечатывали в собственных типографиях. В Рымнике трижды (1726, 1727, 1734) было издано «Первое обучение отрокам» Ф. Прокоповича (1681—1736). В течение XVIII в. выходили и другие сочинения этого выдающегося русского церковного и общественного деятеля, ученого и поэта.

В сербских землях, насильственно поделенных между двумя империями — габсбургской и османской, — начальные школы при монастырях были очагами национальной культуры. Тот факт, что учителя в эти школы порой приглашались из России, а обучение, как мы уже говорили, велось по русским книгам, укреплял общеславянские настроения и способствовал возникновению русофильских тенденций. Выдающийся деятель сербского национального Возрождения Д. Обрадович (1739—1811) в сочинении «Жизнь и приключения Димитрия (Досифея) Обрадовича» вспоминал, как настоятель монастыря, сам «прост и неучен», убеждал его отправиться на учение в Москву и Киев. Петр I, говорил старец, был превосходным «цезарем», потому что любил науки, именно такие государи «избавят и освободят от Тиранства, Глупости и Варварства всю Европу, Сербию, Боснию и Герцеговину — наше древнее милое отечество, Болгарию, Грецию и другие земли. . . »⁸.

Таким образом, почву для восприятия русской культуры в эпоху национального Возрождения подготовили еще просветители. Один из них, словесец Кумердей, горячий поборник родного языка и литературы, говорил: «Наша страна так мала, что не может гордиться

среди других. Народ, от которого мы приходим, является самым презренным в так называемом цивилизованном мире; только блестящие труды наших родных братьев-русских могут это презрение до некоторой степени парализовать»⁹. У угнетенных славянских народов крепло сознание необходимости приобрести сильного союзника в борьбе за духовную и национальную независимость. Таким союзником рассматривалась Россия. Первый крупный словенский поэт, издатель газеты «Люблинске новице» (1797—1800) В. Водник (1758—1819) приветствовал в своей газете русскую армию, проходившую через словенские земли в Италию. Во многом понятная русская речь, русские песни произвели впечатление во всех славянских землях, через которые пролег путь русских солдат в 1799 г. Об этом сообщала, в частности, газета основателя издательского дела в Чехии В. М. Крамериуса (1753—1808). Взятие А. В. Суворовым крепости Измаил в 1790 г. положило начало освобождению народов балканских стран из-под турецкого владычества.

В первой половине XIX в. трактовка славянской общности приобретает сугубо современный актуальный характер. Находившаяся в процессе становления славянская журналистика тех лет пестрит общеславянскими призывами. К примеру, номер восемнадцатый пражского журнала «Йинды а ныни» за 1833 г. вышел под лозунгом «Славяне! Будьте вместе, дети одной матери!» Национальное культурное развитие славянских земель находило сочувствие и поддержку в России. Не раз обращается к славянской теме А. С. Пушкин, творчество которого впоследствии вызовет широкий отклик в славянских землях. «Славянин» становится для него синонимом «русский». Определение «гордый» как бы воплощает свободолюбие славян, их стремление к независимости. «Гордый внук славян», — пишет он в стихотворении «Памятник», «гордый славянин» — в «Евгении Онегине».

Славянское родство воспевали поэты-классицисты и романтики: словенец М. Шнейдер (1784—1834), чех А. Марек (1785—1877), словак Я. Голлы (1785—1849), поляк Я. П. Воронич (1757—1829). Концепцию славянского мира, процветающего под эгидой России, создает в программном произведении «Дочь Славы» (1825) словацко-чешский поэт Я. Коллар (1793—1852). Возникла «... некая общеславянская солидарность в мыслях и чувствах; все, что будоражило мысль на севере, на Неве, или на юге, на нижнем Дунае, встречало сочувственный отклик на Влтаве»¹⁰. Чешский литератор, журналист Я. Малы в своих мемуарах вспоминал о «тайных кружках, распространенных в России, особенно среди военных, которые подняли в 1825 г. опасное петербургское восстание против царя Николая», в кружках, писал Малы, «увлекались шальной идеей всеславянской федерации». «Эти стремления были хорошо известны в Чехии, возбуждая в сангвинических натурах преждевременные, ни на чем не основанные надежды»¹¹. Но высокие цели освобождения России от гнета и крепостничества, выдвинутые декабристами, не могли не найти отклик в кругах прогрессивно настроенных деятелей культуры славянских народов.

По-видимому, патриотический пафос, а также особенности державинского стиля (славянизмы, насыщенность славянской мифологией и т. д.) обеспечили устойчивый интерес к его произведениям даже в те годы, когда в России слава поэта уже близилась к закату. «Если для XVIII в. произносительной базой для стиха были высокие ораторский стиль славянской речи, — пояснял впоследствии Б. В. Томашевский, — то в XIX в. основой литературного языка стал живой московский говор»¹². На рубеже XVIII—XIX вв. при всем уважении к русскому барду его слог в России начинают пародировать, а в славянских землях — только-только познавать, восхищаясь высокопарными строками, вроде «Я царь — я раб, я — червь я — бог». (Ода «Бог»).

Державиным (наряду с Ломоносовым и Пушкиным) увлекался великий сербский поэт П. Петрович Негош (1813—1851). Под влиянием русской литературы находился его предшественник и учитель, поэт, историк, собиратель народного творчества С. Милутинович (1791—1847), которого высоко ценили А. Мицкевич и Я. Коллар. Как установлено в недавних исследованиях, словацкий поэт А. Сладкович (1820—1872), выдающийся представитель словацкого романтизма, «создал для своих лироэпических романтических поэм новую строфу, используя и преобразуя при этом одическую строфу Державина»¹³. Можно вообще говорить о существенном влиянии на словацкую литературу творчества Державина, выразившего в своих одах, по выражению В. А. Жуковского, «блестящую сторону своего века»¹⁴. К. Кузmani (1806—1866), словацкий поэт, прозаик, теоретик литературы и общественный деятель, напечатал в № 3 основанного им журнала «Гронка» за 1838 г. латинскими буквами на русском языке оду Державина «Бог». Из всех произведений русского поэта именно эта ода получила наибольшую известность у зарубежных славян. Спустя год оду перевел на словацкий язык поэт С. Б. Гробонь (1820—1894). Державин и Ломоносов — «два русских чуда, которые, черпая силы в величии России, поднялись к высшим идеалам», — сказал в 1840 г. крупный словацкий общественный деятель, публицист, прозаик, поэт Й. М. Гурбан (1817—1888)¹⁵. К. Кузmani текст оды Державина полностью ввел в свой роман «Ладислав». А. Мицкевич считал, что именно у Державина впервые проявилось «понятие духа», которое польский поэт рассматривал как «краеугольный камень» славянской филологии¹⁶.

Как и в творчестве Державина (а еще до него — у Ломоносова, Сумарокова, Хераскова), в поэзии славянских классицистов был распространен жанр оды. У поляков к этой условно-традиционной форме обращались Я. Воронич, А. Нарушевич и др., у чехов — А. Пухмайер. С именем последнего связан первый перевод из русской литературы на чешский язык, это была ода М. М. Хераскова «Размышление о боге», которой открывался первый выпуск поэтического альманаха А. Пухмайера (1795). «Российский Гомер», как называл Хераскова Жуковский, на родине был «забыт»¹⁷, а у зарубежных славян его произведения, хотя и в меньшей степени, чем произведения Державина, продолжали воздействовать на литературу

вплоть до середины XIX в. Влияние его испытали словацкий просветитель С. Рожнай (1787—1815), Я. Коллар, чешский поэт-сатирик К. Гавличек-Боровский (1821—1856), сербский литератор П. Стаматович. Поэма Хераскова «Владимир» повлияла на создание сатирической поэмы К. Гавличека-Боровского «Крещение святого Владимира» (1856), а также на произведение Й. Линды (1789—1834) «Заря над язычеством» (1818). Херасковская «Россияда» наряду с некоторыми произведениями Н. Карамзина послужила материалом для В. Ганки и Й. Линды при составлении Краледворской и Зеленогорской рукописей¹⁸.

У южных славян знакомство с русским словесным творчеством в эпоху национального Возрождения началось с фольклора, с наиболее демократического пласта русского искусства. В предисловии к своей «Малой простонародной славяносербской песнарице», изданной в 1814 г. и сыгравшей неоценимую роль в культуре не только сербского, но и других славянских народов, В. С. Караджич (1787—1864), выдающийся деятель сербского национального Возрождения, лингвист, этнограф и историк, указывал, что замысел сборника возник у него после прочтения «одного большого российского песенника»¹⁹. По предположению В. Гусева это мог быть «Новый российский песенник», изданный в 1790—1791 годах²⁰. Собранные В. С. Караджичем песни переводили А. Х. Востоков, А. С. Пушкин, ими интересовались А. С. Грибоедов, Н. И. Гнедич и многие другие²¹.

Перу В. С. Караджича принадлежат «Добавления к С.-Петербургскому сравнительному словарю» (Вена, 1822), содержащие первые научные сведения о болгарском языке. Это имело тем большее значение, что даже такие крупные слависты, как Й. Добровский, Е. Копитар и П. Й. Шафарик писали о болгарском языке весьма неопределенно. В противоположность распространенной тогда теории о тюрко-татарском происхождении болгар Ю. Венелин в труде «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» доказывал принадлежность болгар к «славяно-русскому племени». Независимо от той или иной оценки взглядов Венелина, он по существу положил начало систематическому изучению прошлого и настоящего болгарского народа. Работа Венелина вышла в Москве дважды: в 1839—1841 и в 1856 гг. Там же появились и другие значительные работы Венелина: «О характере народных песен у славян задунайских» (1835), «О зародыше новой болгарской литературы» (1838) и др.

На первых порах вследствие неравномерности культурного развития интерес славянских писателей к русской литературе проявлялся главным образом в форме подражаний, вольных переделок, приспособлявших текст к духовным и социальным условиям воспринимавшей среды. Русские произведения «чехизировались», «сербизировались» и т. д. Уже само чтение, перевод, обработка представляют собой «акт творческого взаимодействия двух сознаний», являются «начальным элементом и начальной фазой литературных связей»²². На этой начальной фазе зарубежные славяне знали от-

дельных русских поэтов, переводили произведения русской литературы, но целостного представления о русском литературном процессе у них еще не было, славяно-русскому взаимодействию еще только предстояло обрести размах и глубину. С самого начала эпохи национального Возрождения славянские культуры неизменно опирались в своем развитии на культуру братского русского народа.

- ¹ *Мыльников А. С.* Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: *Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1977, с. 48.
- ² *Malý J.* *Vzpomínky a úvahy starého vlastence.* Pr., 1872, s. 50.
- ³ *Vinařický K. A.* *Korespondence a spisy pamětní.* Pr., 1908, s. 84.
- ⁴ О связях польских ученых с русской Академией Наук см.: *Stelicki F.* *Rosyjska Akademia Nauk i jej związki z nauką polską.* — *Slavia Orientalis*, 1975, N 1, s. 13—37.
- ⁵ *Korespondence J. Dobrovského.* Pr., 1895, t. 1, s. 101.
- ⁶ *Mul'nikov A. S.* *K otázce česko-ruských vztáhů v období osvícenství.* — *Česká literatura*, 1973, N 6, s. 541—549.
- ⁷ *Каменова И. А.* К истории проникновения русской книги в славянские страны Балканского полуострова в XIII в. — *Формирование национальных культур...*, с. 310—318.
- ⁸ Цит. по кн.: *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* *История славянских литератур.* 2-е изд., СПб., 1879, т. 1, с. 210.
- ⁹ *Чуркина И. В.* *Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия.* М.: 1978, с. 49.
- ¹⁰ *Malý J.* *Op. cit.*, s. 59.
- ¹¹ *Ibid.*, s. 49.
- ¹² *Томашевский Б. В.* *Стих и язык.* М., 1959, с. 108.
- ¹³ *Бакош М.* К вопросу о значении русской литературы для истории словацкой литературы. — *Slavica slovaca*, 1971, N 2, s. 107.
- ¹⁴ *Жуковский В. А.* Конспект по истории русской литературы. — *ЛЖ*, с. 103.
- ¹⁵ Цит. по: *Бртань Р.* Штуровцы и русская литература. — В кн.: *Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения.* М., 1968, с. 149.
- ¹⁶ См.: *Wollman F.* *Slavismy a antislavismy za jara národů.* Pr., 1968.
- ¹⁷ *Жуковский В. А.* Указ. соч., с. 99. Высказывание относится к 1826 г.
- ¹⁸ *Dolanský J.* *Ohlas dvou ruských básníků v rukopisech Kralovédvorském a Zelenohorském.* Pr., 1969.
- ¹⁹ *Анали Филолошког факултета.* Београд, 1964, т. 4, с. 230.
- ²⁰ *Гусев В.* Вук Караджич и русская фольклористика. — *РЛ*, 1964, № 2, с. 150.
- ²¹ *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Из истории русско-сербских связей. *Л.*, 1979.
- ²² *Никольский С. В.* Проблема избирательности интересов в процессе литературных связей и творческого взаимодействия. — В кн.: *Славянские литературы: VIII Международный съезд славистов.* М., 1968, с. 39.

О РОЛИ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“
В ЭВОЛЮЦИИ ИДЕЙ
ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
(НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАБОТЕ Й. ЮНГМАНА
НАД ПЕРЕВОДОМ ПАМЯТНИКА НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК)

А. С. Мыльников

Составной частью формировавшегося в Чешских землях национального самосознания было чувство славянской общности. Истоки этого процесса уходили в предшествующий период и уже на рубеже XVII—XVIII в. играли заметную роль в общественной жизни. Правда, эти национально-патриотические настроения долгое время не имели широкого распространения и были типичны скорее для сравнительно узкого круга патриотически настроенного побелогорского мещанства. Не случайно, конечно, что из этой среды вышли в 1660—1680-е годы Б. Бальбин и его единомышленники, а затем А. Фрозин и другие публицисты первой половины XVIII в. Для этой же среды издавал свою газету на чешском языке К. Розенмюллер, уделивший значительное внимание России и русской культуре¹.

По мере того, как этносоциальный процесс становления чешской нации с середины XVIII в. стал набирать силу, славянские симпатии получили распространение в более широких общественных кругах, в том числе среди крестьянства и городских низов. Этому в немалой степени способствовало неоднократное посещение Чешских земель русскими войсками, которые воспринимались здесь не только как союзные армии, но и как представители народа, язык которого был близок и понятен чехам. На этот счет сохранилось много свидетельств, которые позволяют заключить, что постепенно славянские симпатии входили в структуру вызревавшего национального самосознания, а затем подхватывались деятелями эпохи национального Возрождения и входили в «национальную идеологию». Отсюда, между прочим, брали корни идеи всеславянства, составившего основу национально-культурной программы, с которой молодой Юнгман публично выступил в журнале «Гласатель чески» в 1806 г. и которую он развивал и отстаивал на протяжении всей последующей жизни. В таком контексте надлежит оценивать и обращение Юнгмана к изучению и переводам произведений литературы других славянских народов. Но, пожалуй, особое место занимало здесь «Слово о полку Игореве» — замечательный памятник, открытие и публикация которого вызвали энтузиазм в славянском мире. И потому каждая находка, связанная с судьбой переводов «Слова» на славянские языки, имеет большое значение. К числу таких находок относится и рукопись, анализу которой посвящена предлагаемая статья.

То, что в Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР под шифром «Varia-32» хранится какой-то список «Слова» в латин-

ской транскрипции, стало нам случайно известно в 1970 г. Список этот, авторская принадлежность которого была неизвестна, особого внимания исследователей «Слова» до того времени не привлекал. Благодаря любезному содействию директора Института проф. Е. П. Метровели и помощи научных сотрудников Э. Г. Барнавели и Е. М. Мачавариани нам удалось в 1972—1973 годах ознакомиться с археографическими и палеографическими особенностями этого списка. В результате мы пришли к выводу, что список относится к 1810 г. и принадлежал Й. Юнгману — первому переводчику «Слова о полку Игореве» на чешский язык. Таким образом, тбилисская находка оказалась непосредственно связанной не только с историей перевода Юнгманом этого произведения, а опосредствованно и с выдающимся чешским славистом Й. Добровским, посетившим осенью 1792 г. Петербург и первым из чешских ученых вообще познакомившимся там с коллекцией А. И. Мусина-Пушкина, у которого находился список «Слова о полку Игореве».

Обстоятельства работы Юнгмана над переводом «Слова о полку Игореве» и роль в ней Добровского давно уже привлекали к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Наиболее подробное освещение они получили у В. А. Францева, С. Вольмана и А. М. Панченко. В последнее время эти вопросы затрагивала Г. Н. Моисеева². Все же, обращаясь к этой любопытной странице чешско-русских культурных связей конца XVIII—начала XIX вв., нельзя не признать, что многое здесь еще до конца не прочтено. В первую очередь это касается творческой лаборатории Юнгмана, а тем самым и проблемы ранней интерпретации «Слова о полку Игореве» в чешской среде. Атрибутированная нами тбилисская находка позволяет существенно конкретизировать некоторые аспекты этой деятельности.

Известно, что инициатива перевода «Слова» в Чешских землях принадлежала Добровскому, сообщавшему об этом памятнике в издававшемся им сборнике «Славин» в 1808 г.³ Упоминание не было случайным, поскольку Добровский испытывал давний устойчивый интерес к «Слову о полку Игореве». С необычайной для своего времени прозорливостью и глубиной он не только увидел общеславянский контекст памятника, в древности которого никогда не сомневался, но и правильно истолковал некоторые «темные» места. Ознакомившись с первой публикацией «Слова» (1800) и комментариями к нему А. С. Шишкова по переизданию 1805 г., Добровский в письме 1810 г. к словенскому филологу Ернею Копитару отметил: «Русские совершенно не поняли некоторых мест»⁴. В качестве примера он ссылаясь на характеристику князя Всеслава, который, как сказано в тексте памятника, «из Кыева дорискаше до Кур Тмуторокая». Отвергая русский перевод слов «до Кур» в издании 1800 г. как «до Курска» и комментарий А. С. Шишкова, полагавшего, что Всеслав «многие другие страны... поспешно облетал», Добровский показал, что оборот «до Кур» означает «до петухов»⁵. Иными словами, в 1810 г. он дал прочтение, ныне считающееся признанным, опередив тем самым Р. Ф. Тимковского на добрые семь лет⁶. Вос-

Слова
О полку Игореве
Игора сына
Святослава,
вручка Олгова.

(1117 г.) Слова
О плъку Игоревѣ
Игора сына
Святославовича
вручка Олгова.

Var A 39

Не леполі ны башет,
brate, načati stary-
mi slovesy trudnykh
poviestii o polku Igo-
revě, Igora Svatoslava
liča! načati že sa
toi pesni po bylinam
sego vremeni, a ne
po zamysleniju Boanju.
Boan bo věščii, avču
komu choťare pesni
tworiti, to rastěka-
šet vā myoliju po
drevu, serym v lkom
po zemli, v izym or-
lom pod oblaky. Po-
mnāšet bo reč prvyykh
vremen usobice;
) пдн

Фотокопия «Слова о полку Игореве»
в списке И. Юнгмана,
л. 1

Ducha, nawede swoü
chrabryä plaxy na zem-
lju Polowickuju za zem-
lju Ruskiju. Tozda I-
gor wzre na swetloe
solnce i widi ot nego
tmoju woä swoä woä
prikryty, i reče Igor
k družini swoei: bra-
tie i družino! ličež
ny potäku byti, než
polonenu byti: a wo-
dem, bratie, na swoi
brzyä komoni, da po-
zrim sinego Donu.
Spala knäzju um' po-
choti, i žalost' emu zna-
menie zastupi, isku-
siti Donu velikago.
Chošcu bo, reče, kopie
prilomiti konce polä
Polowickago s wami
Rusiti, chošcu glawu
swoju priložiti, a ljubo
* 66

wremena. Ulobica knä-
zem na poganyä pogybe,
rekosta bo brat brati.
se moe, a to moeže; i
naciäsa knägi pro ma-
loe, se velikoe mlwiti,
a sami na sebi xräma-
lu kowati: a pogani
s wočeh stran prišaj-
dachu s pobädami na
zemlju Ruskiju. O!
daleče zaide wokol,
ptic woä x mozju: a
Igorowa chrabrago pl-
xu ne xräsiti. Za-
nim xlienu karna i
člä, po stoči po Rus-
koi zemli, smagu my-
gjuči w plamäni rozě.
Ženy Ruskiä woplaka-
šas artuči: už nam
swoich milych čad ni
mysliju smyoliti, ni
dužju idumati, ni
očima sglädati, a
plata i srebra ni ma-

Фотокопия «Слова о полку Игореве»
в списке Й. Юнгмана,
л. 2 (слева), л. 5 об. (справа)

zlatym selomom porwē-
ciwaa, tamto lesiat paga-
nyā golowy Polowecyā;
poskepany sablami ka-
lennyi selomy Owar-
skia ot lebe it' Ture;
Wrowolode kaa rany do-
roga, bratie, zabys
čti i žiwota, i grada
Črnigowa, otrā zlata
stola, i swōa milyā
čoti krasnyā Přebow-
ny swyčaa i obyčaa.
Byli wēci Troāni, mi-
nula teta Aroslawā;
byli polci Olgowoy, Ol-
ga Swātowlawliā. Tū
bo Oley meim xrema-
čkowase, i strēly po
cemli sēāse. Stupaet
w zlat. stremen w gra-
dē Tmutorokanē. Tože
zwon slyša dawny
welikyj Aroslaw syn

* ТЪН

tela. Nemise krowa-
wi brese ne bologom
bāchut posčāni, po-
sčāni kootni Rus-
sich* synow. Wrowolaw
knāz ljudem wūdāse,
knācem grady rādāse,
a tam w noi wkom
ryskāse; is Kiewa do-
riskāse do kur Tmu-
torokanā; welikomu
chrooni wkom put'
preryskāse. Tomu w
Polotocki pozwonisa
zautrennjiju rano u
Swātjā Sofiei w ko-
lokoly: a on w Kiewē
zwon slyša. Ašce i
wēdca duša w duri
teli, n často bedy
strādāse. Tomu wēdci
Boān i prwoe pri-
pēwku omyslenyi re-
če: ni čytnu, ni go-
radu, ni pticju goradu,

• Духи хъ

Фотокопия «Слова о полку Игореве»
в списке И. Юнгмана,
л. 7 об. (слева), л. 11 (справа)

Wolgu wesły rastropiti,
a Ton śelomy wylęti.
Aże by ty był, to była
by łaga po nogach,
Košćci po rezanach. Ty
bo mołosi posuchu
żiwiti šerešiny strē-
lātki, u dalymi syny
Děbowy. Ty bui* Rju-
riče i Dawide, ne waju
li z lačeny mi śelomy
pokrowi plawaja?
Ne waju li chrabraci
družina rykajut axy
turi, raneny sablami
kaleny mi, napoči nez-
naemē. Wōstupida por-
rodina w z laka stre-
men, za obidu sego
wremeni, za zemlju
Riokuju, za rany
Igorowy, buego Swāt-
lawliča! Galicku

* Сун

w Ruskoj zemli. Dēz-
wili popjet na Dunai.
Wpuloa gołosi čnes na-
re do Kiewa, Igor edet
po Boritawni x Swā-
tēi Bogorodici Dero-
gođici. Strany radi,
gradi weseli, piewōe
pēon' starym knāžem,
a potom molodym.

Peti slawa Igorja
Swātlawliča. Bui tere
Wrewolodi, Wladimiru
Igorowici. Edrawi knā-
zi i družina, pobarā
za chrištāny na paga-
nyā plki, knāžem sla-
wa, a družine Amic.

КОНЕЦЪ.

Фотокопия «Слова о полку Игореве»
в списке Й. Юнгмана,
л. 14 (слева), л. 17 об. (справа)

принимая «Слово о полку Игореве» как памятник славянской культуры и полагая, что автором его был «малорус или червонорус», Добровский считал полезным привлечение при комментировании текста польских языковых параллелей. Он, в частности, подчеркивал, что большую помощь мог бы оказать составленный С. Линде «Словарь польского языка» (1807—1814). Примечательно, что этот словарь для Юнгмана явился образцом при создании словаря чешского языка.

Размышляя в 1812 г. о богатстве средневековой польской, чешской и русской письменности, Добровский отмечал, что если бы у русских «не было бы ничего, кроме летописей, от Нестора до 1630 г., то и тогда они имели бы уже многое. К этому прибавляется Игорь, стихотворение, которому ничего не может быть противопоставлено». Мысль замечательная и во многом поясняющая, почему именно Добровскому принадлежала инициатива создания перевода «Слова о полку Игореве»⁷.

Его инициатива носила широкий, тщательно продуманный характер и в полную меру учитывала языковую ситуацию, существовавшую тогда в Чешских землях. Добровский привлек к переводу «Слова» Юнгмана, уже завоевавшего к этому времени авторитет в чешской патриотической среде, а также словацкого поэта Самуэля Рожная, друга Яна Коллара, и преподавателя пражской гимназии немецкого литератора Иосифа Захариаса Мюллера. Предполагалось, что Юнгман должен был подготовить прозаический перевод «Слова» на чешский язык, Рожная — поэтический перевод, а Мюллер — прозаический перевод памятника на немецкий язык, поскольку, по мнению Добровского, первый немецкий перевод, увидевший свет в лейпцигском альманахе Йогана Рихтера «Русская смесь» (1803), обладал рядом существенных недостатков. К сожалению, интересно задуманный план в полном объеме реализован не был. Перевод Рожная, если он даже и был осуществлен, не сохранился. В рукописи остался и перевод Юнгмана — он был опубликован В. А. Францевым впервые в 1932 г. Напечатанным оказался только немецкий перевод Мюллера, снабженный подробной вступительной статьей и комментариями. Извещая читателей об инициативе Добровского, переводчик писал, что «точный и хороший чешский перевод господина профессора Юнгмана находится еще в рукописи». Далее Мюллер сообщал, что работа Юнгмана будет опубликована профессором чешской литературы Пражского университета Яном Неедлы в выпускавшемся им журнале «Чешский глашатай»⁸. Сообщение Мюллера позволяет, между прочим, понять, почему перевод Юнгмана в конце концов издан тогда не был. Очередной годовой комплект журнала Неедлого, остановившегося на 1808 г., появился только в 1818 г. К тому времени между Неедлы и Юнгманом, ранее с ним сотрудничавшим, установились неприязненные отношения, вызванные консервативной позицией Неедлого в вопросах дальнейшего развития чешского литературного языка. Новаторская позиция Юнгмана, стремившегося к обогащению чешской лексики за счет заимствований из русского и других славянских языков, казалась Неедлому неприемле-

мой не только с научной, но и с политической точек зрения. Понятно, что в такой обстановке публикация в его журнале чешского перевода «Слова о полку Игореве» Юнгмана была невозможна. Чешские читатели познакомились с этим произведением по переводу В. Ганки, изданному отдельной книгой в 1821 г., хотя именно Юнгману принадлежала честь быть первым переводчиком «Слова» на чешский язык.

Работа Юнгмана над «Словом о полку Игореве» происходила между 9 февраля и 18 апреля 1810 г. Том трудов Российской академии, в котором содержалась перепечатка мусин-пушкинского издания 1800 г. с пространными комментариями Шишкова, Юнгман получил от Добровского. Причем, всего на две недели. За столь короткий срок Юнгман, как он сообщал об этом своему другу А. Мареку, едва успел переписать в латинской транскрипции древнерусский текст памятника. Но уже 18 апреля он посылает для ознакомления Мареку завершённый им чешский перевод, который тогда предполагалось опубликовать в журнале Неудлого. Следовательно, над переводом «Слова» Юнгман был занят немногим более двух месяцев. Но о содержании творческого процесса до сих пор судить было трудно, поскольку в распоряжении исследователей имелся лишь завершающий вариант перевода, ныне находящийся в пражском Национальном музее. Другие же, промежуточные рабочие материалы, прежде известны не были. Тбилисская находка в значительной мере восполняет этот пробел.

Сначала о внешнем виде рукописи. Она представляет собой тетрадку без обложки, писана на плотной, сильно пожелтевшей бумаге чернилами. Размер рукописи 19,5×12,5, а размер текста 18×5,5 см. Бумага с филигранями, состоящими из поперечных линий (ширина между которыми колеблется от 2,5 до 2,7 см) и двуглавого орла со скипетром и державой, но без короны. На л. 2 и 7 просматриваются инициалы I. P.⁹ Представлялось бы заманчивым выяснить историю этого списка. По-видимому, он находился прежде в составе бумаг директора 2-й мужской тифлисской гимназии действительного статского советника Иосифа Федоровича Дрбоглава, чеха по происхождению. В Институте рукописей хранится его фонд, 53 ед. хранения которого преимущественно отражают преподавательскую и научную деятельность автора. Крайние даты материалов фонда 1870—1909 годы. Дальнейшее изучение вопроса могло бы представить интерес для истории чешско-российских связей второй половины XIX в.

Как показало сопоставление тбилисского списка с авторской рукописью Юнгмана из Национального музея (мы будем далее именовать ее пражским списком), оба автографа передают одну и ту же редакцию «Слова», по-видимому на основании шишковского воспроизведения 1805 г.¹⁰ В частности, знакомая по изданию 1800 г. «Слова о полку Игореве» фраза читается следующим образом: «Пети было песь Игореву, того (Олга) внуку» (л. 2 об.).

Почти тождественна и внешняя разбивка текста в пражском и тбилисском списках: слева — текст оригинала, справа — чешский

перевод в пражском списке и пустая колонка для перевода, который еще не был готов, — в списке тбилисском. Отличия в распределении текста левой колонки в обоих списках имеются, но они незначительны — в пражском списке текст переписан более плотно. Приведем лишь один пример:

Пражский список

Ne lepoli ny bāšet,
bratie, načati starymi
slowesy trudnych powe-
stii o pluku Iгореwě,
Igora Šwätswlawliča!

.

Тбилисский список

Ne lepoli ny bāšet,
bratie, načati stary-
mi slowesy trudnych
powestii o pluku Igo-
rewě, Igora Šwätswlaw-
liča! načti ze sã

.

Из приведенного примера видно, что латинская транскрипция обоих списков совпадает, не говоря уже об их археографическом сходстве. Следовательно, наш список отразил определенный этап работы Юнгмана над чешским переводом «Слова». Но какой именно?

Обратим внимание на собственно графическое восприятие Юнгманом текста памятника. Он, несомненно, стремился с максимальной добросовестностью передать древнерусский текст в латинской транскрипции, которая применена им в целях ускорения работы, поскольку И. Добровский, как указывалось, предоставил И. Юнгману труды Российской академии всего на две недели. Русский рукописный текст (в отличие от печатного шрифта) Юнгман, по его собственным словам, читал тогда еще очень плохо. Это создавало угрозу не только задержаться со снятием копии, но и совершить ошибки при переписке. Тем более, что и так из-за спешки он допустил в нескольких случаях пропуски, которые затем устранял, воспроизводя пропущенные слова на полях тбилисского списка.

Лишь в случаях, когда, по его мнению, латиница недостаточно точно передавала колорит оригинала, И. Юнгман в сносках воспроизводил русское написание. Так, к словам «toi», «ti» он делает пометку «тѣй» (лл. 1, 5 об., 13 об.). На л. 14 к словам «kostmi Ruskich synow» он делает сноску «Рускихъ».

И. Юнгман не всегда правильно понимал или передавал слова памятника. Кроме отмеченного выше, сошлемся еще на один пример, находящийся на л. 11. Правильно передавая обращение «Ты буй Рюрик и Давиде», к транскрибируемому слову «bui» он делает пометку русскими буквами «Суй». Возможно, однако, что здесь И. Юнгман просто спутал для того времени действительно довольно близкое написание букв «б» и «с». По этой же, видимо, причине слово «стрелявши» на с. 30 издания 1800 г. И. Юнгман передает как «стреляеши» (л. 11 об.), заменяя там «в» на «е», в примененном печатном курсиве действительно сходные друг с другом. Важно подчеркнуть, что все отмеченные и подобные им разночтения (число которых, кстати сказать, невелико), были исправлены И. Юнгманом в окончательной редакции перевода. Так, во фразе «а всядем, братие, на свои бръзые комони» слово «всядем» Юнгман сперва транс-

крибировал как «wsedem» (л. 2). Позднее, стремясь передать звук «я», он изменил транскрипцию «wsiadem». Но вообще букву «я» он передает через а-умяют (ä)¹¹. В ряде случаев при снятии копии Юнгман, возможно, непроизвольно для себя, вводил чехизмы, которые сохранились и в тексте пражского списка. Так, вместо «чрълен стяг», «чрлена чолка» он пишет «črwlen stäg», «črwlena čolka» (л. 4—4 об.). Переписывая текст памятника, Й. Юнгман в концовке привел слово «аминь» (из публикации оригинала) и слово «конец» (из помещенного в издании 1800 г. перевода на современный русский язык). В окончательной редакции перевода в соответствии с текстом оригинала оставлено только слово «аминь» (amen).

Учитывая отмеченные текстологические особенности списка, можно предположить, что он представлял собой первоначальную копию, снятую Юнгманом по получении от Добровского тома трудов Российской академии с текстом «Слова». Во всяком случае, несомненно, что тбилисский список отразил один из ранних этапов работы Юнгмана над переводом памятника. Поэтому его дальнейшее сравнение с пражской рукописью позволяет представить эволюцию творческого процесса, итогом которого и явился чешский текст пражского списка.

Если говорить в самом общем плане, то эволюция эта шла по линии углубления понимания «Слова» и как исторического источника и как литературного памятника¹². Поэтому собственно научный и художественный аспекты в работе Юнгмана над «Словом», как показывает сопоставление тбилисского и пражского списков, неразрывно сплетены — начиная уже с передачи на чешский язык заглавия памятника.

В правой, оставшейся незаполненной, колонке тбилисской рукописи Юнгман сперва написал по-чешски «песнь» (písen). Возможно, на него поначалу оказал влияние титульный лист московской публикации 1800 г. «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя новгородо-северского Игоря Святославича...». Но формулировка заглавия имела для Юнгмана принципиальное значение с точки зрения определения художественной природы памятника. И вот, написанное вначале «песнь» Юнгман заключает в скобки, как бы перечеркивая. А вместо этого передает по-чешски название древнерусского оригинала «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъслава, внука Ольгова» («Słowo o plukù Igorowě, Igora syna Swatoslawowa, wnùka Olgowa»).

Этот заголовок сохранен и в пражском списке, где, однако, русское «слово» пояснено стоящим в скобках чешским значением «řeč».

Другой особенностью перевода Юнгмана является логическая разбивка текста на главки, вынесенные на поля и кратко сообщавшие о содержании соответствующих разделов. Всего таких главок у Юнгмана 45. Вот несколько последовательных их образцов: «Объявление содержания», «Скромность автора, который не надеется превзойти Бояна своей песнью», «Поход Игоря на половцев, несмотря на неблагоприятные знаменья...», «...и достойный песни

Бояна», «К нему присоединяется брат Всеволод с храбрыми своими полками», «Выйдя несмотря на предзнаменования...», «...встречаются они с половцами у Дона», «Первая битва успешна» и т. д. Произведенная Юнгманом логическая разбивка текста «Слова», имевшая целью облегчить читателям понимание произведения, любопытна не только сама по себе, но и в сопоставлении с переводом Мюллера, который не применял глосс, аналогичных юнгмановским. Зато в заключительной части вступительной статьи к немецкому переводу памятника Мюллер приводил краткое «обозрение отдельных частей стихотворения», выделяя девять главок, содержание которых напоминает собрание регест, передающих смысл произведения. На это же количество частей (но без их наименования) разделен и текст его перевода.

В свое время С. Вольман обращал внимание на то, что Юнгман был первым толкователем «Слова», пытавшимся выделить в тексте стихи¹³. Это действительно интересный вопрос и, хотя в тексте чешского перевода они встречаются только в четырех случаях, на этом следует остановиться. Ограничимся двумя примерами такого выделения. Так, в печатном тексте 1800 г. мы читаем: «О Бояне, соловию старого времени! абы ты сна плъкы ушекоталь, скача славлю по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чресъ поля на горы. Пети было песь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бежать къ Дону великому; чили всъпети было вещей Бояне, Велесовъ внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыеве; трубы трубять въ Новеграде; стоять стязи въ Путивле; Игорьъ ждетъ мила брата Всеволода» (с. 6—7). Этот же текст получает у Й. Юнгмана следующее осмысление: «О Бояне, соловию старого времени! абы ты сна плъкы ушекоталь <...> Пети было песь Игореви, того внуку:

Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая:
галици стады бежать
къ Дону великому.

Чили всъпети было вещей Бояне, Велесовъ внуче!
Комони ржуть за Сулою,
звенить слава въ Кыеве;
трубы трубять в Новеграде,
стоять стязи в Путивле.

Игорь ждет мила брата Всеволода...»¹⁴

Можно, разумеется, спорить относительно правомерности именно такой разбивки текста, но нельзя не отметить новаторства, заключавшегося в стремлении разобраться в поэтике произведения. Другое дело, действительно ли, как предположил С. Вольман, инициатива здесь принадлежала Юнгману? Обратимся опять-таки для сравнения к немецкому переводу Мюллера. У него применяется тот же прием, причём не в четырех, как у Юнгмана, а в восьми

случаях. Три из них в обоих переводах совпадают, один («Не буря соколы занесе...») встречается только у Юнгмана. Более подробный анализ этой проблемы не входит в нашу задачу, нам достаточно в данном случае лишь обратиться на нее внимание. Все же, насколько можно судить, Юнгман стремился к ритмической разбивке тех мест, которые казались ему наиболее тесно связанными с песенно-фольклорными традициями. Этим, возможно, объяснялась и строгость произведенного Юнгманом отбора. Наоборот, у Мюллера ритмизация текста носит, на наш взгляд, иной, более книжный, а потому в значительной мере искусственный характер. Так, он передает стихотворным способом одни строки (например, «Чърлеп стяг, бела хорюговь, чрлена чолка, сребрено стружие храброму Святѣславличю или «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были плѣци Ольговы, Ольга Святославличя») и не передает другие, им аналогичные. Надо думать, Юнгман лучше Мюллера ощутил художественную ткань памятника. Но это — одна сторона вопроса. Ибо формальная близость самого приема, независимо от обоснованности выделения в каждом данном случае стихотворных фрагментов, ставит приоритет Юнгмана в выдвигании отмеченного подхода под сомнение. Оно усиливается структурным сходством перевода Юнгмана и Мюллера в некоторых других вопросах.

Пражский список, отразивший завершающий этап работы Юнгмана над переводом, в отличие от тбилисского списка, содержащего лишь латинскую транскрипцию оригинала, состоит из трех смысловых разделов — введения переводчика, параллельного текста «Слова» на древнерусском и чешском языках, примечаний.

Введение состоит из «Предупреждения» и очерка «Историческое содержание песни». В «Предупреждении» Й. Юнгман писал: «Русский граф г-н Алексей Иванович Мусин-Пушкин, действительный тайный советник его милости императора Александра I, хранит в своей библиотеке старую рукопись, содержащую восемь исторических сочинений, среди которых находится и данное, на старославянском языке». В данном случае Юнгман следовал сведением о составе рукописного сборника со «Словом», приведенным в публикации 1800 г. На самом же деле, как было позднее показано В. М. Истриным, Д. С. Лихачевым, М. Н. Сперанским и другими исследователями, сборник содержал шесть произведений исторического и литературного характера. Упомянув далее первое издание «Слова о полку Игореве» и его перепечатку Шишковым 1805 г., Юнгман тепло писал о Добровском, «нашем великом Чехе», который посоветовал выполнить этот перевод, чтобы «драгоценный клад древности, очень важный не для одних только русских, но и для всех славян, для исследователей языка и любителей поэзии, могли мы открыть и дорогим нашим чехам»¹⁵. Вслед за этими словами в рукописи Й. Юнгмана шла любопытная фраза, не включенная в окончательную редакцию: «Патриоты, в вас Гомеры и Оссианы (о, если бы хоть один из них пел по-чешски!) всегда имели своих искренних почитателей. Они слава других наций. Но и славяне имели своих вещих певцов. Вот один из них (малорус, как видно

по диалекту, и, видимо, монах) несколько не ниже чужеземных бардов. Имя его исчезло из памяти, но он живет и без имени в своем произведении, и, что касается имени, назовите его славянским Оссианом или Гомером или певцом Игоря»¹⁶. Приведенные слова примечательны не только ярко выраженным патриотическим звучанием, но и характерными для преромантической и романтической литературы чертами оссианизма. Почему же, однако, эти строки из окончательной редакции пражского списка были Юнгманом исключены? Возможно, это было связано с «обнаружением» якобы «древних» чешских рукописей — «Песни под Вышеградом» (1816), «Краледворской рукописи» (1817) и «Зеленогорской рукописи» (1818), в создании которых участвовали поэт Й. Линда и В. Ганка. Авторы этих талантливых подделок, долгое время принимавшихся за подлинные записи древнечешского эпоса, как бы иллюстрировали мысль Юнгмана, что Гомеры и Оссианы тоже пели по-чешски. При этом, они пользовались, как известно, некоторыми южнославянскими и русскими источниками, в том числе и «Словом о полку Игореве»¹⁷. Если наша догадка о такой возможной взаимосвязи справедлива, то купюра в тексте пражского списка была сделана Юнгманом не раньше 1816—1818 гг.

Что касается «Исторического содержания песни», то здесь Юнгман пользовался соответствующими разделами издательского предисловия к публикации «Слова» 1800 г., которое имеет точно такое же название. Сличение обоих текстов показало, что Й. Юнгман частью дословно переводит, частью пересказывает текст указанного предисловия, находящийся на с. III—VI русского издания. Смысл в основном передан верно, хотя и не без некоторых неточностей. Самая большая из них — перевод начальной фразы: «Удельный князь Новгорода-Северского Игорь Святославич, не сделав сношения с старейшим Великим князем Киевским, решился в 1185 г. отмстить сам собою половцам...» Здесь Й. Юнгман, либо не поняв смысла, либо описавшись вместо отрицательной, поставил в переводе утвердительную глагольную форму («сделав сношения»)¹⁸, тем обесмыслив фразу. Текст русского перевода предисловия использован не полностью, обрываясь на словах «он принужден был спастись оттуда бегством». Следующий после отбивки текст, начинающийся словами «Любители Российской словесности согласятся...» переводчиком опущен, хотя частично использован в «Предупреждении» и в комментариях.

Впрочем, Й. Юнгман не ограничился простой передачей части русского предисловия. В первых строках «Исторического содержания песни» он поместил сведения, которые, по его мнению, должны были помочь чешским читателям лучше разобраться в существе описываемых событий. «История, рассказанная в этой песне, — писал он, — относится к тому времени русского правления, когда (как некогда в немецкой империи) вся земля была разделена на меньшие княжества и управлялась многими государями, среди которых высший князь (киевский) давал в лен другим князьям их части. Его сильные вассалы постоянно воевали то с ним, то между собой,

к великому горю России, общей их родины, попеременно приглашая татар (особенно половцев), так что позднее вся земля досталась во владение этому народу». Оставляя в стороне ряд неточностей (в частности, смешение татар с половцами), наиболее любопытным в приведенном тексте было сопоставление феодальной раздробленности Киевской Руси и средневековой Германской империи.

В комментариях Юнгман стремился пояснить непонятные читателям исторические реалии и отдельные «темные» места памятника, следуя в основном за материалами русских изданий 1800 и 1805 годов. В некоторых случаях, впрочем, Юнгман приводил свои суждения. Так, поясняя выражение «буй тур», он замечал: «Очень живое изображение силы!» Любопытно также, что издательская глосса в словах (Олга) внуку», которая читается в тбилисском списке, в заключительном варианте Юнгмана отсутствует. При этом он указывал: «В тексте стояло «того (Олга) внуку», но ошибочно. Смысл таков: наследники, преемники его славы. Внук берется здесь и часто метафорически». Характерно, что Мюллер эту глоссу воспринял как органическую часть оригинала и перевел это место на немецкий язык без каких-либо оговорок и примечаний¹⁹.

При сравнении перевода Юнгмана с переводом Мюллера обнаруживается, что структурно оба состоят из трех разделов, хотя вступительная часть у Мюллера намного пространнее, а параллельный древнерусский текст отсутствует. Зато количество примечаний, часто совпадающих в смысловом отношении, почти одинаково: 42 у Юнгмана, 49 у Мюллера. Подобно Юнгману, он освещал историческое содержание «Слова», подчеркивая его патриотическое значение и общеславянский характер. Подобно Юнгману, Мюллер сопоставлял княжеские усобицы в Киевском государстве и в Германской империи. Подобно Юнгману, он считал, что автором «Слова» был южнорусский монах и т. д. Случайны ли подобные совпадения? И не позволяют ли они думать, что оба переводчика — и Юнгман и Мюллер — зависели от какого-то общего источника?

И в самом деле, обстоятельство возникновения чешского и немецкого переводов «Слова» в Чешских землях дают основание считать, что Юнгман и Мюллер в процессе своей работы следовали советам Добровского, который и стоял у истоков этой инициативы. Сказанное подтверждается тем, что оба переводчика именно Добровскому выражали благодарность за помощь. В этом смысле практическая реализация замысла Добровского была своего рода зеркальным отражением идей великого чешского слависта. Поэтому сравнительное исследование приемов передачи и трактовки «Слова», общих для Юнгмана и Мюллера, их обратная экстраполяция открывает дополнительные возможности реконструкции взглядов Добровского на древнерусский памятник. Это представляется тем более плодотворным, что, ввиду скудости других источников, наши знания о конкретных суждениях Добровского по поводу «Слова» крайне недостаточны и неравномерны.

Важны, конечно, черты не только сходства, но и различия обоих переводов, ибо как раз в этом и проявилась самостоятельность под-

хода их авторов к решению стоящих перед ними задач. При всей добросовестности и аккуратности перевода Мюллера, наибольшее историко-культурное значение все же имел перевод Юнгмана. И прежде всего потому, что был выполнен по-чешски. В реальной обстановке начала XIX в., когда чешский литературный язык еще переживал пору становления, а изучение «Слова» делало только первые шаги, работа Юнгмана аккумулировала не только его мастерство переводчика. Она была плодом напряженных поисков — и в области наиболее точной транскрипции текста оригинала, и по адекватной передаче его звучания на чешский язык, и над постижением художественной природы памятника. Во всех этих направлениях Юнгман являлся новатором, не только по существу своей работы, но и просто потому, что был действительно первопроходцем. Рассмотренный ранний список «Слова», созданный Юнгманом в феврале 1810 г., позволяет существенно расширить представления о творческой лаборатории выдающегося деятеля чешской культуры и пропагандиста русской литературы в чешском обществе. Именно в этом и заключается основная ценность тбилисской находки.

¹ *Myl'nikov A. S. Vznik národně osvícenské ideologie v českých zemích 18. století: Prameny národního obrození. Pr., 1974, s. 76—98; Мыльников А. С., Мыльникова Т. А. Первая чешская газета о России. — Сов. славяноведение, 1967, № 1, с. 60—64.*

² *Francev V. A. Slovo o pluku Igorově: Rusky text v transkripci, český překlad a vyklady J. Jungmanna z r. 1810. Pr., 1932; Wollman S. Slovo o pluku Igorově jako umělecké dílo. Pr., 1958; Idem. Dobrovský a Slovo o pluku Igorově. — Slavica, 1955, N 3, s. 269—294; Панченко А. М. Чешские переводы «Слова о полку Игореве» XIX в. — Тр. Отд. древнерусской литературы. М.; Л., 1957, т. 13, с. 635—648; Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве»: К истории сборника А. И. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1976, с. 60—61.*

³ *Dobrovský J. Slavín. Pr., 1808, S. 369.*

⁴ Письма Добровского к Копитара в повременном порядке / Труд И. В. Ягича. Спб., 1885, с. 74.

⁵ Письма Добровского к Копитара... с. 117.

⁶ *Прийма Ф. Я. Р. Ф. Тимковский как исследователь «Слова о полку Игореве». — Тр. Отд. древнерусской литературы, 1958, т. 14, с. 94.*

⁷ Письма Добровского и Копитара... с. 647.

⁸ *Heldensang vom Zuge gegen die Polowzer, des Fürsten vom sewerischen Novgorod Igor Swätswlitsch, geschrieben in altrussischen Sprache gegen das Ende des XII. Jh / In die teutsche Sprache treu übertragen, mit einer Vorrede und kurzen philologischen und historischn Noten begleitet von J. Müller. Pr., 1811, S. 3, 28—29.*

⁹ При отождествлении почерка мы привлекали относящиеся приблизительно к тем же годам автографы Юнгмана, хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Их описание см.: *Мыльников А. С. Йозеф Юнгман и его время. М., 1973, с. 158—159.*

¹⁰ Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией. Спб., 1805. Ч. 1. Перепечатку текста памятника по изданию 1800 г. см. на с. 25—76.

¹¹ Как отмечал еще В. А. Францев, в употреблении транскрипции Юнгман в основном следовал за Добровским. Игнорирование им знака «ъ» приводило в ряде случаев к неверной передаче текста. Это наблюдение вполне соответствовало и практике Мюллера. См.: *Francev V. A. Op. cit., s. 13—14.*

¹² Мы не затрагиваем вопроса об использовании в чешской лексике некото-

рых слов из памятника не только потому, что тема эта имеет самостоятельное значение, но и в силу того, что отдельные ее аспекты отражены в соответствующих работах (например, в ряде статей Г. А. Лилич). К сожалению, до сих пор целостное освещение этой важной проблемы еще отсутствует.

¹³ *Wollman S.* Op. cit., s. 10.

¹⁴ *Jungmann J.* Překlady. Pr., 1958, t. 2, s. 324, 326, 338.

¹⁵ *Jungmann J.* Op. cit., s. 322.

¹⁶ *Jungmann J.* Op. cit., s. 693.

¹⁷ *Dolanský J.* Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisů Královedvorského a Zelenohorského. Pr., 1968; Rukopisy Královedvorský a Zelenohorský: Dnešní stav poznání. Pr., T. 1—2.

¹⁸ *Jungmann J.* Op. cit., s. 322—323.

¹⁹ Позиция Юнгмана в этом вопросе, волновавшем позднее не одно поколение исследователей «Слова», доказывает хорошее понимание им текстологических особенностей памятника. Д. С. Лихачев считает более убедительным мнение, согласно которому слова «того внуку» означали «преемника Бояна», т. е. позднейшего поэта». См.: Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 386.

III. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ БОЛГАРСКОЙ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ БОЛГАРСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. С. Бейлис

Марксистская историография в Болгарии имеет уже почти столетнюю историю. Ее развитие началось во второй половине 80-х годов XIX в. Но наиболее крупных успехов во всех областях исторической науки и, в частности, в изучении проблем болгарского национального Возрождения болгарские ученые добились в период после социалистической революции 1944 г.

История национального Возрождения всегда привлекала болгарских марксистов. Пристальное внимание уделил этой эпохе Д. Благоев. Его заслуга в разрешении основных проблем болгарского Возрождения тем более велика, что ко времени выхода в свет его знаменитой книги «К истории социализма в Болгарии» (1906) в буржуазной исторической науке было еще не много исследований по этому периоду болгарской истории. Даже наиболее крупные из буржуазных историков (М. Дринов, К. Иречек, Б. Пенев и др.) стремились представить национальное Возрождение лишь как результат усилий исключительных личностей, представителей буржуазной интеллигенции. «Не силою оружия и не кровопролитием, — писал Иречек, — а тихо, при помощи книг и училищ, произошел этот коренной, глубокий переворот»¹.

В противоположность идеалистической концепции буржуазных историков Благоев дал анализ классовых отношений, характера и причин национально-революционной борьбы в эпоху болгарского Возрождения. Он первым в Болгарии показал, что разложение турецкого феодализма, зарождение и развитие буржуазных отношений в Болгарии составили основу социально-экономического процесса данного периода. Благоев пришел к выводу, что во второй половине XVIII в., т. е. в период, к которому еще до недавнего времени относили начало Возрождения, отсутствовали материальные условия для массового национального движения и не было еще класса, который мог бы стать во главе движения и направить его.

Только с начала XIX в. стал формироваться новый класс, названный Благоевым торгово-промышленным, или буржуазным². Несколько позднее он писал, что национальный дух этой эпохи был духом поднимающегося буржуазного класса, стремящегося к политическому господству. Но болгарская буржуазия в связи с особенностями географических и политических условий могла осуществить свою историческую миссию, лишь став представителем общенациональных стремлений к освобождению от чужеземного ига. «В этом смысле, — заключает Благоев, — наша буржуазия в эпоху Возрождения представляла революционный класс, который стоял во главе политической борьбы и руководил ею»³.

Д. Благоев подчеркивает, что буржуазия начала свою деятельность прежде всего с формирования общественного мнения городских слоев болгарского народа (открытие болгарских школ, развитие литературы, периодической печати, газет и других средств пропаганды и воспитания); к началу 50-х годов XIX в. это привело к тому, что Благоев называет полным переворотом, или революцией в общественных отношениях и представлениях.

Существенное значение имело раскрытие Благоевым характера церковной борьбы, направленной на признание самостоятельности болгарской церкви в Османской империи и привлечение ее к активным действиям⁴. Он показал, что глубокий смысл этой борьбы заключался в выделении и признании национальной самостоятельности болгар в Турецком государстве⁵.

Развитие марксистского направления в болгарской историографии продолжалось по пути, проложенному Д. Благоевым. Бесспорно прав Д. Косев, утверждавший, что написанные позже исследования по проблемам болгарского национального Возрождения успешно развивали, дополняли и расширяли мысли и положения Благоева⁶.

Сравнительно длительное время потребовалось историкам НРБ, чтобы выработать научную периодизацию эпохи национального Возрождения. Еще не столь давно некоторые болгарские историки и философы высказывались против правомерности употребления самого термина «Возрождение», ссылаясь на то, что в Болгарии в сущности не было никакого Возрождения древней греко-римской культуры, как в эпоху Ренессанса на Западе⁷.

Историки—марксисты при рассмотрении национального Возрождения выдвигают на первый план революционно-преобразующие тенденции и прогрессивные черты этой эпохи. Они считают, что новые гуманистические и рационалистические идеи, как и другие характерные черты европейского Возрождения, были результатом зарождения буржуазии. При такой постановке вопроса ни у кого не может вызвать сомнения правомерность употребления термина «Возрождение» (аналогично итальянскому термину Рисорджименто).

В 60—70-х годах историки НРБ усиленно изучали не только процессы, связанные с самой эпохой национального Возрождения, но и период, предшествовавший ей, и это позволило Н. Генчеву

прийти к обоснованному выводу, что «с методологической и конкретно-исторической точки зрения возрожденческая культура является сложным синтезом культурной традиции, идущей от средневековья, с духовными достижениями буржуазной эпохи»⁸.

В соответствии с новыми представлениями, выработанными в результате дискуссии 1977 г., эпоха Возрождения подразделяется на три периода: первый, который условно именуется ранним Возрождением, охватывает весь XVIII в. и первую четверть XIX в. Он характеризуется полным разложением османской экономической и военно-политической системы, расширением товарно-денежных и зарождением капиталистических отношений, появлением национальной буржуазии. В то же время период раннего Возрождения является временем возникновения буржуазной идеологии, пробуждения национальной идеи.

Второй период национального Возрождения — вся вторая четверть XIX в. и вплоть до окончания Крымской войны — является временем, когда болгарская буржуазия выходит на арену хозяйственной и политической жизни, формируется структура слабо развитого буржуазного общества. Результатом этих изменений было возникновение двух сильных национальных движений — за новоболгарское просвещение и за церковную независимость. Ускоренно проходил процесс формирования болгарской нации.

Третий, завершающий, период начался после Крымской войны и окончился с освобождением Болгарии в 1878 г. В эти годы экономическое и социальное развитие болгарского общества вступает в непримиримые противоречия с турецкими абсолютистскими порядками. В стране возникает мощное национально-освободительное движение. Завершается процесс культурного возрождения и духовного обособления болгарской нации, которая уже в 1870 г. получает официальное признание⁹.

Н. Гепчев, который в последние годы выдвинулся как один из серьезнейших исследователей болгарского Возрождения, подчеркивает: «Основное содержание болгарского Возрождения выражается в историческом переходе от средневековья к буржуазному миру, в развитии и утверждении буржуазных экономических и социальных отношений, в создании самобытной национальной культуры, в формировании болгарской нации, в продолжительной борьбе за освобождение от иноземной власти, в восстановлении болгарского государства»¹⁰.

Хотя еще далеко не все вопросы, связанные с формированием болгарской нации и национального самосознания, исследованы с достаточной полнотой, а к изучению некоторых историки НРБ приступают лишь теперь, представляется все же целесообразным их историографическое рассмотрение, поскольку вклад болгарских марксистских историков в разъяснение этих принципиальных вопросов, несомненно, весом.

Заслугой Д. Благоева, его учеников и соратников было то, что они ввели в анализ болгарского исторического процесса основные понятия подлинной исторической науки в их теоретически правиль-

ной связи и соподчинении, чем революционизировали болгарскую историческую науку. Неутомимыми усилиями первых болгарских марксистов болгарская история была показана как часть всемирной истории, подчиненная общим закономерностям. Разумеется, первые марксистские деятели прежде всего обратились к изучению «первичных», глубинных — социально-экономических процессов. Но наряду с этим в их трудах содержатся глубокие мысли о национальных движениях, формировании болгарской нации, культуре и ее роли в период национального Возрождения и др.

Г. Кирков, В. Коларов, Х. Кабакчиев и др. болгарские марксисты определенное внимание уделили национальному вопросу и национальным отношениям на Балканах, и в частности в Болгарии. Так, Г. Кирков утверждал, что повсеместно поднимающаяся буржуазия формулировала свой национальный идеал. Так произошло и в Болгарии. Кирков считал, что еще в турецкое время, при первых зачатках так называемого «национального Возрождения» буржуазия провозгласила как свой идеал национальное освобождение, «не придав ему, однако, определенной формы»¹¹. Это верно лишь отчасти и для определенных групп буржуазии. Впоследствии национальный идеал передовых слоев буржуазии получил конкретное выражение в пропаганде вооруженной борьбы за свержение турецкого ига, что в свою очередь стало важным средством воздействия на народные массы.

Национальное движение в Болгарии оказалось в поле зрения известного ученого-марксиста Х. Кабакчиева, который полагал, что если в начале и середине XIX в. развивающееся национальное движение, возглавленное зарождавшейся городской торговой буржуазией, не шло дальше стремления к известной национально-культурной автономии в определенных границах и под политическим господством Турции, то со второй половины XIX в. «национальное движение принимает характер революционного буржуазно-демократического движения, в котором гегемоном была уже не богатая торговая, а городская мелкая буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция, поставившие своей задачей сбросить путем народного восстания, путем революции господство помещиков и политическое иго Турции и создать Балканскую демократическую республику»¹².

В трудах В. Коларова содержатся ценные мысли об эпохе национально-революционной борьбы болгарского народа. Он неоднократно обращался к вопросу о последствиях турецкого завоевания Болгарии, задержавшего ее развитие и на долгие столетия ставшего причиной отставания болгарского народа от свободных европейских народов¹³. Коларов писал об особенностях развития тех стран, в которых эксплуататоры и угнетатели трудового народа являлись одновременно и представителями другой национальности. «Благодаря этому, — констатировал Коларов, — революционные движения в этих странах приобрели национальный характер, и их первая цель состояла в завоевании национальной независимости»¹⁴.

Исходя из указаний В. И. Ленина о национальных движениях прошлого столетия как буржуазно-национальных, Коларов пришел

к выводу, что и Болгария в период национального Возрождения «переживала родовые муки, в результате которых должно было родиться новое общество, свободное от турецкого феодализма и абсолютизма»¹⁵. При этом Коларов показал, что буржуазные историки, говоря о борьбе болгар против османского ига, оставляли в тени социальные проблемы, выдвигая на первый план национальные. В действительности же, подчеркивал Коларов, главное содержание целого периода болгарской истории составляла борьба за социальное освобождение, которое могло осуществиться лишь путем создания национального болгарского государства. Он утверждал, что болгарский народ в эпоху национально-освободительной борьбы распался на две главные общественные группировки с диаметрально противоположным отношением к национально-освободительному движению. Одна из них, составлявшая огромное большинство народа, была жизненно заинтересована в национальном освобождении Болгарии. Она включала в себя большую часть торгово-промышленной буржуазии, разоряющихся ремесленников, крестьянство, полупролетариев, наемных рабочих и пародную интеллигенцию. По мнению Коларова, все общественные классы и прослойки, входившие в эту группировку и борющиеся за торжество национального дела, «представляли собой *формирующуюся болгарскую нацию*»¹⁶.

Вторая группировка состояла из чорбаджийства, высшего духовенства и части буржуазных верхов. Классы и прослойки, входившие в эту группу, были заинтересованы не только в сохранении Османской империи, но и в ее усилении, являясь, таким образом, силой *реакционной, антинациональной*¹⁷.

Наиболее полно в трудах В. Коларова разработан вопрос об историческом значении тесных культурных и духовных связей между болгарским и русским народами, в особенности в эпоху национального Возрождения.

Под влиянием «великой российской славянской державы», считал Коларов, формировались и национальное мировоззрение идеолога болгарского национального освобождения Паисия Хилендарского (XVIII в.), его понимание народности и государственности, основанной на народной общности¹⁸. Это утверждение, как нам представляется, не способствовало правильному пониманию взглядов выдающегося представителя эпохи национального Возрождения потому, что не связывало формирование мировоззрения Паисия и появление его сочинения («История славяно-болгарская», 1762) с внутренним развитием самой Болгарии.

Известный пропагандист марксизма и талантливый ученый Г. Бакалов внес бесценный вклад в болгарскую историческую науку. Эпоха национального Возрождения стала ведущей темой многочисленных трудов неутомимого ученого, в которых он показал решающую роль национально-освободительной борьбы народных масс в этот период болгарской истории. В одной из ранних работ (1911) Бакалов предпринимает попытку объяснить пробуждение болгарской нации «к самостоятельной жизни» экономическими причинами¹⁹.

Наиболее плодотворный период научной деятельности Бакалова, прошедший под знаком осмысления проблем болгарской истории с позиций ленинизма, относится к началу 30-х годов. В соответствии с марксистско-ленинским пониманием истории Бакалов видит важнейшую задачу исторической науки в изучении освободительной борьбы народных масс и их роли в историческом процессе. «Вопрос о роли масс, — пишет он, — является как бы водоразделом между старой и новой историографией»²⁰, подразумевая буржуазно-идеалистическую и марксистскую историческую науку.

Бакалов убедительно показал, что вся история болгарского Возрождения неминуемо вела к народному восстанию, целью которого было установление политической независимости страны как основы дальнейшего экономического и культурного развития народа. Он утверждал, что «болгарский народ не имел и не мог иметь других средств для разрешения исторически возникшей задачи: *национальной независимости*»²¹.

В трудах Г. Бакалова можно найти много справедливых и ярких оценок таких деятелей начальной эпохи Возрождения, как Добри Чинтулов, Софроний Врачанский, и оригинальные, хотя и не всегда правильные и обоснованные, суждения об идеологии, деле и книге Паисия Хилендарского.

Бакалов верно ставит вопрос о том, что выступление Паисия Хилендарского не было и не могло быть случайным. У Паисия были предшественники, у которых уже встречались элементы пробуждающегося национального самосознания. Но лишь у хилендарского монаха «национальное сознание поднялось на высший этап и преследовало конкретную, историей поставленную задачу», которую Бакалов определяет как освобождение от духовного ига греческой патриархии²².

Силу и обаяние сочинения Паисия, бессмертие его автора Бакалов видел в стремлении пробудить болгарский народ к национальному самосознанию «как идеологической предпосылке национальной независимости»²³. Высоко оценивая «Историю славяно-болгарскую», Бакалов считал, что ее значение вышло за пределы, определенные автором, так как книга не только призывала к борьбе за духовное освобождение от греческой патриархии, но и вдохновляла болгар на борьбу за политическое освобождение.

Однако наряду с бесспорными мыслями о Паисии и его эпохе в статьях Бакалова содержатся тезисы, распространенные среди части болгарских историков, но вряд ли правильные. Речь идет в частности о бакаловской оценке Паисия лишь как «идеолога болгарских простолудинов, выражавшего интересы крестьянства и ремесленников»²⁴. Попытка Бакалова противопоставить взгляды Паисия идеологии зарождающейся болгарской буржуазии была неправомерной.

Много внимания уделил Бакалов вопросу создания национального языка и литературы как факторов формирования болгарской нации. Сама нация, по его мнению, была «порождением переворота в общественно-экономических условиях», а это требовало создания

единого языка, который стал бы, по определению Бакалова, «объединяющим звеном нации»²⁵. Разрабатывая далее эту мысль, Бакалов пишет, что различные провинциальные говоры только разделяли народ, а создание литературного языка стало могучим средством воспитания народа, его осознания себя как целого, имеющего естественное право на независимое существование. *«Общность языка — основное условие формирования нации. Эта общность была создана в процессе борьбы болгарского народа за свою культуру и за свою самостоятельную политическую жизнь»*²⁶. [курсив мой — А. Б.]

Как полагает Бакалов, создание литературного языка было результатом исторических сдвигов в развитии болгарского народа, но со своей стороны язык способствовал становлению его национального самосознания и вследствие этого сам стал фактором народного подъема²⁷.

В 1938—1941 годах были опубликованы работы болгарского философа и историка Т. Павлова, в которых он исследовал ряд важных проблем болгарского Возрождения. Одним из сложных вопросов ученый считал вопрос о формировании нации. В 1940 г. выходит небольшой сборник статей Павлова, в котором он наряду с другими статьями помещает и статью «Нация и культура», имевшую явно антифашистскую и антирасистскую направленность. В годы, когда понятия «нация», «раса», «род», «племя» грубо искажались и фальсифицировались апологетами фашизма, болгарский философ со всей силой подчеркнул, что «нация является типично исторической категорией, она не существовала вечно и появилась как таковая, в точном смысле слова, на определенной степени общественного и культурного развития человечества»²⁸. В этой связи он решает вопрос и о формировании болгарской нации, которая, как полагал автор, «оформляется только в XVIII—XIX вв. в связи с развитием капитализма в бывшей османской провинции и проникновением идей французской революции»²⁹.

Еще большее внимание к этим вопросам проявил Т. Павлов уже после 9 сентября 1944 г., когда с особой силой развернулась его деятельность как ученого и организатора. Он со всей категоричностью утверждает, что нет и не может быть двух мнений по вопросу о том, что болгарское Возрождение, оформление болгарского народа как нации и его борьбы за национальное освобождение имели свои глубокие экономические корни в процессе зарождения и развития внутри Османской империи новых капиталистических отношений³⁰. Т. Павлов обращает внимание историков на прогрессивную роль русско-турецких войн, которые оказали огромное воздействие на национальное пробуждение болгарского народа и его борьбу за свободу и независимость. Эти войны, писал автор, «укрепляли национальное самосознание и веру в освобождение у порабощенных балканских народов, и особенно у болгарского народа»³¹.

Много интересных высказываний можно найти у Павлова о Паисии и его книге. Он полагает, что пример с Паисием и его «Историей» является прекрасным случаем для правильного применения

марксистских взглядов в отношении роли и значения народных масс и личности в истории. Как и Г. Бакалов, Т. Павлов считает, что «Паисий с неба не упал. Его дело исторически было подготовлено целым рядом факторов и событий»³². Павлов призывал ученых заполнить белые пятна, какими, по его мнению, являлись десятилетия, предшествовавшие написанию «Истории» Паисием.

В 40-х годах Павлов отказался от собственной справедливой оценки роли и значения болгарской буржуазии в эпоху Возрождения и вследствие этого не смог верно оценить идеологию Паисия, став на точку зрения Г. Бакалова, подвергнутую им критике в конце 30-х годов.

Прекрасным знатоком эпохи Возрождения был М. Димитров, посвятивший себя изучению Болгарии 50—70-х годов XIX в. и в особенности творчества Х. Ботева, Л. Каравелова, деятельности других революционеров³³.

В последние годы внимание болгарских историков, социологов и этнографов привлекли работы погибшего в годы Отечественной войны болгарского народа молодого социолога И. Хаджийского. Бесспорно, они заслуживают серьезного изучения и историографической оценки. Даже первоначальное знакомство с трудами этого самобытного ученого показывает, что в них содержится много интересных и оригинальных мыслей по истории борьбы болгарского народа за свое социальное и национальное освобождение. «Борьба за освобождение, — пишет Хаджийский, — была наиболее полным общественно-политическим проявлением Возрождения». И далее: «Впервые болгарское население, принимавшее активное участие в общественной жизни и борьбе, почувствовало себя творцом собственной истории»³⁴. Говоря о формировании нации, Хаджийский замечает, что для этого «недостаточно только связи языка, веры и нахождения под общим государственным суверенитетом. Полное обособление населения в нацию достигается путем связи с историей, с массовым активным участием народа на почве общей социальной судьбы, на более или менее общих интересах в данных географических и этнических границах. Движения масс и их борьба — это мартовские печи нации»³⁵.

Для понимания многих проблем болгарского Возрождения большое значение имели выпшедшие в конце 30-х годов две работы Жака Натана³⁶, в основу которых были положены методологические указания Д. Благоева. Уже в конце 30-х годов он ставит вопрос о назревании в Болгарии в эпоху Возрождения революции, которая по своему содержанию должна была быть антифеодальной, буржуазно-демократической. Одновременно он рассматривает и национальный вопрос, который считает неотделимым от объективно-исторических задач революции. В соответствии с марксистско-ленинской теорией нации Ж. Натан обосновал историческое возникновение и развитие болгарской нации. В отличие от буржуазных ученых, считавших нацию чем-то вечным и неизменным, Натан показал, что лишь новые социально-экономические условия привели болгарский народ к осознанию своего национального единства. Отсюда и новое опре-

деление эпохи Возрождения как эпохи формирования нации: «... постепенно изживается партикуляризм и разобщенность, создается единое национальное хозяйство с единым рынком; возрождается и развивается единый язык, крепнут национальные стремления болгарского народа, возрождается и создается новая богатая национальная культура»³⁷. Автор считает, что именно в эпоху национального Возрождения складывались условия для постепенного освобождения болгарского народа от цепей средневековья, от оков духовного гнета греческой церкви и для борьбы за завоевание политической свободы и независимости.

В своих трудах Натан показал тесную связь церковного и национального вопросов и глубокую прогрессивность требований самостоятельности болгарской церкви.

После победы социалистической революции в Болгарии Ж. Натан продолжает разработку проблем национального Возрождения; он высказал мысль, что народная революция в Болгарии была по своему экономическому, политическому и социальному содержанию буржуазно-демократической и антифеодальной, а по своей форме — национально-освободительной. Это утверждение было подвергнуто критике со стороны Т. Павлова и других, которые справедливо указали, что вопрос о национальном освобождении болгарского народа не может ставиться и рассматриваться как вопрос о форме революции, а входит составной частью в ее содержание³⁸.

После социалистической революции 1944 г. начинается новый и чрезвычайно важный этап в развитии болгарской исторической науки. Немногочисленные еще марксистские историки в Болгарии продолжали разработку проблем национального Возрождения, сосредоточив главное внимание на изучении социально-экономических процессов этой эпохи. Такое, казалось бы, одностороннее освещение чрезвычайно важного периода болгарской истории имело как положительные, так и отрицательные стороны. К числу последних следует отнести то обстоятельство, что вопросы, связанные с формированием болгарской нации (одним из основных исторических процессов той эпохи), затемнялись и недооценивались. Почти отсутствовали исследования, пишет Д. Косев, по истории церковно-национальной борьбы, которая была борьбой за утверждение болгарской нации³⁹. Это, бесспорно, так. Но вряд ли можно предположить, что без выяснения коренных изменений в экономике и социальной структуре болгарского общества в XVIII—начале XIX в. возможно было серьезное марксистское исследование церковно-национальной борьбы или, более того, образования болгарской нации. Следовательно, предпочтение, отдаваемое болгарскими марксистскими историками социально-экономической проблематике, было неизбежно и необходимо. Без этого, вероятно, было бы невозможно появление работ, вышедших в 60—70-х годах.

Отметим также, что даже в первое десятилетие после установления народно-демократического строя в Болгарии вопросы церковно-национальной борьбы, национального самосознания и формирования болгарской нации нашли отражение как в общих трудах по истории

Болгарии, так и в специальных исследованиях эпохи Возрождения. Об этом говорят труды Ж. Натана, а также работы Д. Косева, Й. Митева, Хр. Гандева и др.⁴⁰

Зрелостью и продуманностью формулировок и выводов отличается курс лекций по истории Болгарии, прочитанный Д. Косевым в Софийском университете в конце 40-х годов. Автор затронул почти все важнейшие проблемы национального Возрождения. Он правильно утверждает, что «развитие производительных сил и духовной культуры вело к росту национальных сил, к формированию болгарской нации». Здесь же есть заслуживающая внимания постановка вопросов о национально-культурном развитии Болгарии, о церковно-национальной борьбе, формировании нации и др. Косев справедливо подчеркивал, что «церковный вопрос... по своей сущности был вопросом экономическим, национальным и политическим»⁴¹.

Следует сказать, что уже в середине 40-х годов была предпринята первая попытка показать процесс образования болгарской нации. Статья на эту тему принадлежала Й. Митеву, который значительную ее часть посвятил изложению вопроса, «что такое нация», всецело опираясь при этом на известную работу И. В. Сталина. Что касается той части статьи, где речь шла об образовании болгарской нации, то автор, строго придерживаясь четырехчленной формулы, не привлек, однако, достаточное количество документальных материалов, которые уже тогда были накоплены наукой, и, естественно, не смог показать всю глубину и сложность этого процесса. И, наконец, часть, из-за которой, по-видимому, и была написана статья, посвящена критике буржуазно-идеалистических трактовок национального вопроса в Болгарии. К сожалению, не всегда эта критика была достаточно обоснованной⁴².

После первой попытки Й. Митева почти 15 лет никто темы формирования нации не касался, если не считать отдельных беглых замечаний по этому поводу в общих трудах по истории Болгарии и в отдельных работах по национальному Возрождению. Только в 1962 г. со статьей «О начальном этапе образования болгарской нации» выступает В. Паскалева, почти целиком посвятившая себя изучению вопросов, связанных с формированием нации. За прошедшие 20 лет она опубликовала целый ряд статей по этим сюжетам (в том числе и историографические работы). С самого начала историк правильно подчеркнула, что эта проблема может быть целостно разрешена лишь совместными усилиями исследователей различных специальностей (историков, лингвистов, литературоведов, искусствоведов, этнографов и др.). Сознывая, что многие вопросы еще остаются дискуссионными, автор поставила перед собой задачу раскрыть важнейшие моменты и стороны этого процесса в его начальной стадии. По мнению В. Паскалевой, на начальном этапе образования болгарской буржуазной нации (а хронологически она включает, как можно заключить из статьи, весь XVIII и первое десятилетие XIX в.) из четырехчленной формулы только два элемента играли решающую роль: «создание экономической общности и из-

менения, которые наступили в психологическом облике болгар, проявившиеся в общности культуры»⁴³.

Что касается общности территории, то, как полагает исследователь, это имело частичное, второстепенное значение, а формирование национального языка происходило совсем медленно. Таким образом, в статье дана в основном теоретическая постановка вопроса.

В 1966 г. Паскалева публикует новую работу, которая должна служить продолжением вышеназванной статьи, но хронологически уже охватывала первую половину XIX в. Именно в это время, утверждает автор, совершается «переход от первого этапа образования нации ко второму, более ярко выраженному, протекавшему незаметно в период феодальных усобиц и кирджалийского разгула»⁴⁴. Сравнивая первую и вторую стадии развития болгарской буржуазной нации, Паскалева пришла к бесспорному выводу, что не все составные элементы нации развивались одновременно и в одинаковой степени. «Экономическая сущность укреплялась до 90-х годов XVIII в. быстрее, чем в последующие 25—30 лет. А за два десятилетия до Крымской войны, особенно после ее окончания, экономический фактор вновь начинает играть решающую роль». Можно вполне согласиться с автором, что основные черты болгарской нации развивались на протяжении первой и второй стадий зигзагообразно, «иногда совсем медленно, в другое время ускоренно со своими специфическими отличиями»⁴⁵.

Почти одновременно со статьями Паскалевой появилась работа П. Куртева, который предпринял попытку осветить вопросы исторических условий, при которых совершалось формирование болгарской нации, выделения основных черт болгарской нации, создания национального литературного языка, национальных училищ и национальной интеллигенции, формирования национального самосознания и, наконец, возникновения национального патриотизма⁴⁶. Разумеется, такая многоплановость при сравнительно небольшом объеме работы не дала автору возможности с достаточной полнотой и убедительностью раскрыть все поставленные проблемы. Но автор поднял и попытался обосновать вопросы, которые были еще мало изучены или вокруг которых продолжались споры. Остановлюсь только на одном из них — на формировании национального самосознания. Н. Куртев правильно отмечает, что чувство народности и «народностное» сознание никогда не покидало болгарский народ, даже в тяжелые времена османского ига. Но национальное самосознание (в сравнении с народностным) представляет более высокую степень сплочения людей на основе единства языка, культуры, традиции и обычаев, общности экономической жизни и т. д. Куртев подчеркивает, что развитие сознания национальной принадлежности «присуще целой нации, независимо от ее деления на классы»⁴⁷.

Следует сказать, что этот вопрос почти не освещался в немногочисленной еще тогда литературе по национальному вопросу; значительно больше уделялось внимания процессу формирования нации. Между тем национальное самосознание, как утверждает ис-

следователь, стало огромной движущей силой в борьбе болгарского народа: «На основе развивающегося национального самосознания появился новый невиданный по размаху и силе патриотизм»⁴⁸. Удачно, как мне представляется, указание на различие между национальным сознанием и патриотизмом, которое состоит в том, что «первое является признаком всей нации, а второе характерно для прогрессивных и угнетенных классов»⁴⁹. Исходя из ленинского учения по национальному вопросу, Куртев приходит к выводу, что национализм и патриотизм болгарской буржуазии в эпоху Возрождения сыграли прогрессивную роль и имели общедемократическое содержание. «Отрицание этого патриотизма, — пишет он, — абсолютно неправильно и является выражением догматического подхода или же страха признать объективно прогрессивную и патриотическую роль болгарской буржуазии в период национального Возрождения»⁵⁰.

Таким образом, в работе Куртева при недостаточной разработке отдельных вопросов есть и проблемы, которые могут служить отправной точкой для новых успешных исследований.

70-е годы были особенно плодотворными для болгарских историков, исследующих проблемы национального Возрождения, а в связи с этим и вопросы национального и культурного развития Болгарии в XVIII—XIX вв. Были предприняты также серьезные попытки заполнить «белые пятна», о которых говорил Т. Павлов, и изучить время, предшествующее Паисию, а что касается изучения литературы, культуры, искусства, традиций, то оно охватило и средневековье. Эти исследования показали несостоятельность мифа «о темном и беспросветном рабстве», который длительное время господствовал в исторической науке.

Еще в 1962 г. Д. Косев и Х. Христов показали неправомочность утверждений М. Дринова⁵¹. Болгары не существовали больше как народ, а составляли, как писал Дринов, «массу людей, угнетенных, подавленных и разбитых». Х. Христов показал, что Дринов игнорировал условия материальной жизни и развития общественно-экономических отношений в болгарских землях в XVII и XVIII вв. и оторвал Паисия от эпохи, которая его породила и в которой формировалась его идеология⁵². Придерживаясь такой же точки зрения, Д. Косев пишет, что взгляды Дринова объясняются не только его буржуазной идеалистической методологией, но и отсутствием данных о жизни болгарского народа в XVIII в.⁵³ Можно считать, что после появления статей Д. Косева и Х. Христова началась сравнительно интенсивная разработка истории Болгарии до эпохи Возрождения.

Остановлюсь на двух работах, вышедших в 70-х годах, в которых с достаточной полнотой воссоздана картина культурной жизни Болгарии до начала эпохи Возрождения. Это представляется необходимым, поскольку глубокие корни болгарской нации уходят в средневековье. Интересна работа Г. Нешева, стремившегося показать силу и прочность традиций болгарской средневековой письмен-

ности, искусства и культуры, продолжавшей жить и после турецкого завоевания. Автор пришел к выводу, что в силу ряда исторических обстоятельств важную роль в указанном отношении играли болгарские монастыри. «Вся их деятельность, — пишет он, — вела к поддержанию и усилению народностного сознания у болгар, способствовала подготовке эпической борьбы в период Возрождения за политическое и духовное освобождение»⁵⁴.

Немало интересных наблюдений, связанных с личностью Паисия и его трудом, их воздействием на рост национального самосознания болгарского народа в книге В. Велчева⁵⁵. Вместе с тем нельзя не сказать о полемике, которую как эстафету подхватил Велчев, по поводу идеологии Паисия Хилендарского.

Спору этому уже более 45 лет. Выше было сказано, что Г. Бакалов еще в 30-х годах противопоставил взгляды Паисия идеологии зарождающейся болгарской буржуазии. Тогда же с критикой этого тезиса выступил Т. Павлов, который, однако, после 1944 г. сам встал на точку зрения Бакалова. В ряде работ, а особенно в статье «Об идеологии Паисия Хилендарского» (1962) Д. Косев убедительно показал, что нельзя отрывать зарождавшуюся болгарскую буржуазию от народа, а Паисия от буржуазии как составной части народа в начальный период Возрождения. Говоря о том, что идеология Паисия имела антифеодальный, буржуазно-демократический характер, Д. Косев в то же время подчеркивает, что «патриотизм Паисия был ярчайшим и самым мощным проявлением духа народных масс в XVIII в. и содействовал развитию прогрессивного процесса — формирования болгарской нации»⁵⁶. Замечания Косева были направлены прежде всего против тезисов В. Топенчарова, который решительно отказывал болгарской буржуазии в какой бы то ни было прогрессивности, утверждая, что с самого своего зарождения болгарская буржуазия начала с предательства, и это предательство «сопровождало весь ее путь»⁵⁷.

После длительных споров и дискуссий казалось, что подобное отношение к болгарской буржуазии на всех этапах ее развития уже преодолено, но Велчев в 1979 г. вновь поднял этот вопрос. Он даже стал утверждать, будто во времена Паисия существовали уже две нации и две культуры: «одну болгарскую нацию и культуру представляют трудовые массы, которые осуществляли материальный прогресс, отстаивали свою национальную самобытность, достоинство и пр.». Сторонником именно такой нации и такой культуры, утверждает Велчев, был Паисий. Другую болгарскую нацию и национальную культуру Велчев ошибочно видит в космополитически ориентированных представителях зарождающейся болгарской буржуазии, которые отказываются от собственного народа, отрекаются от его истории, языка и нравов, переходят к грекам». Противником такой нации и культуры, полностью отрицавшим ее, был Паисий⁵⁸. В. Велчев считал необходимым объяснить, что он рассматривает эту проблему в свете ленинской теории о двух нациях и двух национальных культурах в каждой современной нации. Но, во-первых,

вряд ли можно считать нацией группу эллинизированной буржуазной верхушки. Во-вторых, автор пренебрег мыслью В. И. Ленина, что тезис о «двух нациях» в каждой нации относится к началу XX в., касается *современной* нации, а не времени, когда нация находилась только в процессе формирования.

В 1913 г. Ленин писал: «125 лет тому назад, когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма»⁵⁹. Доказательства Велчева антинародности и реакционности болгарской буржуазии уже в момент ее рождения, а заодно и попытка «отлучения» Паисия от связи с передовой по тому времени буржуазной идеологией, представляются **неубедительными**.

В 1973 г. со статьей о проблеме формирования болгарской нации выступил Х. Гандев. Хотя статья была названа автором историографической, в действительности она носила методологический характер. В виду большой сложности этой проблемы Гандев решил выделить несколько специфических сторон в формировании болгарской буржуазной нации, которые отличают этот процесс от аналогичного в других странах. Их пять: 1) этническое единство народности как образующий фактор; 2) национальный язык и литература; 3) формирование болгарской нации и место крупной и средней буржуазии в болгарском обществе; 4) общественно-политическая сила народных масс; 5) роль религии в национальном сознании. Следует сделать несколько пояснений. Прежде всего, под общественно-политической силой автор понимал участие народных масс в создании училищ, что придавало демократический характер просвещению. Это же относится к местному управлению церковью и общин. Именно тут, утверждает Гандев, крупная буржуазия сотрудничала с массами. «В этих общественных и культурных институтах, — пишет Гандев, — в национальном масштабе укрепилась напряженная, но общая силовая линия, которая связывала две общественные группировки в диалектическом единстве, несмотря на несоответствие их интересов. Эта связь выражала единство нации, общее национальное сознание». Этой стороной общественного развития, подчеркивает автор, до сих пор пренебрегали, усиленно выпячивая классовую поляризацию и приписывая антинародное политическое поведение крупной буржуазии⁶⁰. А в статье, написанной несколько ранее, Гандев говорит о «классовом сцеплении», о сближении классов и классовых прослоек, что притупляло в большей или меньшей степени взаимные противоречия. «Так, — заключает автор, — создается общий поток патриотического сознания и патриотической деятельности представителей различных классовых прослоек»⁶¹.

Безусловно, что в условиях смертельной угрозы со стороны османского государства против него выступал весь болгарский народ, по также несомненно, что острота классовых противоречий зависела и от степени дифференциации в среде крестьянства и в самой на-

рождающейся буржуазии. По мере углубления дифференциации с очевидностью возрастали противоречия внутри болгарского общества. Не говорить о них и не изучать их было бы, конечно, неправильно. В этой связи, вероятно, нецелесообразно делать акцент на потоке патриотического сознания, ибо из этого потока, без сомнения, должны быть исключены большая часть чорбаджийства и представители некоторых других классовых групп, ставших на путь предательства своего народа и сотрудничества с османскими властями. По-видимому, речь должна идти не об «общем потоке», а о союзе между прогрессивными общественными силами болгарского общества (включая, разумеется, и большую часть зарождающейся буржуазии), которые высоко подняли знамя патриотизма.

Много нового и оригинального можно найти в работах Н. Генчева, написанных с большим знанием источников и литературы. Его мысли и выводы всегда аргументированы, подчас неожиданны, но убедительны. В 1978 и 1979 годах вышли две его работы по болгарскому Возрождению, в которых вопросам формирования болгарской нации и национального самосознания уделено определенное место. В книге «Болгарское Возрождение» автор выделил специальную главу под названием «Формирование болгарской нации», в которой подчеркивает, что «главным результатом развития возрожденческих процессов в XVIII—XIX вв. является создание и утверждение болгарской нации»⁶². Выделив ряд элементов и факторов, принимающих участие в процессе формирования нации, Генчев не без основания приходит к выводу, что «нация является сложной и противоречивой социальной категорией, состоящей из разнородных элементов и индивидуумов, проявляющихся при различных исторических условиях, и ее объяснение четырехзначной формулой всегда таит опасность теоретического обеднения»⁶³. Поэтому он считает, что самым надежным научным подходом к этому сложному явлению может быть конкретно-исторический.

В болгарской истории, разъясняет далее Генчев, образование нации в основных линиях совпадает с эпохой национального Возрождения. В этом отношении Болгария не отличалась от тех европейских стран, где процесс образования наций также совершался в XVIII—XIX вв. «Следовательно, — заключает автор, — если болгарское Возрождение по отношению к Европе является запоздалым историческим процессом, то формирование болгарской нации совпадает хронологически с общеевропейским процессом и с формированием наций... других континентов»⁶⁴.

Вдумчиво подошел Генчев к рассмотрению вопроса о культурном процессе и образовании нации. Он полагает, что в Болгарии не могла идти и речь о полном восстановлении и возрождении старой культуры, поскольку из-за превратностей исторической судьбы эта культура оказалась непригодной для нужд нового времени. И тем не менее именно она легла в основу культуры национального Возрождения, получившего от нее язык, элементы христианской и церковно-славянской традиции и достижения массовой пародной куль-

туры, сохранные на протяжении веков рабства. Важное значение для национально-культурного процесса имели иностранные влияния⁶⁵. Учитывая еще слабую изученность вопроса о внешних влияниях, Генчев свою последнюю монографию посвятил роли Франции в болгарском духовном Возрождении. Обобщив изученные им документы и материалы, Генчев пришел к выводу, что в эпоху своего национального Возрождения болгарское общество испытывало сильные культурные и политические влияния и главное, определяющее, из них шло со стороны буржуазной Европы. Но вопреки всему этому болгарская культура в период Возрождения формировалась на болгарской народной основе⁶⁶.

Интересны и теоретически глубоки работы другого болгарского историка С. Димитрова, который в двух статьях, посвященных Паисию, затронул некоторые аспекты становления нации и национального самосознания. С. Димитров рассматривает национальное Возрождение в двух аспектах — в социальном и культурно-историческом. В социальном аспекте Возрождение — это эпоха ожесточенной классовой борьбы между силами старого общественного строя и восходящей буржуазией, которая выступала как представитель целой нации. В культурно-историческом аспекте Возрождение является периодом ломки духовной диктатуры церкви и утверждения светской культуры и искусства, естественно-научных знаний и буржуазно-националистической идеологии, шедшей на смену средневековой феодально-религиозной⁶⁷. Далее автор говорит об эпохе Просвещения, которая поставила перед всеми балканскими народами ряд общих и специфических задач. «Но над всеми ими возвышалась задача национального самоопределения балканских народов, создания национальных государств»⁶⁸. В этой связи перед деятелями Возрождения встала необходимость доказать право на самостоятельное государственное существование, для чего они обратились к историческому прошлому. Для балканских деятелей Просвещения, пишет С. Димитров, история была не просто наукой, а «руководством по историческому праву отдельных народов»⁶⁹. Вот почему, как полагает С. Димитров, историзм оказался составной частью идейной жизни тогдашнего общества и закономерно получил отражение в политической литературе. «Сама жизнь показала, что общее историческое прошлое — это один из признаков формировавшейся нации». Другим признаком была борьба в защиту национальных языков и их дальнейшего развития. «Потому что история и язык, — заключает автор, — «род и язык» — это два мощных оружия, с которыми балканское просвещение двинулось вперед на борьбу за самоопределение балканских народов. Через них заявили о себе формирующиеся балканские буржуазные нации»⁷⁰.

В конце 1980 г. в Болгарии вышел из печати солидный сборник исследований «Болгарская нация в период Возрождения», подготовленный Институтом истории БАН. В сборник включены 16 статей, которым предпослано большое введение Х. Христова. Отмечая наличие многочисленных трудов о болгарском Возрождении и их суще-

ственный вклад в выяснение основных явлений и процессов в болгарской возрожденческой истории, Х. Христов в то же время указывает, что до сих пор еще отсутствуют научно обоснованные разработки и общепринятая точка зрения по ряду важных вопросов, связанных с хронологическими границами Возрождения, предпосылками и факторами образования болгарской нации, ее характером и истинными чертами, этапами формирования национального самосознания и культуры и т. д.⁷¹ В качестве примера неразработанности ряда вопросов автор указывает на изучение проблемы внутреннего рынка. Никто из болгарских историков, констатирует Х. Христов, не рассмотрел еще на широкой исторической базе вопрос о существовании единого болгарского национального рынка в период Возрождения. Он замечает, что без такого рынка трудно говорить о возникновении единого национального сознания, единого литературного языка и единой духовной культуры⁷². Или другой вопрос, который еще недостаточно выяснен: о национальном чувстве и национальном сознании. Х. Христов считает, что задача состоит в том, чтобы раскрыть процесс образования нации во всей его сложности — исследовать его предпосылки, причины, этапы, конкретные черты и т. д.⁷³

Во введении поставлен важный вопрос о соотношении внешних влияний с внутренним развитием с присущими ему оригинальными чертами в эпоху Возрождения. Автор справедливо предупреждает, что «преувеличение оригинальных черт и достижений национальной культуры ведет к слишком высокой самооценке и самохвальству, и наоборот — недооценка и отрицание их являются синонимом национального нигилизма»⁷⁴. Таким образом Х. Христов показал как достижения, так и недостатки в изучении важных проблем и поставил ряд задач перед будущими исследователями.

Чрезвычайно интересна работа Р. Радковой, являющаяся первой попыткой проанализировать некоторые конкретные исторические данные, чтобы выделить и обрисовать начальные элементы национального самосознания, выкристаллизовавшиеся в болгарском обществе в XVIII в. Р. Радкова указывает, что национальное самосознание в XVIII в. проявлялось на религиозной основе, что по существу означало «осознание массами их принадлежности к нации с помощью религиозных форм»⁷⁵. Среди первых элементов национального самосознания автор называет развивающееся и еще более углубляющееся чувство этнической принадлежности, существовавшее и у народности⁷⁶. В XVIII и начале XIX в. происходит процесс углубления и осмысления национальных чувств и выработки нового отношения к национальным духовным ценностям — языку, быту, культуре и др. Новый смысл вкладывается в понятие «народ», «отечество» и др. Р. Радкова указывает на то, что со второй половины XVIII в. «совершенно ясно очерчивается тенденция все более активно использовать историю как средство формирования и распространения национального самосознания». На начальном этапе Возрождения «использование истории как средства формирования нацио-

нального самосознания было особенно сильным»⁷⁷. Активное влияние на развитие национального самосознания оказывали болгарские училища, которые подготовили почву для развития национального просвещения в более поздний период болгарского Возрождения, хотя училища далеко не сразу стали средоточием пропаганды национального самосознания, а «просвещение все еще не имело нужного идейно-политического заряда», но все же они подготовили идейные условия, «которые способствовали при определенных общественно-экономических условиях перерастанию количественных накоплений в качественные»⁷⁸. Р. Радкова обратила внимание на то, что процесс формирования национального самосознания связан до известной степени и с переосмыслением роли отдельной личности. Впервые в болгарской литературе появляется в качестве персонажа не болгарский святой и мученик, а живой деятель, вышедший из народа и трудившийся во имя народа.

Зарождение национального самосознания, как правильно утверждает автор, проходило различными темпами среди различных классов и прослоек, имело свою специфику и в городе, и в селе, и в отдельных районах болгарских земель. В этой связи Радкова напоминает, что вопрос зарождения и распространения национального самосознания среди наиболее многочисленной части населения — крестьянства — все еще не изучен и должен стать объектом специального исследования. Автор приходит к выводу, что XVIII и первая четверть XIX в. являются «периодом медленного и постепенного перерастания локального народностного самосознания — в общеполитическое, национальное»⁷⁹.

Разумеется, вышеизложенное не охватывает всего содержания этого интересного исследования.

Далеко не полный обзор болгарской марксистской литературы по вопросу формирования болгарской нации и национального самосознания может служить убедительным доказательством плодотворности идей, выдвинутых еще первыми болгарскими марксистами, а затем развитыми и уточненными современной болгарской наукой. Конечно, дискуссии продолжаются. Болгарским историкам предстоит еще изучить многие явления, процессы и основные черты как болгарского Возрождения в целом, так и неразрывно связанного с ним процесса образования болгарской нации. Но то, что уже сделано болгарскими учеными в изучении этих сложных вопросов, вселяет надежду, что они коллективными усилиями смогут в ближайшие годы решить еще не разрешенные проблемы и опубликовать капитальные труды, так как социалистическая Болгария располагает крупным отрядом высококвалифицированных и широкоэрудированных исследователей.

¹ *Иречек К.* История на българите. С., 1978, с. 575.

² *Благоев Д.* Съчинения. С., 1960, т. II, с. 25, 29.

³ Там же, т. 14, с. 216.

⁴ Там же, с. 33.

- ⁵ Там же, с. 32.
- ⁶ *Косев Д.* Димитър Благоев като историк. — В кн.: 100 години Димитър Благоев. С., 1956, с. 167.
- ⁷ *Николаев В.* Обсъждане на макета на първия том на научно-популярната история на България. — Известия на института за българска история, 1954, т. 5, с. 446—447, 467, 469. См. также: *Павлов Т.* За марксистическа история на България. С., 1954, с. 356.
- ⁸ *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. С., 1979, с. 3.
- ⁹ *Генчев Н.* Българско възраждане. — Ново време, 1981, № 5, с. 80—81.
- ¹⁰ Там же, с. 81.
- ¹¹ *Кирков Г.* Избрани статии и материали (1897—1903). С., 1953, т. 1, с. 200.
- ¹² *Кабакчиев Х.* Избрани произведения. С., 1953, с. 656.
- ¹³ *Коларов В.* Избрани произведения. С., 1955, т. III, с. 387—388.
- ¹⁴ Там же, т. I, с. 602.
- ¹⁵ Там же, т. III, с. 184.
- ¹⁶ Там же, с. 182.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, с. 118.
- ¹⁹ *Бакалов Г.* Избрани произведения, С., 1963, т. 1, с. 320.
- ²⁰ Там же, т. 4, с. 317.
- ²¹ *Бакалов Г.* Избрани исторически произведения. С., 1960, с. 318.
- ²² *Бакалов Г.* Избрани произведения, т. 4, с. 321.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, с. 322.
- ²⁵ *Бакалов Г.* Избрани произведения, т. 1, с. 118 (примечание 2), с. 124.
- ²⁶ Там же, с. 134.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Павлов Т.* Нация и култура. С., 1940, с. 107.
- ²⁹ Там же, с. 117.
- ³⁰ *Павлов Т.* За марксистическа история на България. С., 1954, с. 133—134.
- ³¹ Там же, с. 141.
- ³² Там же, с. 76.
- ³³ О М. Димитрове см.: *Бейлис А.* Исследования М. Димитрова по истории болгарского Возрождения. — Сов. славяноведение, 1969, № 3.
- ³⁴ *Хаджийски И.* Оптимистична теория за нашия народ. С., 1974, т. 1, с. 87.
- ³⁵ Там же, с. 88. О И. Хаджийском и др. марксистских исследователях до 9 сентября 1944 г. см.: *Паскалева В.* За понятието «нация» и за образуването на българската нация през Възраждането (историографическа студия). — В кн.: Българската нация през Възраждането. С., 1980.
- ³⁶ *Натан Ж.* Икономическа история на България. С., 1938; *Он же.* Българското Възраждане. С., 1939.
- ³⁷ *Натан Ж.* Българското Възраждане, с. 54.
- ³⁸ *Павлов Т.* Указ. соч., с. 377.
- ³⁹ *Косев Д.* Вступительное слово на открытии конференции в связи с 70-летием основания болгарского исторического общества. — Проблемы на българската историография след втората световна война. С., 1973, с. 6.
- ⁴⁰ См.: *Косев Д.* Лекции по нова българска история. С., 1951; *Митев И.* Кратка история на българския народ. С., 1951; *Гандев Х.* Кратка българска история: Популярен очерк. С., 1947.
- ⁴¹ *Косев Д.* Новая история Болгарии: Курс лекций / Пер. с болгарск. М., 1952, с. 158, 266.
- ⁴² *Митев И.* Образуването на българската нация. — Исторически преглед 1947/1948, № 3, с. 314.
- ⁴³ *Паскалева В.* За началния етап в образуването на българска нация. — ИП, кн. 6, 1962, с. 52.
- ⁴⁴ *Паскалева В.* За някои особености и фактори в образуването на българската нация през първата половина на XIX в. — Известия на института за история, 1966, т. 16/17, с. 424.
- ⁴⁵ Там же, с. 451.

- ⁴⁶ *Куртев Н.* Формиране на българската буржоазна нация. Първа част. — Годишник на Софийския Университет: Идеологически катедри, С., 1964, т. 57, с. 85—189.
- ⁴⁷ Там же, с. 162.
- ⁴⁸ Там же, с. 171.
- ⁴⁹ Там же, с. 172.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Косев Д.* За идеологията на Паисий Хилендарски; *Христов Х.* Паисий Хилендарски и Българското възраждане. — В кн.: Паисий Хилендарски и неговата епоха. С., 1962.
- ⁵² *Христов Х.* Указ. соч., с. 34.
- ⁵³ *Косев Д.* За идеологията на Паисий. . . , с. 9.
- ⁵⁴ *Нешев Г.* Български довъзражденски културнонародности средища. С., 1971, с. 246.
- ⁵⁵ *Велчев В.* От Константин Философ до Паисий Хилендарски. С., 1979.
- ⁵⁶ *Косев Д.* За идеологията на Паисий Хилендарски, с. 29.
- ⁵⁷ *Топенчаров В.* Портретът на Паисий. С., 1969, с. 49.
- ⁵⁸ *Велчев В.* Указ. соч., с. 242.
- ⁵⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 9.
- ⁶⁰ *Гандев Х.* Проблемът за формиране на българската нация в нашата историография. — В кн.: Проблеми на българската историография. С., 1973, с. 294.
- ⁶¹ *Гандев Х.* Проблеми на Българското възраждане. С., 1976, с. 695.
- ⁶² *Генчев Н.* Българско Възраждане: Записки и бележки по нова българска история. С., 1972, с. 203.
- ⁶³ Там же, с. 204.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, с. 210—211.
- ⁶⁶ *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане, с. 10.
- ⁶⁷ *Димитров С.* Социалните предпоставки на Паисиевото дело. Векове, кн. 3, 1972, с. 31; *Он же.* Общобалкански черти о Паисиевото дело. — В кн.: В чест на акад. Христо А. Христов: Изследване по случай 60 години от рождението му. С., 1976, с. 52.
- ⁶⁸ *Димитров С.* Общобалкански черти о Паисиевото дело, с. 58.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, с. 60—61.
- ⁷¹ *Христов Х.* Проблеми, постижения и задачи на изследванията за българската нация през Възраждането. — В кн.: Българската нация през Възраждането. С., 1980, с. 8.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же, с. 18.
- ⁷⁴ Там же, с. 19—20.
- ⁷⁵ *Радкова Р.* Националното самосъзнание на българите през XVIII и началото на XIX в. — Там же, с. 202.
- ⁷⁶ Там же, с. 202—206.
- ⁷⁷ Там же, с. 219.
- ⁷⁸ Там же, с. 226.
- ⁷⁹ Там же, с. 237.

ПРОБЛЕМА „ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ“ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Н. К. Жакова

Среди научных проблем, по которым, начиная с 1976 г., осуществляется координацию Ленинградское отделение Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, значительное место занимают вопросы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе¹. Достаточно указать, что из 38 научных заседаний Совета, состоявшихся в 1976—1981 годах, 12 было посвящено этой проблеме. В разработке ее принимают участие ученые разных специальностей: историки, филологи, этнографы, фольклористы, искусствоведы и другие специалисты. Они представляют ленинградские научные учреждения, в планах работы которых предусмотрено исследование различных аспектов славистического и балканистического характера: ленинградские отделения институтов этнографии, истории СССР, языкознания, Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, филологический и исторический факультеты ленинградского университета им. А. А. Жданова, Институт театра, музыки и кинематографии, Государственный музей этнографии народов СССР, Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и ряд других учреждений. Наряду с ленинградцами в работе отделения принимают участие и коллеги из Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института этнографии АН СССР, московского университета им. М. В. Ломоносова, из научных центров Киева, Минска, Тарту и других городов. Неоднократное участие в работе Ленинградского отделения принимал и выступал с докладами по проблемам изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы председатель научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков. Важную стимулирующую роль в развитии исследований сыграли рекомендации Всесоюзной научной конференции «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации», состоявшейся в марте 1978 г. в г. Звенигороде Московской обл. В общих рекомендациях конференции был отмечен «позитивный опыт научно-координационной работы Ленинградского отделения научного Совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики»².

Уже первое заседание Ленинградского отделения, которым 20 февраля 1976 г. открылась его деятельность, было посвящено теме «Формирование национальных культур и этапы складывания национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы». С докладом выступил председатель Ленинградского отделения Совета А. С. Мыльников³. На следующем заседании, происходившем в марте 1976 г., обсуждался вопрос о роли славянских матиц в развитии культуры и национального самосознания. Как известно, матицам принадлежала заметная роль в общественно-культурной жизни большинства зарубежных славянских народов. С докладом «150 лет Матицы сербской» выступил В. Е. Гусев (Институт театра, музыки и кинематографии). Он познакомил собравшихся с историей возникновения журнала «Сербски летопис» и с организацией Матицы сербской, которая, как известно, начала свою деятельность в Пеште 16 февраля 1826 г. Используя новонайденные материалы, В. Е. Гусев показал роль выдающегося словацкого и чешского ученого П. Й. Шафарика в организационном оформлении Матицы.

В выступлении И. М. Порочкиной (ЛГУ) «Первые годы существования „Матицы чешской“» были раскрыты условия ее возникновения и определено значение ее деятельности в 30—40 годах XIX в. Матица стала первым чешским издательством нового типа, ориентированным прежде всего на издание научной литературы и внесшим большой вклад в укрепление авторитета славянской науки в Европе. С малоизвестными фактами познакомил слушателей гость из ГДР, директор Института серболужицкого народоведения Мартин Каспер, посвятивший свое сообщение Лужицкосербской матице, которая возникла в 1845 г. под сильным влиянием чешской культуры и Матицы чешской. М. Каспер рассказывал о славянских истоках и связях серболужицкой культуры. Основные этапы борьбы деятелей хорватского национального Возрождения за создание Хорватской матицы раскрыл в своем докладе П. А. Дмитриев (ЛГУ). И здесь в основе движения лежали интересы развития национального языка, литературы, культуры, науки. И здесь была велика роль культурного влияния других славянских народов, особенно связи с Я. Колларом. Хорватская матица сыграла выдающуюся роль как в развитии культуры своего народа, так и в формировании национального самосознания, а также в укреплении межславянских культурных и литературных связей. М. Л. Бершадская (ЛГУ) осветила историю создания Словенской матицы, которая опиралась в своей деятельности на опыт других славянских народов, ибо сходные задачи ей приходилось решать с большим запозданием. Тогда же был налажен книгообмен с другими славянскими землями. Особенно значительны были связи матицы с Россией. В дальнейшем Словенская матица становится главным культурным учреждением в стране, поддерживавшим многие национальные начинания.

Выступления дали широкую картину культурного движения у славян в период формирования национального самосознания, показав тесную взаимосвязь и взаимовлияние славянских культур. Как

подчеркнул А. С. Мыльников, избранная форма обсуждения проблемы — своего рода микросимпозиум — оказалась очень удачной. Она дала возможность увидеть, как протекали сходные процессы по созданию матиц у разных славян. Комплексное рассмотрение ценно в типологическом отношении: оно помогает оценить моменты сходства и различия в развитии славянских народов на таком важном этапе, как период формирования наций⁴.

Среди проблем, привлекающих пристальное внимание ленинградских ученых, оказалась и проблема взаимосвязи языка и национального самосознания, которая обсуждалась на одном из заседаний в 1976 г. Вопрос о роли языка в формировании национальных культур славянских народов, об обогащении славянских языков за счет инославянских заимствований и о значении языковых факторов в процессе формирования национального самосознания получил всестороннее, многоаспектное освещение в докладах языковедов-славистов Ленинградского университета.

Г. А. Лилич раскрыла эту проблему на материале чешского национального Возрождения, подчеркнув, что языковое развитие этого периода было обусловлено социально-историческими причинами. В условиях интенсивной германизации внимание к национальному языку приобретало особую значимость, а для чешского национального самосознания оно означало обращение к народным традициям во всех сферах культурной жизни. Идея славянской взаимности, с которой было связано усиление национального самосознания чехов, обусловила и обращение к другим славянским языкам, и прежде всего к русскому, как к источнику обогащения и развития чешского языка. Е. А. Захаревич осветила историю формирования болгарского литературного языка, который складывался в сложных условиях господства турецкого и греческого языков. Кроме того, на заре формирования болгарского языка в больших масштабах привлекался архаичный церковнославянский язык, далекий от живого языка болгарского народа. В докладе убедительно показано, что созданию литературного национального языка на основе языка народного во многом способствовало благотворное влияние русского языка. П. А. Дмитриев подчеркнул важность задач, стоящих перед славистами, изучающими проблематику взаимодействия национального самосознания и языка. Комплексное ее изучение помогает выявить черты, общие для формирования национальных языков в разных славянских странах, понять специфику этого процесса у разных народов. Борьба за создание сорбохорватского литературного языка в период национального Возрождения, также как у чехов и болгар, во многом влияла на национальное самосознание и в свою очередь им обуславливалась. Кроме того, и здесь очевидна тенденция к освобождению от чуждых влияний и стремление к славянизации, особенно в лексике. Однако влияние русского языка по-разному проявилось у сербов и хорватов.

А. С. Мыльников указал на то, что комплексный подход к проблеме «Язык и национальное самосознание» позволяет создать целостную картину взаимодействия славянских языков в эпоху на-

ционального Возрождения, отражая один из существенных моментов в процессе формирования национального самосознания славянских народов⁵.

К названной проблеме непосредственно примыкает тема о роли «Слова о полку Игореве» в развитии национального самосознания славянских народов, которая рассматривалась в июне 1977 г. О новых материалах по истории обнаружения и исследования «Слова» в XVIII в. рассказала Г. Н. Моисеева (Институт русской литературы АН СССР). А. С. Мыльников сделал доклад «„Слово о полку Игореве“ в оценке Й. Юнгмана». Его доклад был построен на основе обнаруженного им в фондах Института рукописей Грузинской ССР ранее неизвестного автографа Юнгмана. Г. А. Лилич посвятила свое выступление теме: «„Слово“ и лексическое обогащение чешского литературного языка». Она привела интересные примеры, свидетельствовавшие об использовании деятелями национального Возрождения языка памятника древнерусской письменности в расширении лексики чешского языка.

Несколько заседаний было посвящено по преимуществу проблемам балканистики. Так, на майском заседании 1976 г. рассматривался вопрос «Особенности формирования наций на Балканах». С основным докладом выступила член-корреспондент АН СССР А. В. Десницкая (Ленинградское отделение института языкознания АН СССР). В обсуждении проблемы приняли участие П. А. Дмитриев, С. П. Николаева (ЛГУ), В. И. Фрейдзон (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и другие участники заседания. Одно из заседаний было посвящено проблемам балканской этнографии. С докладом «Характер и социальные аспекты болгарской народной традиционной одежды XIX—XX вв. по материалам музеев Ленинграда» выступила гость из Болгарии старший научный сотрудник Института этнографии Болгарской Академии наук М. М. Черкезова — это заседание, проведенное 9 марта 1978 г. совместно с Ученым советом Ленинградской части Института этнографии АН СССР, было посвящено 100-летию освобождения болгарского народа от османского ига.

В решении вопросов, связанных со становлением наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, большое значение приобретает выяснение роли города в этнокультурном развитии ареала. Вопрос этот, как напомнил А. С. Мыльников, открывая заседание в мае 1980 г., уже рассматривался Советом на материалах более раннего периода.

Так, в 1977 г. был проведен симпозиум, на котором обсуждались особенности средневекового города в единстве его социально-экономической и культурно-идеологической характеристик. В ходе дискуссии были выявлены важнейшие проблемы, которые предстоит поставить перед исследователями в качестве актуальнейших аспектов изучения города: типология города, город и фольклор, роль города в усвоении разного культурного материала, взаимосвязь и взаимовлияния в усвоении инокультурных влияний и пр. Среди проблем, связанных с городом периода формирования наций, на первый план

выдвинулись этнокультурные процессы и роль в них городских центров.

В докладе «Об этнических аспектах изучения населения многонациональных городов Европы» Н. В. Юхнёва (Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР) показала, что в исследуемый период особенно значительной оказывается национальная пестрота населения крупных городов, связанная с существованием в течение длительного времени крупных многонациональных империй.

Роли многонациональных городов в этнических процессах на Балканах был посвящен доклад Ю. В. Ивановой (Институт этнографии АН СССР, Москва). В нем отмечалось, что балканский город играл весьма важную роль в период национального Возрождения, ибо в городах концентрировались культурные силы, развивались просветительская деятельность культурных обществ, книгоиздание, журналистика и т. д. Ю. Д. Иванова охарактеризовала картину развития балканских городов этого периода и показала существовавшие здесь региональные и национальные различия.

Роли города в формировании национальной культуры в Центральной Европе было посвящено выступление А. Н. Немилова (ЛГУ). Именно в городе зарождались элементы национальной общности культуры: литературный язык, художественный стиль и система народного образования, ибо только в городе возможно выделение интеллигенции как устойчивого социального слоя. В. Я. Якубский (ЛГУ) осветил ту же проблему на примере польского города, указав, что на развитие города, как и всего польского общества, повлияло увеличение здесь иноэтнических групп (например, немцев, евреев, армян и др.). Далее он коснулся эволюции идей сарматизма эпохи Просвещения и раскрыл сущность романтической концепции польского города, идущей от И. Лелевеля⁶.

Еще одно обращение к той же теме вылилось в обсуждение сравнительного изучения города в Центральной, Юго-Восточной Европе и России XVIII—XIX вв. (март 1981 г.). А. С. Мыльников акцентировал внимание на задачах комплексного изучения славянского и балканского города в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Он отметил, что комплексный подход к проблеме города помогает по-новому взглянуть на нее, уяснить постепенность и историзм самого процесса вызревания отдельных компонентов нации, в котором существенную роль играл город. Интересный аспект изучения города как стимулятора формирования национальных литературных языков раскрыла в своем выступлении Г. А. Лилич, обратившаяся к примеру чешского города эпохи национального Возрождения. Историкографические изыскания Б. Н. Миронова (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР) «Новейшая англо-американская историография русского феодального города», Н. В. Юхнёвой «Белоруссы и украинцы в Петербурге», В. А. Якубского «О современной польской историографии города» завершили комплексное рассмотрение проблем города⁷.

Большое внимание ленинградских ученых привлекает обычно обсуждение проблем, связанных с изменениями в социальных структурах и общественном сознании славянских и балканских народов в эпоху перехода от феодализма к капитализму. В мае 1977 г. состоялось заседание, на котором были заслушаны доклады А. С. Мыльников «Общая эволюция социальных структур и роль дворянства в чешских землях», В. А. Якубского «Эволюция польского дворянства», М. Л. Бершадской «Отражение социальных структур в произведениях хорватских и словенских писателей конца XVIII в.», О. Е. Ивановой (ЛГУ) «Отражение классовой борьбы феодальной Польши в идеологии основных классов общества», И. С. Миллер (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) проинформировал о ходе подготовки к Всесоюзному симпозиуму по проблемам социальных структур народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму (декабрь 1977). Он выразил уверенность, что прошедшее заседание будет способствовать успеху предстоящей встречи⁸.

Таким образом, проблемы формирования наций и национальных культур рассматривались ленинградскими учеными с разных точек зрения и в разных аспектах. Интердисциплинарный характер обсуждения поставленных проблем позволил, с одной стороны, выявить малоизвестные факты и моменты в общей проблематике, а с другой, перейти к плодотворным обобщениям, базирующимся на большом сравнительно-типологическом материале. Одновременно это способствует углублению координации усилий ленинградских специалистов по комплексной разработке указанной проблематики. Дальнейшему подъему работы в этой области было посвящено заседание, которое состоялось в начале 1979 г. Оно было посвящено очередным задачам в разработке проблемы «Формирование наций, национальных культур и национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы». В заседании участвовали руководители и научные сотрудники ведущих научных учреждений Ленинграда, в планах работы которых значатся различные вопросы славистического и балканского характера. В обсуждении приняли участие А. В. Десницкая (Ленинградское отделение института языкознания АН СССР), А. С. Мыльников и Б. Н. Путилов (Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР), Б. Н. Баскаков (Институт русской литературы АН СССР), С. М. Стецкевич (ЛГУ), П. А. Дмитриев, В. Е. Гусев, С. О. Вялова (Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) и др. Выступившие отметили, что ленинградские ученые, работая в тесном контакте с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, внесли определенный вклад в исследование названной проблемы. В принятой резолюции было отмечено, что, среди проблематики, подлежащей дальнейшей разработке, заслуживают внимания такие вопросы, как изучение закономерностей складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, показ места города в этнокультурном развитии, роль народной культуры в становлении наций и национального самосознания и некоторые другие.

Важное значение имеет при этом привлечение сравнительных

материалов по смежным регионам, чему должно способствовать творческое сотрудничество со специалистами по истории и культуре русского, украинского и белорусского народов, а равно с германистами, финноугристами и тюркологами. Некоторые методологические вопросы такого сотрудничества были рассмотрены на специальном заседании Ленинградского отделения Научного совета, которое состоялось в феврале 1981 г.⁹

- ¹ О деятельности Ленинградского отделения научного Совета в целом см.: *Сафронов Г. И.* Организация обмена опытом и координация учебной и научной работы по славянской филологии. — ВЛГ, 1978, № 20, с. 113—115; *Мыльников А. С.* Из опыта работы ленинградских славистов. — ВАН СССР, 1979, № 4, с. 114—118; *Тугова Л. Н.* В научном Совете по проблемам славяноведения и балканистики. — Сов. славяноведение, 1981, № 3, с. 123.
- ² Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований. М., 1979, с. 267.
- ³ *А. М.* В Ленинградском отделении научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. — Сов. славяноведение, 1976, № 4, с. 135.
- ⁴ *Жакова Н. К.* Роль славянских матиц в развитии культуры и национального самосознания славянских народов (к 150-летию Матицы сербской). — Сов. славяноведение, 1976, № 6, с. 106—110; *Ка М.* Symposium w Lenin-gradzie wo wuwicu slowjanskich Maćicow. Rozhland, 1976, N 5, s. 191—192.
- ⁵ *Мокиенко В. М.* Заседание ленинградских славистов. — ВЛГ, 1978, № 8, с. 157—159.
- ⁶ *Мыльников А. С.* Этнокультурная роль города в период становления наций. — СЭ, 1981, № 1, с. 134—137.
- ⁷ (Хроника заседания). — ВИ, 1981, № 6, с. 160.
- ⁸ (Хроника заседания). — ВИ, 1977, № 9, с. 188.
- ⁹ (Хроника заседания). — ВИ, 1981, с. 150.

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ СЕРИИ
„ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА
ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ“

Названная серия выпускается издательством «Наука», начиная с 1974 г. К настоящему времени вышли в свет следующие книги:

Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время / Отв. ред. Ю. А. Писарев. М., 1974. 315 с.

Львова Е. П. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М., 1975. 207 с.

Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях: Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977. 200 с.

Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Злыднев. М., 1977. 333 с.

Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1978. 355 с.

Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие; конец XVIII в.—1849 г. / Отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1980. 609 с.

Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма / Отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1981. 464 с.

Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное Возрождение / Редкол.: И. А. Богданова, С. В. Никольский, Б. Ф. Стахеев. М., 1982. 311 с.

Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты / Отв. ред. И. С. Миллер и В. И. Фрейдзон. М., 1982. 360 с.

Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1982. 368 с.

Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Романтизм / Отв. ред. Б. Ф. Стахеев. М., 1983. 256 с.

Польша на путях развития и утверждения капитализма: Конец XVIII—60-е годы XIX в. / Отв. ред. С. М. Фалькович. М., 1984. 293 с.

Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Злыднев. М., 1984. 280 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Некоторые аспекты перехода от феодальной народности к нации в Юго-Восточной и Центральной Европе . . .	7
<i>Н. В. Юхнёва.</i> О роли многонациональных городов Центральной и Восточной Европы в интеграционных этнических процессах (XVIII—XIX вв.)	17
<i>Р. Х. Тугушева.</i> Славянская торговая лексика и складывание национального рынка	28
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Социальная ситуация накануне и в начале «национального пробуждения» в Австрийской империи	35
<i>Т. М. Исламов.</i> От «нацио хунгарика» к венгерской нации	40
<i>А. С. Мыльников.</i> Об этносоциальных аспектах эпохи чешского национального Возрождения (к вопросу о перерастании феодальной народности в нацию)	60
<i>Л. А. Обушенкова.</i> Основные этапы формирования польского этнического самосознания	74
II. О ГЕНЕЗИСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	
<i>И. В. Чуркина.</i> Начальный этап развития словенского национального самосознания	88
<i>Б. Н. Путилов.</i> Героический эпос как компонент черногорского самосознания	95
<i>О. И. Трофимкина.</i> К вопросу о роли черногорских диалектов в формировании сербскохорватского литературного языка (на материале произведений С. М. Любиши)	102
<i>П. А. Дмитриев.</i> Значение переводов Вука Караджича для формирования сербского национального самосознания	108
<i>М. Л. Бершадская.</i> Становление хорватского национального самосознания в творчестве хорватских просветителей XVIII—начала XIX в.	132
<i>Г. К. Венедиктов.</i> К истории литературного самоназвания болгар в эпоху их национального Возрождения	145
<i>Н. К. Жакова.</i> Отражение роста национального самосознания в смене литературных направлений в Чехии (на примере развития художественной прозы)	163
<i>И. М. Порочкина.</i> К вопросу о роли русско-славянских связей в эпоху становления славянских культур нового времени	177
<i>А. С. Мыльников.</i> О роли «Слова о полку Игореве» в эволюции идей чешского национального самосознания (новые данные о работе Й. Юнгмана над переводом памятника на чешский язык)	184

III. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>А. С. Бейлис.</i> Начальный этап формирования болгарской нации и национального самосознания в освещении болгарской марксистской историографии	200
<i>Н. К. Жакова.</i> Проблема «Формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» в деятельности Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики	219
Библиография книг серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры»	227

**У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**
Общественно-культурное развитие
и генезис
национального самосознания

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редакторы издательства Н. В. Павлова, С. Н. Романова
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Э. Л. Кунина
Корректор Г. Н. Джиоева
ИБ № 28503

Сдано в набор 18.04.84.
Подписано к печати 18.07.84.
Т-14618. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.

Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 16,7. Усл. кр. отт. 14,5.
Тираж 1350 экз. Тип. зак. 1455.

Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука».
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В 1985 г.
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

выйдут в свет:

НАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФРОНТЫ
В АНТИФАШИСТСКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ
И РЕВОЛЮЦИЯХ 40-х ГОДОВ

40 л., 4 р. 30 к. I кв.

В монографии исследуются вопросы формирования и деятельности народных и национальных фронтов в ходе антифашистской освободительной борьбы и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Книга имеет проблемно-страноведческую структуру и охватывает как вопросы политической истории, так и становления новых общественных и социально-экономических отношений в каждой из стран региона и роль в этих процессах народных и национальных фронтов, рабочих и коммунистических партий.

Для историков, социологов, экономистов, юристов.

СССР И СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ.
СТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ДРУЖБЫ
И СОТРУДНИЧЕСТВА.

1944—1949 гг.

30 л., 3 р. 50 к. I кв.

В книге подробно освещаются история формирования в 1944—1949 гг. международных отношений нового типа между СССР и странами народной демократии, социалистического содружества, развития отношений СССР с каждым из европейских народно-демократических государств, показывается важная роль Советского Союза в борьбе за их независимость и самостоятельность, выявляются общие закономерности и особенности в становлении новых отношений между социалистическими странами. Большое место уделено разоблачению фальсификаций буржуазной историографии рассматриваемой проблемы.

Для историков, международников, юристов, экономистов, дипломатических работников.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
- 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».
- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
- 320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 19а;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
- 142292 Пущино, Московская обл., МР, «В», 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);

20-23к

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

